

ВЕСТНИК РОССИЙСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ДРУЖБЫ НАРОДОВ.

СЕРИЯ: ЭКОНОМИКА

2025 ТОМ 33 № 2

Тема выпуска:

СТРАНЫ АЗИИ И АФРИКИ

В УСЛОВИЯХ ФОРМИРОВАНИЯ МНОГОПОЛЯРНОГО МИРА

DOI: 10.22363/2313-2329-2025-33-2

<http://journals.rudn.ru/economics>

Научный журнал

Издается с 1993 г.

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-61177 от 30.03.2015 г.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы»

Главный редактор

Давыдов В.М., член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор кафедры Иberoамериканских исследований экономического факультета, Российский университет дружбы народов, директор Института Латинской Америки РАН, Москва, Россия

Заместитель главного редактора

Решетникова М.С., кандидат экономических наук, доцент кафедры экономико-математического моделирования экономического факультета, Российский университет дружбы народов, Москва, Россия

Ответственный секретарь

Коновалова Ю.А., кандидат экономических наук, доцент кафедры международных экономических отношений экономического факультета, Российский университет дружбы народов, Москва, Россия

Члены редакционной коллегии

Авирап Кумар Тивари – доктор экономических наук, бизнес-школа Раджагири, Кочи, Индия

Андропова И.В. – доктор экономических наук, профессор, декан экономического факультета, заведующая кафедрой международных экономических отношений экономического факультета, Российский университет дружбы народов, Москва, Россия

Бруно Серджио – доктор наук, профессор Университета Мессина, Мессина, Италия, исследователь Дэвис центра российских и евразийских исследований, Гарвардский университет, Кембридж, США

Вукович Дарко – доктор наук, заведующий кафедрой страноведения, Географический институт Йована Цвнджича, Сербская академия наук и искусств, Белград, Сербия

Гусаков Н.П. – доктор экономических наук, профессор кафедры международных экономических отношений экономического факультета, Российский университет дружбы народов, Москва, Россия

Грубижич Зоран – доктор наук, заместитель декана, Белградская банковская академия, Белград, Сербия

Дегтерева Е.А. – доктор экономических наук, доцент кафедры маркетинга экономического факультета, Российский университет дружбы народов, Москва, Россия

Зиядуллаев Н.С. – доктор экономических наук, профессор, член-корреспондент Академии наук Узбекистана, главный научный сотрудник, Институт проблем рынка РАН, заслуженный деятель науки РФ, Москва, Россия

Кузнецов А.В. – доктор экономических наук, член-корреспондент РАН, врио директора, ИНИОН РАН, Москва, Россия

Лавров С.Н. – доктор экономических наук, профессор, исполнительный директор бюро экономического анализа, заведующий кафедрой международного бизнеса факультета мировой экономики и мировой политики, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия

Маити Моинак – доктор наук, департамент финансов, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Санкт-Петербург, Россия

Мадиярова Д.М. – доктор экономических наук, профессор кафедры экономики, Евразийский университет им. Л.Н. Гумилева, Астана, Казахстан

Мосейкин Ю.Н. – доктор экономических наук, профессор, Российский университет дружбы народов, Москва, Россия

Попкова Е.Г. – доктор экономических наук, профессор, президент АНО Институт научных коммуникаций, ведущий научный сотрудник кафедры экономической политики и государственно-частного партнерства, МГИМО, Москва, Россия

Рекорд С.И. – доктор экономических наук, профессор, заведующая кафедрой мировой экономики и международных экономических отношений экономического факультета, СПбГЭУ, Санкт-Петербург, Россия

Сергетис Апостолос – доктор экономических наук, профессор, экономический факультет, Университет Калгари, Калгари, Канада

Ткаченко М.Ф. – доктор экономических наук, профессор, заведующая кафедрой мировой экономики, Дипломатическая академия МИД России, Москва, Россия

ВЕСТНИК РОССИЙСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ДРУЖБЫ НАРОДОВ. СЕРИЯ: ЭКОНОМИКА

ISSN 2313-2329 (Print); ISSN 2408-8986 (Online)

4 выпуска в год (ежеквартально).

Языки: русский, английский.

Входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ по специальностям: с 23.09.2022 — 5.2.1. Экономическая теория (экономические науки); 5.2.2. Математические, статистические и инструментальные методы в экономике (экономические науки); 5.2.3. Региональная и отраслевая экономика (экономические науки); с 01.02.2022 — 5.2.4. Финансы (экономические науки); 5.2.5. Мировая экономика (экономические науки).

Опубликованные в журнале статьи индексируются в международных реферативных и полнотекстовых базах данных: РИНЦ Научной электронной библиотеки (НЭБ), DOAJ, Ulrich's Periodicals Directory, Cyberleninka, Google Scholar, WorldCat, East View, Dimensions, Mendeley.

Цели и тематика

Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика — один из ведущих российских научных журналов по экономике, издается Российским университетом дружбы народов с 1993 года.

В центре нашего внимания – актуальные проблемы мировой экономики.

На страницах журнала рассматриваются темы:

- Макроэкономика, экономическая теория и политика
- Экономический рост и развитие
- Экологическая политика и ресурсопользование
- Рынок труда и миграция
- Валютно-кредитные отношения
- Международная торговля

Цель журнала — публикация статей российских и зарубежных исследователей по актуальным проблемам развития российской и мировой экономики.

Среди наших авторов ведущие исследователи-экономисты из российских вузов и научных институтов, эксперты из европейских, американских и азиатских университетов.

Правила оформления статей, архив и дополнительная информация размещены на сайте: <http://journals.rudn.ru/economics>

Электронный адрес: econj@rudn.university

Редактор *О.В. Горячева*

Редакторы англоязычных текстов *М.С. Решетникова, Ю.А. Коновалова*
Компьютерная верстка *И.А. Черновой*

Адрес редакции:

Российская Федерация, 115419, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3
Тел.: +7 (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Адрес редакционной коллегии журнала:

Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6
Тел.: +7 (495) 438-83-65; e-mail: econj@rudn.ru

Подписано в печать 25.07.2025. Выход в свет 30.07.2025. Формат 70×108/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Times New Roman».
Усл. печ. л. 18.02. Тираж 500 экз. Заказ № 774. Цена свободная.

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования
«Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы»
Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Отпечатано в типографии ИПК РУДН
Российская Федерация, 115419, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3
Тел. +7 (495) 955-08-61; e-mail: publishing@rudn.ru

© Российский университет дружбы народов, 2025

RUDN JOURNAL OF ECONOMICS

2025 VOLUME 33 NUMBER 2

Theme of Issue:

ASIAN AND AFRICAN COUNTRIES IN A MULTIPOLAR WORLD

DOI: 10.22363/2313-2329-2025-33-2

<http://journals.rudn.ru/economics>

Founded in 1993

Founder: Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba

EDITOR-IN-CHIEF

Vladimir M. Davydov, Corresponding member of Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics, Full Professor, Head of Iberoamerican Studies Department, Faculty of Economics, RUDN University, Head of the Institute of Latin America of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

DEPUTY OF THE EDITOR-IN-CHIEF

Marina S. Reshetnikova, PhD (Economics), Associate Professor, Department of Economic and Mathematic Modeling, Faculty of Economics, RUDN University, Moscow, Russia

EXECUTIVE SECRETARY

Yulia A. Konovalova, PhD (Economics), Associate Professor, Department of International Economic Relations, Faculty of Economics, RUDN University, Moscow, Russia

EDITORIAL BOARD

Aviral Kumar Tiwari – Doctor of Economics, Professor, Rajagiri Business School, Kochi, India

Inna V. Andronova – Doctor of Economics, Dean of the Economic Faculty, Head of International Economic Relations Department, Faculty of Economics, RUDN University, Moscow, Russia

Sergio Bruno – Doctor of Economics, Full Professor of Political Economy, University of Messina, Messina, Italy, Researcher of Davis Center for Russian and Eurasian Studies, Harvard University, Cambridge, USA

Ekaterina A. Degtereva – Doctor of Economics, Prof. Assoc., Marketing Department, Faculty of Economics, RUDN University, Moscow, Russia

Zoran Grubišić – Doctor of Economics, Professor, Vice-Dean, Belgrade Banking Academy, Belgrade, Serbia

Nikolay P. Gusakov – Doctor of Economics, Full Professor, International Economic Relations Department, Faculty of Economics, RUDN University, Moscow, Russia

Alexey V. Kuznetsov – Doctor of Economics, corresponding member of Russian Academy of Sciences, Head of Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION RAN), Moscow, Russia

Sergey N. Lavrov – Doctor of Economics, Full Professor, Executive Director of the Bureau of Economic Analysis, Head of the Department of International Business, Faculty of International Economy and International Affairs, National Research University “Higher School of Economics”, Moscow, Russia

Diana M. Madiyarova – Doctor of Economics, Full Professor, Department of Economics, Eurasian National University named after L.N. Gumilev, Astana, Kazakhstan

Yuri N. Moseikin – Doctor of Economics, Full Professor, RUDN University, Moscow, Russia

Moinak Maiti – PhD, Associate Professor, Department of Finance, National Research University “Higher School of Economics”, Saint Petersburg, Russia

Elena G. Popkova – Doctor of Economics, Professor at MGIMO University, President of the autonomous non-profit organization “Institute of Scientific Communications”, Moscow, Russia

Sofia I. Rekord – Doctor of Economics, Full Professor, Head of the Global Economy and International Economic Relations Department, Faculty of Economics, Saint Petersburg State University of Economics, Saint Petersburg, Russia

Apostolos Serletis – PhD, Professor of Economics, Department of Economics, University of Calgary, Calgary, Canada

Marina F. Tkachenko – Doctor of Economics, Professor, Head of the Department of World Economy, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Moscow, Russia

Darko Vukovic – Doctor of Economics, Prof. Assoc., Head of Department for Regional Geography, Geographical Institute Jovan Cvijic, Serbian Academy of Sciences and Arts, Belgrade, Serbia

Nabi Ziyadullaev – Doctor of Economics, Full Professor, Corresponding Member of the Academy of Sciences of Uzbekistan, Chief Researcher, Market Economy Institute (MIE RAS), Honored Scientist of the Russian Federation, Moscow, Russia

RUDN JOURNAL OF ECONOMICS

**Published by the Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba
(RUDN University)**

ISSN 2313-2329 (Print); ISSN 2408-8986 (Online)

Publication frequency: quarterly.

Languages: Russian, English.

Indexed by Russian Index of Science Citation, DOAJ, Ulrich's Periodicals Directory, Google Scholar, WorldCat, East View, Dimensions, Mendeley.

Aims and Scope

RUDN Journal of Economics is an international peer-reviewed, open access journal for the field of economics and macroeconomics.

The journal publishes regular original research papers and reviews.

Particular emphasis is placed on applied empirical and analytical work. The journal is open for innovative research approaches and methods.

The journal is included in the List of the Higher Attestation Commission in the specialties: 5.2.1 (Economic theory), 5.2.2 (Mathematical, statistical and instrumental methods in economics), 5.2.3 (Regional and sectoral economy), 5.2.4 (Finance), 5.2.5 (World Economy).

We focus on the current problems of the global economy.

The journal covers the following topics:

- Macroeconomics, economic theory and politics
- Economic development
- Growth and natural resources
- Labor market and migration
- Monetary and financial economics
- International trade

Our authors are known Russian scholars of economics who represent leading universities, as well as experts from foreign countries, including those from the top European, U.S. and Asian universities.

Further information regarding notes for contributors, subscription, and back volumes is available at <http://journals.rudn.ru/economics>

E-mail: econj@rudn.university

Literary Editor *O.V. Goryacheva*

English Text Editors *M.S. Reshetnikova, Yu.A. Kononova*

Layout Designer *I.A. Chernova*

Address of the Editorial Board:

3 Ordzhonikidze St, Moscow, 115419, Russian Federation

Tel.: +7 (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Address of the Editorial Board of RUDN Journal of Economics:

6 Miklukho-Maklaya St, Moscow, 117198, Russian Federation

Ph.: +7 (495) 438-83-61; e-mail: econj@rudn.ru

Printing run 500 copies. Open price.

Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba
6 Miklukho-Maklaya St, Moscow, 117198, Russian Federation

Printed at RUDN Publishing House

3 Ordzhonikidze St, Moscow, 115419, Russian Federation

Tel.: +7 (495) 955-08-74; e-mail: publishing@rudn.ru

СОДЕРЖАНИЕ

МЕЖДУНАРОДНАЯ ТОРГОВЛЯ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Пинчук В.Н., Першин Д.В. Внешняя торговля Индонезии: статус-кво и перспективы развития «азиатского тигра»151

Васильев А.С. Торгово-экономические отношения России со странами Африканского рога в рамках расширения географии сотрудничества: продовольственная безопасность.....172

Belova I.N., Barat Ali Z.Kh. Iran's trade and economic relations with Russia (Торгово-экономические отношения Ирана с Россией)199

МЕЖДУНАРОДНОЕ ДВИЖЕНИЕ КАПИТАЛА

Jian W., Andronova I.V. External and internal factors of international reserve management in China (Внешние и внутренние факторы управления международными резервами в Китае)213

Ma X., Nezhnikova E.V. Investigation into investment risks and mitigation strategies for Chinese energy companies in Belt and road countries: a case study of Russia (Исследование инвестиционных рисков и стратегий их снижения для китайских энергетических компаний в странах «Пояса и пути» на примере России)227

Surkov A.N., Chiniev J.B. Gulf cooperation council countries' investment strategies in Africa (Инвестиционные стратегии стран Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива в Африке)243

Чигринская А.П. Мировой рынок сукук: анализ текущего состояния и особенностей развития258

ЭКОНОМИКА ОТРАСЛЕВЫХ РЫНКОВ

Мядзель В.С. Национальные особенности металлургической промышленности ЕАЭС: перспективы формирования единой промышленной политики.....270

ЭКОНОМИКА РАЗВИТЫХ И РАЗВИВАЮЩИХСЯ СТРАН

Rizki S.W., Didenko N. Institutional performance and its impact on economic growth in ASEAN countries: trend and panel data analysis (Институциональная эффективность и ее влияние на экономический рост в странах АСЕАН: анализ тенденций и панельных данных)285

Попов Г.Е., Холина В.Н., Петрович М. Роль столиц и крупнейших городов в экономическом развитии стран БРИКС304

ИННОВАЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ ЭКОНОМИКЕ

Медведев Д.А., Малых А.Е. Использование инструментария OSINT в структуре реализации санкционного давления со стороны ЕС и США в отношении российского нефтегазового сектора319

Balashova S.A., Abramian R.A., Lazarev N.V. Short- and long-term drivers of China's high-tech export leadership: empirical analysis (Краткосрочные и долгосрочные факторы лидерства Китая в экспорте высоких технологий: эмпирический анализ).....334

CONTENTS

INTERNATIONAL TRADE IN THE CONDITIONS OF GLOBALIZATION

- Pinchik V.N., Pershin D.V.** Indonesia's foreign trade: the status quo and development prospects of the Asian Tiger.....151
- Vasilev A.S.** Trade and economic relations between Russia and the Horn of Africa countries as part of expanding the geography of cooperation: the food security172
- Belova I.N., Barat Ali Z.Kh.** Iran's trade and economic relations with Russia199

INTERNATIONAL CAPITAL MOVEMENT

- Jian W., Andronova I.V.** External and internal factors of international reserve management in China.....213
- Ma X., Nezhnikova E.V.** Investigation into investment risks and mitigation strategies for Chinese energy companies in Belt and road countries: a case study of Russia227
- Surkov A.N., Chiniev J.B.** Gulf cooperation council countries' investment strategies in Africa243
- Chigrinskaya A.P.** Global sukuk market: analysis of the current state and development features.....258

ECONOMICS OF INDUSTRY MARKETS

- Miadzel V.S.** National characteristics of the metallurgical industry of the EAEU: prospects for the formation of a common industrial policy270

ECONOMIES OF DEVELOPED AND DEVELOPING COUNTRIES

- Rizki S.W., Didenko N.** Institutional performance and its impact on economic growth in ASEAN countries: trend and panel data analysis285
- Popov G.E., Kholina V.N., Petrovich M.** The role of capitals and major cities in the economic development of the BRICS countries304

INNOVATIONS IN THE MODERN ECONOMY

- Medvedev D.A., Malykh A.E.** Use of OSINT tools in the structure of the implementation of sanctions pressure by the EU and the USA against the Russian oil and gas sector.....319
- Balashova S.A., Abramian R.A., Lazarev N.V.** Short- and long-term drivers of China's high-tech export leadership: empirical analysis.....334

МЕЖДУНАРОДНАЯ ТОРГОВЛЯ
В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИINTERNATIONAL TRADE
IN THE CONDITIONS OF GLOBALIZATION

DOI: 10.22363/2313-2329-2025-33-2-151-171

EDN: DRAYTZ

УДК 339.5, 339.9

Научная статья / Research article

**Внешняя торговля Индонезии:
статус-кво и перспективы развития «азиатского тигра»****В.Н. Пинчук , Д.В. Першин ***Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация* stdm2004@gmail.com

Аннотация. Внешняя торговля — одно из ключевых направлений взаимодействия стран современного мира. Оценка текущего состояния внешней торговли представляется несколько тривиальной, настолько же и комплексной задачей в силу встроенности внешней торговли во все прочие экономические процессы. Внешняя торговля Индонезии крайне интересна как предмет исследования, так как страна является одним из признанных экономических лидеров Юго-Восточной Азии и своеобразными «воротами в Азию» для конкурентоспособной продукции из прочих регионов мира. Анализ тенденций и проблем развития внешней торговли Индонезии указывает на их обусловленность общим состоянием экономики страны. Перспективы дальнейшего улучшения структуры и результативности внешней торговли Индонезии напрямую зависят от качества реализации на общегосударственном уровне стратегии развития страны. Цель исследования — выявление особенностей динамики, структуры и географии внешней торговли Индонезии и определение ее роли и места среди стран АСЕАН. Используются такие методы исследования, как анализ и синтез, абстрагирование и переход от абстрактного к конкретному, построение аналогий, статистический и сравнительно-исторический. В результате проведенного исследования было установлено, что проблемы, которые присутствуют в области внешней торговли Индонезии, носят комплексный и взаимосвязанный характер. Установлено, что структура внешней торговли Индонезии напрямую взаимосвязана с интеграцией страны в глобальные цепочки стоимости, модели экономического развития и социально-экономических показателей и др.

© Пинчук В.Н., Першин Д.В., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Ключевые слова: экспортная квота, открытость экономики, системная конкурентоспособность, стратегия развития, Ассоциация стран Юго-Восточной Азии, АСЕАН, баланс внешней торговли, структура импорта, структура экспорта, международное разделение труда

Вклад авторов. Авторы внесли равнозначный вклад в разработку структуры и содержания, проведение исследования и подготовку текста статьи.

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 9 ноября 2024 г.; доработана после рецензирования 17 января 2024 г.; принята к публикации 28 февраля 2025 г.

Для цитирования: Пинчук В.Н., Першин Д.В. Внешняя торговля Индонезии: статус-кво и перспективы развития «азиатского тигра» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика. 2025. Т. 33. № 2. С. 151–171. <https://doi.org/10.22363/2313-2329-2025-33-2-151-171>

Indonesia's foreign trade: the status quo and development prospects of the Asian Tiger

Viktor N. Pinchuk , Denis V. Pershin

RUDN University, Moscow, Russian Federation

 stdm2004@gmail.com

Abstract. Foreign trade is one of the key areas of cooperation between the countries of the modern world. Assessing the current state of foreign trade seems to be as trivial as it is a complex task due to the integration of foreign trade into all other economic processes. Indonesia's foreign trade is an extremely interesting subject of research due to the fact that Indonesia is one of the recognized economic leaders of Southeast Asia and, perhaps, a kind of “gateway to Asia” for competitive products from other regions of the world. An analysis of the trends and problems of the development of Indonesia's foreign trade indicates that they are conditioned by the general state of the country's economy. The prospects for further improvement of the structure and effectiveness of Indonesia's foreign trade directly depend on the quality of the country's national development strategy implementation. The purpose of the study is to identify the dynamics, structure and geography of Indonesia's foreign trade and to determine its role and place among the ASEAN countries. Such research methods as analysis and synthesis, abstraction and transition from the abstract to the concrete, construction of analogies, statistical and comparative historical were used. As a result of the research conducted by the authors, it was found that the problems that are present in the field of Indonesia's foreign trade are complex and interrelated. It has been established that the structure of Indonesia's foreign trade is directly interrelated with the country's integration into global value chains, models of economic development and socio-economic indicators, etc.

Keywords: export quota, openness of economy, systemic competitiveness, development strategy, Association of South East Asian Nations, ASEAN, foreign trade balance, import structure, export structure, international division of labour

Authors' contribution. The authors have made an equal contribution to the development of the structure and content, conducting research and preparing the text of the article.

Conflicts of interest. The authors declare no conflict of interests.

Article history: received 9 November 2024; revised 17 January 2025; accepted 28 February 2025.

For citation: Pinchik, V.N., & Pershin, D.V. (2025). Indonesia's foreign trade: the status quo and development prospects of the Asian Tiger. *RUDN Journal of Economics*, 33(2), 151–171. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2313-2329-2025-33-2-151-171>

Введение

Индонезия — страна, состоящая из более чем 18 тысяч островов, из которых населены только около 6 тысяч, охватывающая три часовых пояса, простирающаяся примерно на 3200 миль с Востока на Запад, что является для индонезийской экономики значительной проблемой с точки зрения построения и обслуживания наземной инфраструктуры, ведения хозяйства и участия в международных экономических отношениях, главным из которых является международный обмен товарами и услугами.

Экономика Индонезии входит в TOP-20 по уровню ВВП в текущих долларах (1,37 трлн долл. в 2023 г. по данным Всемирного Банка), население страны составляет 281,2 млн человек (четвертое место после Индии, Китая и США по данному показателю в 2023 г.), страна занимает 28-е место в TOP-30 мировых экспортеров товаров в 2023 г., по данным ВТО (объем товарного экспорта 259 млрд долл., доля в мировом экспорте товаров 1,1 %), 30-е место по импорту товаров (222 млрд долл., 0,9 %); однако, к сожалению, показатели участия страны в мировой торговле коммерческими услугами менее впечатляющие: Индонезия не представлена ни в TOP-30 мировых экспортеров коммерческих услуг за 2023 г., ни в TOP-30 импортеров. Приведенные данные очень важны для понимания роли и места страны в международном обмене товарами и услугами как с точки зрения оценки экономического потенциала и возможностей, так и тех «пробелов», которые наблюдаются в ее экономическом развитии и участии в системе международных экономических отношений.

Актуальность исследования обосновывается тем, что экономика Индонезии представляет значительный инвестиционный, производственный и торговый интерес со стороны транснационального бизнеса и других субъектов мирового хозяйства. Геополитическое и геоэкономическое положение страны является ее конкурентным преимуществом как для осуществления внешнеэкономической экспансии, обеспечения и развития зарубежных экономических интересов, так и для развития потенциала самой страны и ее национальной экономики. **Цель исследования** состоит в выявлении особенностей внешней торговли Индонезии, ее динамики, структуры, географии, а также определении роли и места Индонезии в АСЕАН.

Методы и материалы

Методы, примененные в данном исследовании: индукция, дедукция, ретроспектива и системный анализ — позволили достаточно детализировано рассмотреть внешнюю торговлю Индонезии, выявить ее характерные особенности.

Экономика Индонезии и участие страны в международных экономических отношениях достаточно подробно исследованы в работах советских и российских ученых, среди которых: Н.В. Андреева (Андреева, 2006), В.Я. Архипов (Архипов, 1971), Д.Е. Астафьева (Астафьева, 2020), Д.В. Беклешов (Беклешов, 1956), И.А. Воробьева с коллегами (Воробьева и др., 2021), А.М. Грибанова (Грибанова, 2022), Н.С. Куклин (Куклин, 2023), Л.Ф. Пахомова (Пахомова, 1966), Ю.А. Плеханов (Плеханов, 1985), А.В. Попов (Попов, 2019), И.О. Фаризов (Фаризов, 1964).

В ходе исследования выявлено, что в рамках российской экономической науки наблюдается колоссальный дефицит работ, посвященных изучению экономики Индонезии. Несмотря на наличие большого числа диссертаций, защищенных по темам, сопряженным с особенностями индонезийской экономики и участием страны в мировом хозяйстве и международных экономических отношениях, работ фундаментального порядка, монографий, очень и очень мало.

Среди зарубежных авторов, чьи исследования посвящены особенностям социально-экономического развития Индонезии и ее участию в мировом хозяйстве и системе международных экономических отношений, можно выделить следующих ученых: N. Aprilia, W. Subroto, N. Sakti (Aprilia, Subroto, Sakti, 2025), C. Irawan, B. Sasongko, M. Mukhlis, D. Yanto, M. Wulandari (Irawan et al., 2022), A. Kurniawan, K. Lutfi (Kurniawan, Lutfi, 2023), F. Mulyani, A. Frian, T. Abdullah (Mulyani, Frian, Abdullah, 2024).

Текущее состояние внешней торговли Индонезии

Международная торговля товарами в последние четыре десятилетия характеризуется опережающим ростом объемов в сравнении с ростом объемов их производства, а также увеличением доли готовой продукции в совокупном товарообороте. Так, в период 1980–2023 гг. мировой ВВП увеличился в текущих ценах в 9,2 раза (с 11,5 до 105,4 трлн долл.), тогда как мировой экспорт товаров — в 12,1 раза (с 2,0 до 23,9 трлн долл.). Доля ресурсов (*топлива и прочей продукции добывающей промышленности*) в мировом экспорте снизилась в указанный период с 27,5 до 19,9% совокупных поставок (рост с 0,6 до 5,0 трлн долл.). Размер экспортной квоты (*отношения стоимости экспорта к размеру ВВП*) в мире возрос в 1980–2023 г. с 17,2 до 22,7%^{1,2}.

В сравнении с приведенными мировыми тенденциями производства и экспорта товаров показатели Индонезии говорят о положительных переменах в национальной экономике в долгосрочном измерении. Так, размер ВВП Индонезии за период 1980–2023 гг. возрос в 18,9 раза (с 72,5 до 1 371,2 млрд долл.), экспорт товаров — в 11,8 раза (с 21,9 до 258,9 млрд долл.), тогда как доля сырье-

¹ International trade statistics. WTO. URL: <https://stats.wto.org/> (дата обращения: 19.09.2024).

² World Development Indicators. World Bank. URL: <https://databank.worldbank.org/source/world-development-indicators> (дата обращения: 19.09.2024).

вых товаров в экспорте снизилась с 75,8 до 32,8 % (рост с 16,6 до 95,7 млрд долл.). Одновременно размер экспортной квоты снизился с 30,2 % в 1980 г. до 18,9 в 2023 г.^{3,4}. В 1980–2023 гг. среднегодовые темпы прироста в Индонезии составили: ВВП — 6,9 % (в среднем по миру — 5,2 %), поставок за рубеж — 5,77 % (в среднем по миру — 5,83 %).

Заметный спад, превышающий 10 % годовых, для ВВП отмечается только в 1983 г. (–10,1 %) и 1998 г. (–55,8 %). Экономический спад 1983 г. был связан с кризисом перепроизводства нефти вследствие сильного сокращения спроса на данный энергоноситель, в 1998 г. — с Азиатским финансово-экономическим кризисом.

Аналогичные размеры сокращения экспортных поставок были зафиксированы в 1985 г. (–15,1 %), 1986 г. (–13,5 %), 1998 г. (–10,5 %), 2001 г. (–12,3 %), 2009 г. (–14,3 %), 2015 г. (–14,7 %) и 2023 г. (–11,3 %). Приведенные показатели свидетельствуют о **высокой устойчивости экономической модели Индонезии**. «Среди наиболее крупных развивающихся стран по среднегодовым макроэкономическим показателям за 2008–2018 гг. Индонезия заняла 3-е место по среднегодовым темпам прироста ВВП на душу населения (после Китая и Индии) и 1-е — по их стабильности» (Калашникова, Мухаммад, 2024).

Министр финансов Индонезии Индравати так описывает суть национальной управленческой модели в Индонезии: «Мы предоставляем компаниям налоговые и другие льготы, чтобы они могли быть конкурентоспособными. Однако в то же время мы говорим горнодобывающим компаниям, что они не могут экспортировать переработанные полезные ископаемые, и они должны строить металлургические комбинаты. Это беспроигрышный вариант. Экономика Индонезии становится более устойчивой...»⁵.

Относительно высокие темпы развития экономики Индонезии в сравнении с общемировыми при наличии структурных улучшений в экономике говорят об **успешном опыте модернизации**, если понимать под ней «позитивное изменение показателей развития экономики со скоростью, превышающей средние («эволюционные») темпы развития в данной стране и/или стране, принятой в качестве базы сравнения, либо среднемировые темпы» (Мальцев, 2012).

Доля Индонезии в мировом ВВП в рассматриваемый период закономерно возросла с 0,63 до 1,30 % (минимальное значение — 0,30 % в 1998 г.), при этом доля страны в мировом экспорте изменилась незначительно — с 1,11 до 1,08 % (минимум — 0,70 % в 1988 г., максимум — 1,23 в 1982 г.) (рис. 1).

³ International trade statistics. WTO. URL: <https://stats.wto.org/> (дата обращения: 19.09.2024).

⁴ World Development Indicators. World Bank. URL: <https://databank.worldbank.org/source/world-development-indicators> (дата обращения: 19.09.2024).

⁵ Оуэн Н. Упорный реформатор. МВФ. 2024. URL: <https://www.imf.org/ru/Publications/fandd/issues/2024/12/Trenches-relentless-reformer-sri-mulyani-indrawati> (дата обращения: 20.12.2024).

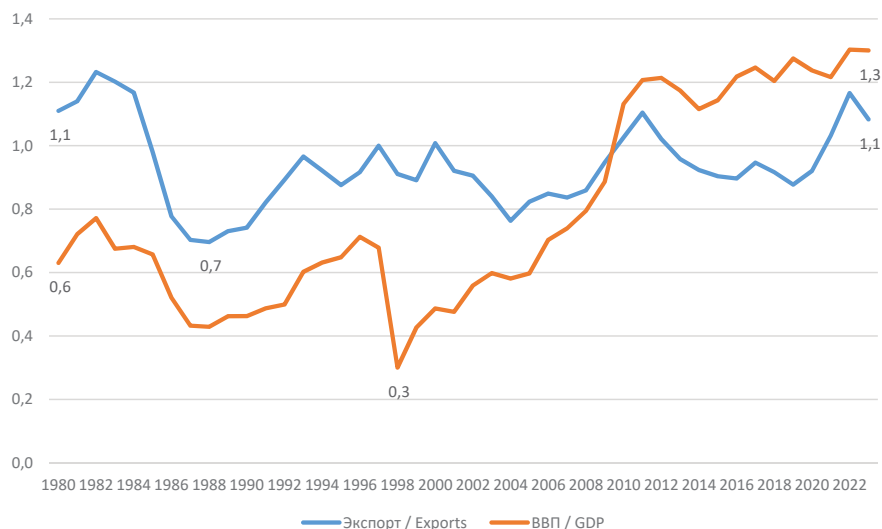

Рис. 1. Доля Индонезии в мировом ВВП и мировом экспорте, %

Источник: составлено Д.В. Першиным по International trade statistics. WTO. URL: <https://stats.wto.org/> (дата обращения: 19.09.2024); World Development Indicators. World Bank. URL: <https://databank.worldbank.org/source/world-development-indicators> (дата обращения: 19.09.2024).

Figure 1. Indonesia's share in global GDP and global exports, %

Source: compiled by D.V. Pershin according to International trade statistics. WTO. Retrieved September 19, 2024 from <https://stats.wto.org/>; World Development Indicators. World Bank. Retrieved September 19, 2024 from <https://databank.worldbank.org/source/world-development-indicators>.

При относительно стабильной доле Индонезии в товарных поставках за рубеж фиксируется двукратный рост ее доли в мировом ВВП. Это говорит о **приоритетном развитии национальной экономики в целом** в сравнении с экспортным сектором и объясняет снижение экспортной квоты с 30,2 % в 1980 г. до 18,9 в 2023 г.⁶

Ключевым событием с точки зрения ориентации Индонезии на внешний рынок стал Азиатский валютно-финансовый кризис 1997–1998 гг., который последовал за девальвацией китайского юаня и японской йены и отказом Таиланда поддерживать фиксированный валютный курс. Кризис вызвал масштабный отток капитала и значительный дефицит счета текущих операций. «Сжатие» экономики Индонезии более чем в 2 раза в долларовом выражении привело к росту экспортной квоты до уровня 52,8 %. Возобновление экономического роста в Индонезии сопровождалось в 2000–2023 гг. нормализацией показателя на среднем уровне 23,3 % (среднее значение в 1980–2023 гг. — 24,6 %). Вследствие Азиатского кризиса «обозначились пределы ориентации на экспорт, встал вопрос о развитии внутреннего спроса как основного драйвера хозяйственных процессов»⁷. Кроме того, по итогам кризиса стали более обоснован-

⁶ World Development Indicators. World Bank. URL: <https://databank.worldbank.org/source/world-development-indicators> (дата обращения: 19.09.2024).

⁷ Канаев Е., Королёв А. Две стороны одной проблемы: Малайзия и Индонезия в азиатский кризис 1997–1998 годов. 2021. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/dve-storony-odnoj-problemy/> (дата обращения: 18.09.2024).

ными сомнения в целесообразности следования экономическим предписаниям Запада как ориентированным на выгоду самого Запада.

«Теми, кто наиболее безболезненно прошел через кризис и оказался после него в лучшем положении, были страны, не последовавшие стандартным предписаниям МВФ и Министерства финансов США. Китай избежал спада, осуществляя экспансионистскую кредитно-денежную и бюджетную политику — прямо противоположную той, которую Министерство финансов и МВФ навязали другим странам региона. Малайзия, где спад был самым коротким и наименее глубоким, не только не приняла программы МВФ, но, наоборот, ввела контроль за движением капитала, за что и подвергалась суровой критике со стороны Министерства финансов США и МВФ» (Стиглиц, 2005). «На самом деле причины кризиса кроются как в международной экономической стратегии, подчиняющей развитие всех стран интересам транснациональных корпораций, базирующихся в основном в США, так и в национальных экономических стратегиях, ориентированных на реализацию корпоративных интересов и рост внешней задолженности» (Ведута, 1998).

Среди прочих стран АСЕАН Индонезия по состоянию на 2023 г. занимает предпоследнее место по размеру экспортной квоты (18,9%), опережая только Филиппины (16,7%) и почти в 5 раз уступая Сингапuru (рис. 2). Смещение акцентов в пользу внутреннего рынка оказывается обоснованным и крайне перспективным для такой крупной страны.

По состоянию на начало 2010-х гг., «драйвером экономического роста в Индонезии является не дорогая нефть или дешевые кредиты, а рост потребления — один из самых мощных стимулов развития экономики. Страна обладает четвертым по численности в мире (248 млн человек) молодым населением, готовым работать не покладая рук. Стремление жителей страны жить лучше — валовой доход на душу населения 2500 долл. (в России 10000 долл.) — гарантирует ей годы поступательного развития. А устойчивость объясняется структурой ВВП, 57% которого создается за счет внутреннего потребления, которое неуклонно растет с ростом среднего класса. Пока еще 25% ВВП Индонезии приходится на экспорт (газ, уголь, биржевые товары), но он направлен в здоровые экономики — Китай, Индию и Сингапур»⁸.

Переориентация экономики на **приоритетное развитие внутреннего рынка** в сравнении с экспортно-ориентированной моделью говорит о **повышении ее долгосрочной устойчивости**. Этому содействует также рост доли готовой продукции в экспорте. Теоретики международной экономики предполагают, что «выгоды от международной торговли для стран, специализирующихся на производстве трудоемких товаров с низкой степенью обработки, либо незначительны, либо вообще отсутствуют» (Попов, 2011).

⁸ Ильин А. Притаившийся дракон: Индонезия манит инвесторов. 2012. URL: <https://www.forbes.ru/investitsii/investitsii-za-rubezhom/81823-pritavshiisya-drakon-indoneziya-manit-investorov> (дата обращения: 18.09.2024).

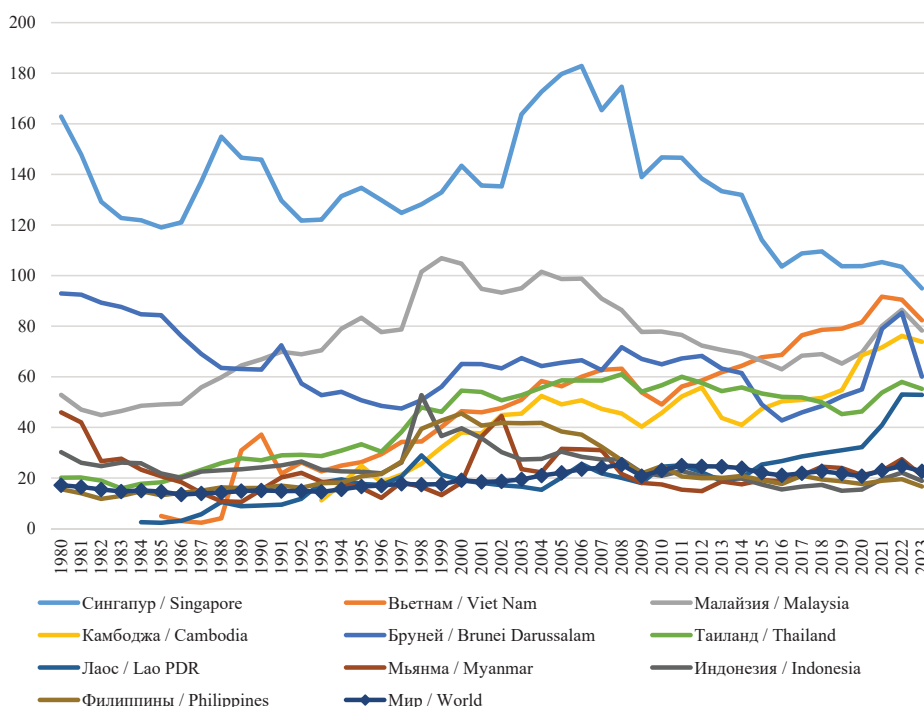

Рис. 2. Экспортная квота в странах АСЕАН и в среднем по миру, % ВВП

Источник: составлено Д.В. Першиным по World Development Indicators. World Bank. URL: <https://databank.worldbank.org/source/world-development-indicators> (дата обращения: 19.09.2024).

Figure 2. Export quota in ASEAN countries and the global average, % of GDP

Source: compiled by D.V. Pershin on World Development Indicators. World Bank. Retrieved September 19, 2024 from <https://databank.worldbank.org/source/world-development-indicators> (accessed data: 19.09.2024).

Доля готовой продукции в экспорте Индонезии несколько отстает от среднемировых значений: 67,2 % в сравнении с 81,1 % в среднем по миру. Тем не менее, как показано выше, в долгосрочном измерении наблюдается значительный прогресс в *отходе Индонезии от модели сырьевой экономики в области экспорта*. Так, за последние десятилетия зависимость Индонезии от конъюнктуры мировых цен на нефть и газкратно уменьшилась в экспорте (с 80 % от стоимости совокупного экспорта в 1975 г. до 9 % в 2017 г.). «Если в период нефтяного бума основные внешнеторговые доходы приносил нефтегазовый сектор, то с конца 80-х гг., в условиях падения мировых цен на нефть, правительству Сухарто удалось постепенно „слезть с нефтяной иглы“ и создать условия для преимущественного развития различных секторов обрабатывающей и горнодобывающей промышленности, что в последующие годы отразилось во внешнеторговом балансе страны, где доля нефтегазового сектора резко снизилась» (Попов, 2019). В то же время «учитывая, что экспортные поступления Индонезии сильно зависят от цен на сырьевые товары (особенно уголь, пальмовое масло, железо), глобальные потрясения, влияющие на мировые цены на эти товары, серьезно воздействуют на индонезийский экспорт и доходы. Например, резкий рост цен на сырьевые товары в 2022 г. обеспечил Индонезии рекордно высокий внешнеторговый профицит (54,5 млрд долл.)» (Исаченко, Трудаева, Зуева, 2024).

Это тем более важно, что зависимость национальной экономики от сырья в производстве и экспорте не только не позволяет оперировать большими доходами и консервирует относительно простую структуру промышленного производства, но также обуславливает зависимость страны от зарубежных обладателей более высоких технологий, от резких колебаний цен мирового рынка на сырьевые товары и ставит под угрозу возможность самостоятельного ресурсного обеспечения развития экономики. «Ведущим источником экономического роста сырьевых стран выступает наращивание не внутреннего спроса, а чистого экспорта, который заведомо нестабилен и к тому же в решающей мере определяется факторами, на которые власти этих стран воздействовать не в состоянии» (Капканщиков, 2021).

Сопоставление размеров экспорта и импорта показывает, что импорт почти не превышал объемы экспорта страны (за исключением 2012–2014 и 2018–2019 гг., когда разница между ними составляла не более $-0,8\%$ ВВП). В среднем за период 1980–2023 гг. сальдо внешней торговли товарами составляло $5,3\%$ ВВП (максимум — $15,8\%$ ВВП в 1998 г.)⁹. Высокая степень согласованности экспортных и импортных операций Индонезии предотвращает такие значимые дисбалансы в экономике, как рост внешнего долга или накопление избыточных золотовалютных резервов.

По степени открытости экономики, оцениваемой в части внешней торговли товарами через показатель внешнеторговой квоты (*отношения стоимости экспорта и импорта к размеру ВВП*), Индонезия заметно отличается от большинства стран АСЕАН (рис. 3). Как по среднему (1980–2023), так и по итоговому (2023) значению внешнеторговой квоты к результатам Индонезии близки только Мьянма и Филиппины, а также данные по миру в среднем. При сопоставлении показателя открытости с размерами ВВП членов АСЕАН (рис. 4) становится понятным, что указанные *расхождения объясняются как масштабом и структурой экономик АСЕАН, так и ориентирами внешнеэкономической политики этих стран*. В схожих климатических, экономических и геополитических условиях страны реализуют свой потенциал, обращаясь к разным комбинациям мер экономической политики.

Более детальная оценка характера индонезийской внешней торговли товарами требует анализа ее динамики в стоимостном измерении, а также ее географической и товарной структуры. Для анализа ограничимся данными начиная с 2000 г. или более поздними, в зависимости от задачи или доступности статистики.

По объему экспорта Индонезия по состоянию на 2023 г. занимала 28-е место в мире и на нее приходилось $1,1\%$ мирового рынка (258,8 млрд долл.), тогда как в 2012 г. она занимала 26-е место с долей в $1,0\%$ рынка (190,0 млрд долл.). Ухудшение позиций в рейтинге с одновременным ростом доли мирового рынка, приходящейся на Индонезию, объясняется исключительно разницей в приросте поставок разных стран на внешний рынок. За период 2012–2023 гг. экспорт Индонезии вырос на $36,2\%$, тогда как в 89 странах и территориях этот

⁹ World Development Indicators. World Bank. URL: <https://databank.worldbank.org/source/world-development-indicators> (дата обращения: 19.09.2024).

показатель был выше, в частности: в Китае — 65,4%, в Ирландии — 77,1%, в Польше — 97,5%, в Марокко — 98,3%, в Словении — 119,7%. Прирост поставок на мировой рынок составил в среднем по миру 26,6%.

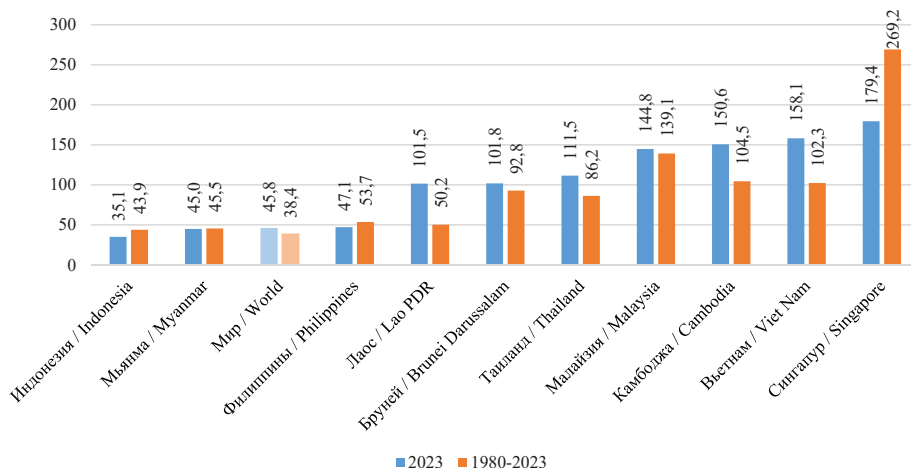

Рис. 3. Внешнеторговая квота членов АСЕАН и в среднем по миру, % ВВП

Источник: составлено Д.В. Першиным по World Development Indicators. World Bank. URL: <https://databank.worldbank.org/source/world-development-indicators> (дата обращения: 19.09.2024).

Figure 3. The foreign trade quota of ASEAN members and the global average, % of GDP

Source: compiled by D.V. Pershin on World Development Indicators. World Bank. Retrieved September 19, 2024 from <https://databank.worldbank.org/source/world-development-indicators>.

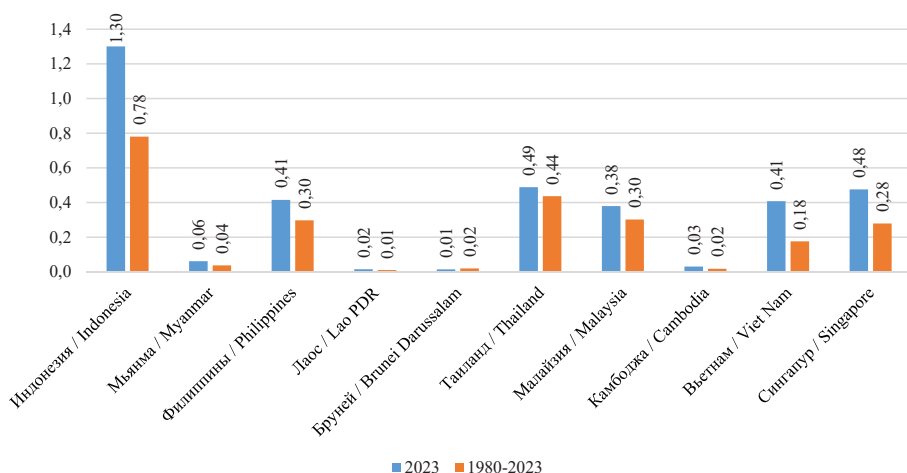

Рис. 4. Доля членов АСЕАН в мировом ВВП, %

Источник: составлено Д.В. Першиным по World Development Indicators. World Bank. URL: <https://databank.worldbank.org/source/world-development-indicators> (дата обращения: 19.09.2024).

Figure 4. Share of ASEAN members in global GDP, %

Source: compiled by D.V. Pershin on World Development Indicators. World Bank. Retrieved September 19, 2024 from <https://databank.worldbank.org/source/world-development-indicators>.

По размеру импорта Индонезия в 2023 г. занимала 29-е место в мире (0,9 % совокупного веса), так же, как и в 2012 г. (1,0 %). Темп прироста закупок на мировом рынке для Индонезии составил в 2012–2023 гг. 15,7 %, в среднем по миру — 27,2 %¹⁰.

За последние 20 лет **географическая структура** экспорта Индонезии претерпела заметные изменения. Так, безоговорочным лидером среди стран-импортеров продукции из Индонезии стал Китай (25,1 % экспорта). Далее следуют США (9,0 %), Япония (8,0 %), Индия (7,8 %) и Сингапур (4,9 %). За два десятилетия свои позиции заметно ухудшили Япония (–14,3 п.п.), Сингапур (–3,5 п.п.), США (–3,3 п.п.), Корея (–2,8 п.п.), Австралия (–1,4 п.п.), Тайвань (–1,4 п.п.), Германия (–1,3 п.п.). Заметный прирост доли поставок пришелся на Китай (+18,7 п.п.), Индию (+4,8 п.п.), Филиппины (+2,5 п.п.), Вьетнам (+2,1 п.п.) и Бангладеш (+1,0 п.п.) (рис. 5). Доля стран АСЕАН в экспорте Индонезии в 2004–2023 гг. возросла с 18,2 (13,0 млрд долл.) до 20,4 % (52,7 млрд долл.).

К главным поставщикам на рынок Индонезии в 2023 г. относились Китай (28,4 % импорта), Сингапур (8,3 %), Япония (7,4 %), США (5,1 %), Малайзия (4,9 %) (рис. 6). Среди ведущих поставщиков наибольший прирост поставок за 2004–2023 гг. отмечается для Китая (+19,5 п.п.), Вьетнама (+1,5 п.п.), Бразилии и Малайзии (+1,2 п.п.), наибольший спад — для Японии (–5,6 п.п.), Сингапура (–4,8 п.п.), Саудовской Аравии (–2,4 п.п.), США (–1,8 п.п.), ФРГ (–1,6 п.п.) и Таиланда (–1,3 п.п.). Доля стран АСЕАН в импорте Индонезии снизилась в указанный период с 24,7 (11,5 млрд долл.) до 21,1 % (46,9 млрд долл.).

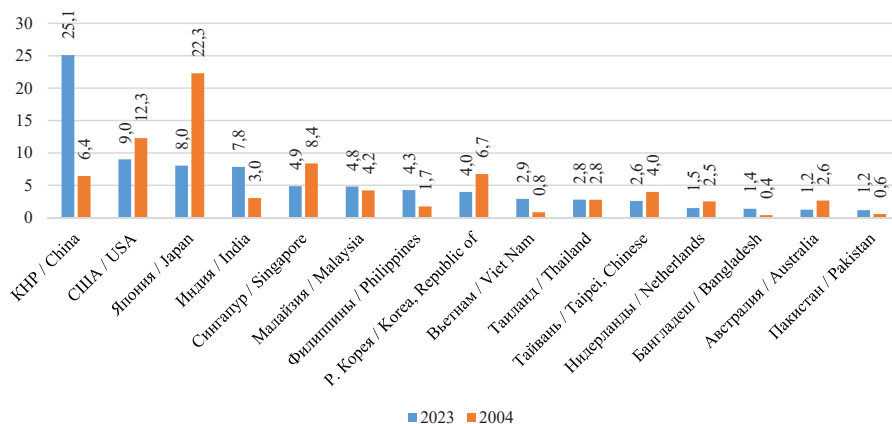

Рис. 5. Географическая структура экспорта Индонезии, % к итогу

Источник: составлено Д.В. Першиным по TradeMap. Trade statistics for international business development. Monthly, quarterly and yearly trade data. Import & export values, volumes, growth rates, market shares, etc. URL: <https://www.trademap.org/> (дата обращения: 19.09.2024).

Figure 5. Geographical structure of Indonesia's exports, % of total

Source: compiled by D.V. Pershin on TradeMap. Trade statistics for international business development. Monthly, quarterly and yearly trade data. Import & export values, volumes, growth rates, market shares, etc. Retrieved September 19, 2024 from <https://www.trademap.org/>.

¹⁰ World Development Indicators. World Bank. URL: <https://databank.worldbank.org/source/world-development-indicators> (дата обращения: 19.09.2024).

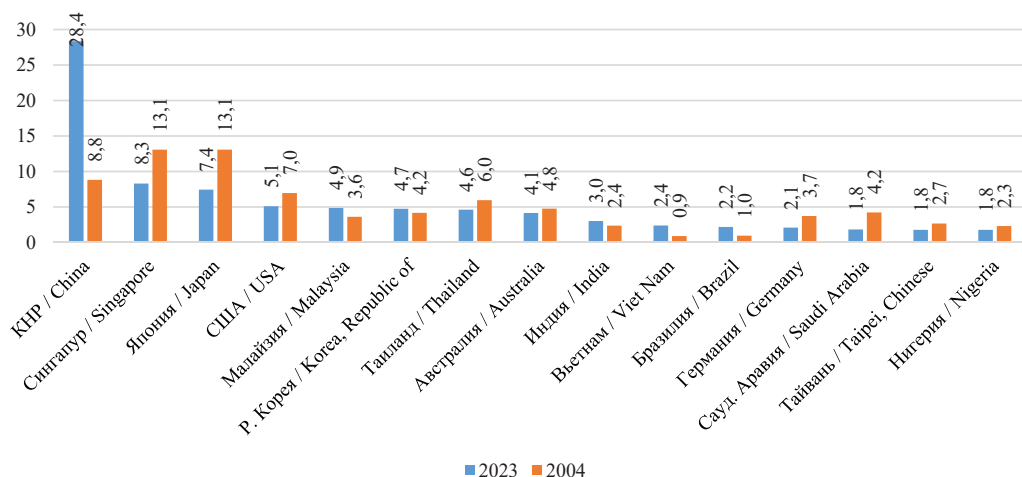

Рис. 6. Географическая структура импорта Индонезии, % к итогу

Источник: составлено Д.В. Першиным по TradeMap. Trade statistics for international business development. Monthly, quarterly and yearly trade data. Import & export values, volumes, growth rates, market shares, etc. URL: <https://www.trademap.org/> (дата обращения: 19.09.2024).

Figure 6. Geographical structure of Indonesia's imports, % of total

Source: compiled by D.V. Pershin on TradeMap. Trade statistics for international business development. Monthly, quarterly and yearly trade data. Import & export values, volumes, growth rates, market shares, etc. Retrieved September 19, 2024 from <https://www.trademap.org/>.

При использовании средних данных за 2004–2023 гг. баланс внешней торговли Индонезии оказывается положительным на уровне 18,3 млрд долл., а к крупным партнерам, формирующим отрицательный баланс торговли, относятся Китай, Сингапур, Таиланд и Австралия (рис. 7). Среди наиболее значимых партнеров Индонезии, формирующих положительный баланс торговли, выделяются США, Япония, Индия, Филиппины, Нидерланды, Пакистан, Тайвань, Корея, Бангладеш.

Товарооборот Индонезии с ключевыми партнерами изменялся в 2004–2023 гг. крайне динамично. Торговыми партнерами — лидерами по темпам роста товарооборота являются, в частности: КНР (14,7 раз), Мьянма (12,2), Бангладеш (12,7), Вьетнам (12,6), Хорватия (9,3), Филиппины (8,5), Индия (8,2), Мексика (8,2), Россия (8,0), Бразилия (7,9). Даже с учетом мировой инфляции, такие темпы роста торговли представляются очень высокими (в среднем товарооборот Индонезии в рассматриваемый период возрос в 4,1 раза).

По абсолютным размерам торговли в 2023 г. 10 ведущими партнерами Индонезии были: КНР (26,6 %), Япония (7,8 %), США (7,2 %), Сингапур (6,5 %), Индия (5,6 %), Малайзия (4,8 %), Корея (4,3 %), Таиланд (3,6 %), Вьетнам (2,7 %), Филиппины (2,6 %). На прочие страны пришлось 26,9 % товарооборота¹¹.

¹¹ TradeMap. Trade statistics for international business development. Monthly, quarterly and yearly trade data. Import & export values, volumes, growth rates, market shares, etc. URL: <https://www.trademap.org/> (дата обращения: 19.09.2024).

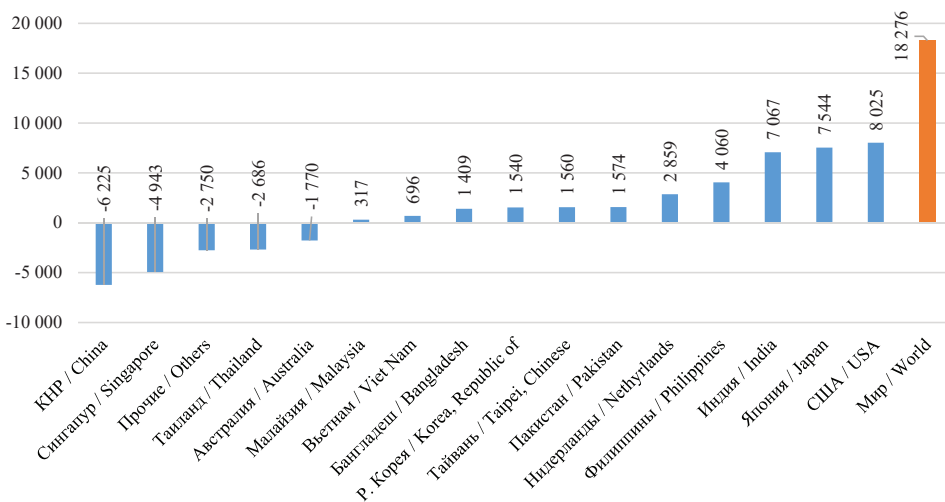

Рис. 7. Баланс торговли Индонезии с ключевыми партнерами по средним данным за 2004–2023 гг., млн долл
 Источник: составлено Д.В. Першиным по TradeMap. Trade statistics for international business development. Monthly, quarterly and yearly trade data. Import & export values, volumes, growth rates, market shares, etc. URL: <https://www.trademap.org/> (дата обращения: 19.09.2024).

Figure 7. Indonesia's trade balance with key partners based on average data for 2004–2023, USD million
 Source: compiled by D.V. Pershin on TradeMap. Trade statistics for international business development. Monthly, quarterly and yearly trade data. Import & export values, volumes, growth rates, market shares, etc. Retrieved September 19, 2024 from <https://www.trademap.org/>.

Отметим, что АСЕАН как единственное интеграционное объединение, в котором Индонезия занимает ведущие позиции, оказывается в целом не таким значимым для Индонезии торговым партнером, как КНР, если судить об этом по формальным признакам. Так, доля стран АСЕАН в товарообороте Индонезии в 2004–2023 гг. сохранилась на уровне 20,7% (рост в стоимостном выражении в 4,1 раза), тогда как доля Китая — возросла с 7,4 до 26,6% (рост по стоимости в 14,7 раза). Такую зависимость можно объяснить как большей, чем с прочими членами АСЕАН, комплементарностью экономик Индонезии и КНР, так и тем, что переходные периоды соглашений о свободной торговле с КНР в части товаров пришлось на 2004–2020 гг., а внутри АСЕАН — на 2009–2010 гг.¹²

Товарная структура экспорта Индонезии за 2004–2023 гг., если судить по ведущим позициям в поставках, претерпела заметные изменения (табл. 1). Ключевыми в 2023 г. были такие товарные позиции экспорта Индонезии, как уголь каменный, масло пальмовое, ферросплавы, газы нефтяные и углеводороды газообразные, руды и концентраты медные, бурый уголь, промежуточные продукты металлургии никеля, пассажирские автомобили, прокат плоский из коррозионностойкой стали, ювелирные изделия.

¹² Regional Trade Agreements Database. WTO. URL: <https://rtais.wto.org/> (дата обращения: 19.09.2024).

**Ключевые товарные позиции экспорта Индонезии, % /
Indonesia's key export commodity positions, %**

Код / HS code	Наименования / Denomination	2023, %	2004, %	Разница (2023–2004), % / Differential (2023–2004), %
2701	Уголь каменный / Stone coal	13,4	3,9	+9,5
1511	Масло пальмовое и его фракции / Palm oil and its fractions	8,8	4,8	+4,0
7202	Ферросплавы / Ferroalloys	5,9	0,1	+5,8
2711	Газы нефтяные и углеводороды газообразные / Petroleum gases and gaseous hydrocarbons	3,4	10,8	–7,4
2603	Руды и концентраты медные / Copper ores and concentrates	3,2	2,5	+0,7
2702	Бурый уголь / Brown coal	3,2	0,0	+3,2
7501	Промежуточные продукты металлургии никеля / Intermediate products of nickel metallurgy	2,6	1,0	+1,6
8703	Автомобили для перевозки людей / Cars for transporting people	2,3	0,2	+2,1
7219	Прокат плоский из коррозионностойкой стали (шириной 600 мм или более) / Flat rolled products made of corrosion-resistant steel (width 600 mm or more)	2,1	0,0	+2,1
7113	Ювелирные изделия из драгоценных металлов / Jewelry made of precious metals	2,1	0,1	+2,0
Прочие / Other		52,9	76,6	–23,7

Источник: составлено Д.В. Першиным по TradeMap. Trade statistics for international business development. Monthly, quarterly and yearly trade data. Import & export values, volumes, growth rates, market shares, etc. URL: <https://www.trademap.org/> (дата обращения: 19.09.2024).

Source: compiled by D.V. Pershin on TradeMap. Trade statistics for international business development. Monthly, quarterly and yearly trade data. Import & export values, volumes, growth rates, market shares, etc. Retrieved September 19, 2024 from <https://www.trademap.org/>

Товарная структура импорта Индонезии за 2004–2023 гг. также характеризуется заметными изменениями (табл. 2). Ведущими по порядку являются следующие товарные категории: нефть и нефтепродукты, полученные из битуминозных пород, кроме сырых; нефть сырая и нефтепродукты сырые, полученные из битуминозных пород; аппараты телефонные, схемы электронные интегральные, пшеница и меслин, газы нефтяные и углеводороды газообразные, принадлежности моторных транспортных средств; жмыхи, получаемые при извлечении соевого масла; сахар, сахароза.

Таблица 2 / Table 2

**Ключевые товарные позиции импорта Индонезии, % /
Indonesia's key import commodity items, %**

Код / HS code	Наименования / Denomination	2023, %	2004, %	Разница (2023–2004), % / Differential (2023–2004), %
2710	Нефть и нефтепродукты, полученные из битуминозных пород, кроме сырых / Oil and petroleum products obtained from bituminous rocks, except crude	9,1	12,5	–3,4
2709	Нефть сырая и нефтепродукты сырые, полученные из битуминозных пород / Crude oil and crude oil products obtained from bituminous rocks	5,0	12,5	–7,5
8517	Аппараты телефонные (в т.ч. для беспроводных сетей связи) / Telephone sets (including those for wireless communication networks)	2,9	0,2	+2,7
8542	Схемы электронные интегральные / Electronic integrated circuits	1,8	0,2	+1,6
1001	Пшеница и меслин / Wheat and meslin	1,7	1,8	–0,1
2711	Газы нефтяные и углеводороды газообразные / Petroleum gases and gaseous hydrocarbons	1,7	0,0	+1,6
8708	Принадлежности моторных транспортных средств товарных позиций 8701–8705 / Accessories of motor vehicles of headings 8701–8705	1,7	2,1	–0,5
2701	Уголь каменный / Stone coal	1,5	0,0	+1,5
2304	Жмыхи и другие твердые остатки, получаемые при извлечении соевого масла / Oilcakes and other solid residues obtained from the extraction of soybean oil	1,4	1,1	+0,2
1701	Сахар тростниковый или свекловичный, сахароза / Cane or beet sugar, sucrose	1,3	0,6	+0,7
Прочие / Other		72,0	68,8	+3,1

Источник: составлено Д.В. Першиным по TradeMap. Trade statistics for international business development. Monthly, quarterly and yearly trade data. Import & export values, volumes, growth rates, market shares, etc. URL: <https://www.trademap.org/> (дата обращения: 19.09.2024).

Source: compiled by D.V. Pershin on TradeMap. Trade statistics for international business development. Monthly, quarterly and yearly trade data. Import & export values, volumes, growth rates, market shares, etc. Retrieved September 19, 2024 from <https://www.trademap.org/>

Закономерности и проблемы внешней торговли Индонезии

При сопоставлении экспорта с импортом сырья, энергетической продукции и продукции их переработки заметна бóльшая доля сырья в экспорте, энергетических товаров — в импорте, сопоставимые доли несырьевой и неэнергетической продукции в экспорте и импорте (рис. 8).

Наиболее существенными в 2004–2023 гг. в экспорте были прирост поставок продукции нижних переделов с соразмерным снижением доли продукции высоких переделов, в импорте — снижение доли сырья и продукции нижних переделов, а также рост доли продукции верхних переделов. В целом такие перемены говорят о некотором *ухудшении структуры торговли*, когда в экспорте снижается доля высокотехнологичной продукции, тогда как в импорте, наоборот, она растет на фоне снижения доли расходов на сырье.

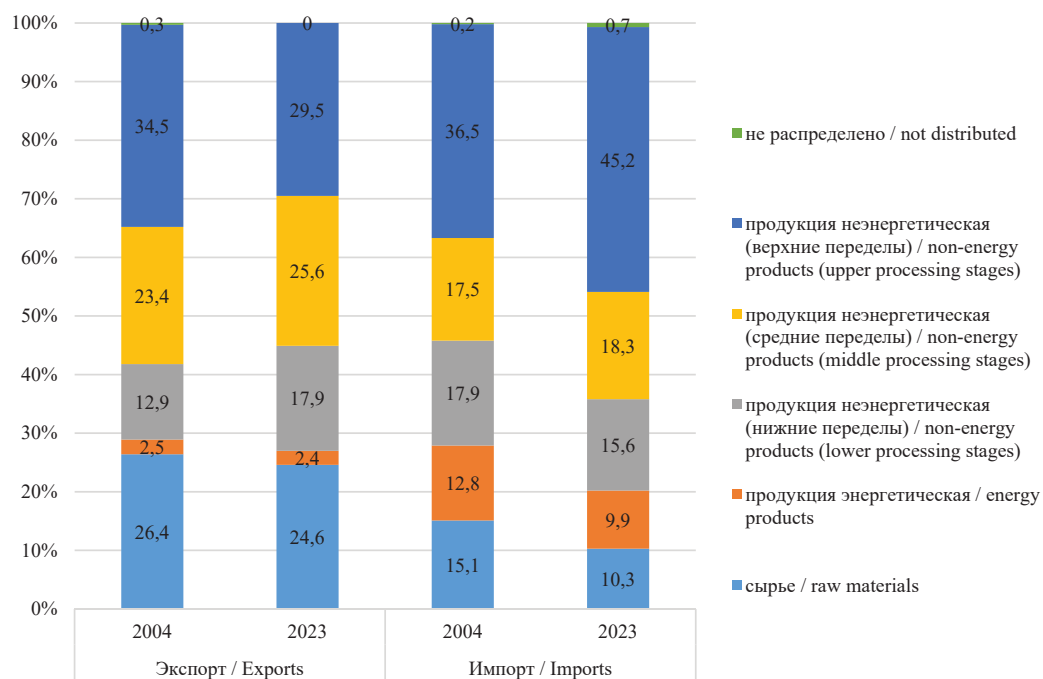

Рис. 8. Структура внешней торговли Индонезии в разрезе категорий глубины переработки сырья, % к итогу

Источник: составлено Д.В. Першиным по TradeMap. Trade statistics for international business development. Monthly, quarterly and yearly trade data. Import & export values, volumes, growth rates, market shares, etc. URL: <https://www.trademap.org/> (дата обращения: 19.09.2024); Классификация экспортных товаров. Российский экспортный центр. URL: https://www.exportcenter.ru/international_markets/classification/ (дата обращения: 19.09.2024).

Figure 8. The structure of Indonesia's foreign trade in terms of the categories of the depth of processing of raw materials, % of the total

Source: compiled by D.V. Pershin on TradeMap. Trade statistics for international business development. Monthly, quarterly and yearly trade data. Import & export values, volumes, growth rates, market shares, etc. Retrieved September 19, 2024 from <https://www.trademap.org/>; Classification of export goods. Russian Expert Center. Retrieved September 19, 2024 from https://www.exportcenter.ru/international_markets/classification/.

Ухудшение структуры торговли отчасти подтверждается индексом условий торговли Индонезии, который фиксирует соотношение стоимости экспорта и импорта страны в привязке к цене товаров (рис. 9). Как видно из графика, в целом положительная динамика 2003–2011 гг. сменилась в последующие годы на отрицательную, хотя индекс и оставался преимущественно в плоскости положительных значений.

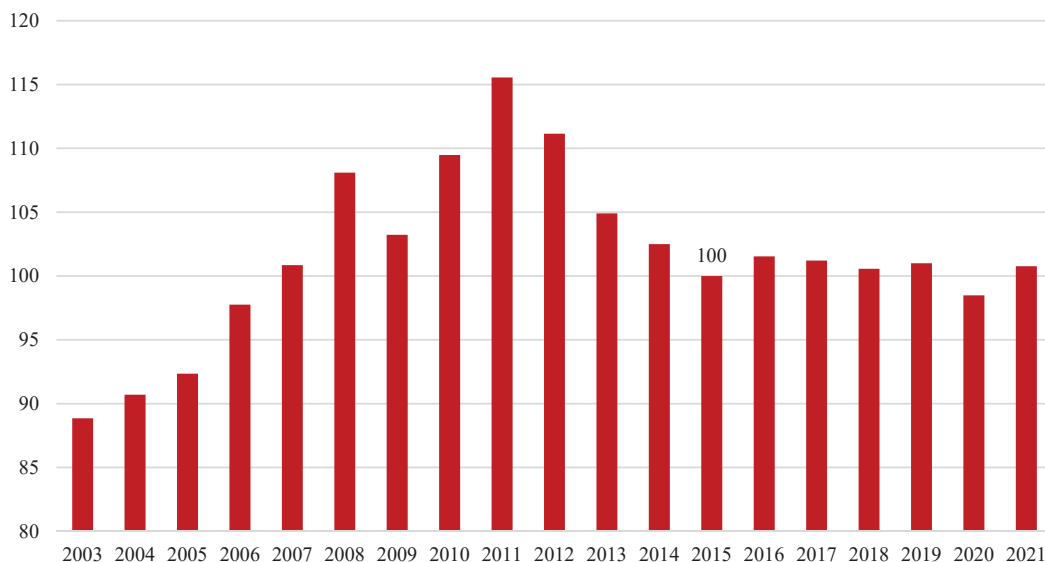

Рис. 9. Индекс условий торговли Индонезии (2015 = 100), %

Источник: составлено Д.В. Першиным по World Development Indicators. World Bank. URL: <https://databank.worldbank.org/source/world-development-indicators> (дата обращения: 19.09.2024).

Figure 9. Indonesia's Terms of Trade Index (2015 = 100), %

Source: compiled by D.V. Pershin on World Development Indicators. World Bank. Retrieved September 19, 2024 from <https://databank.worldbank.org/source/world-development-indicators>.

Указанные перемены структуры внешней торговли довольно четко фиксируют реальное положение дел в экономике Индонезии. Так, 97,2 % трудоспособного населения занято на малых и средних предприятиях (МСП) и при этом на МСП приходится только 1/3 всей добавленной стоимости в экономике¹³, что подтверждает идею о том, что в основном высокотехнологичные предприятия — крупные либо составные части крупных корпораций¹⁴.

Не менее значимой причиной таких тенденций во внешней торговле может быть участие Индонезии в глобальных цепочках добавленной стоимости (ГЦС), предполагающие соответствующие перемены в поставках и закупках. Так, анализ участия Индонезии в ГЦС показывает, что это участие носит скорее двусторонний, чем глобальный характер, поскольку большая часть национальной добавленной стоимости в экспортируемых товарах пересекает границу только один раз¹⁵. До тех пор, пока Индонезия не будет местом производства конечной продукции, изготовленной из собственных сырья и материалов, динамика

¹³ Are global value chains leaving Indonesian SMEs behind? // World Economic Forum. URL: <https://www.weforum.org/agenda/2024/02/global-value-chains-indonesia-smes/> (дата обращения: 15.10.2024).

¹⁴ Более крупные предприятия используют стратегии более высокого уровня инноваций по сравнению с менее масштабными предприятиями малого бизнеса, которые используют стратегии более низкого уровня инноваций.

¹⁵ The Evolution of Indonesia's Participation in Global Value Chains // Asian Development Bank. URL: <https://www.adb.org/publications/evolution-indonesia-participation-global-value-chains> (дата обращения: 15.10.2024).

внешней торговли будет производной от характера ГЦС, в которых Индонезия участвует, и от иных форм взаимодействия с более конкурентоспособными зарубежными партнерами.

Другой важной особенностью экономики Индонезии являются слабые связи между сравнительными преимуществами добывающей и низкотехнологичной обрабатывающей промышленности с прочими секторами национальной экономики. В силу этого текущая специализация Индонезии в международном разделении труда не приводит к мультипликативному эффекту в других отраслях экономики¹⁶.

С учетом наблюдающихся в последние годы и прогнозируемых в среднесрочной перспективе «повышения волатильности товарных рынков и формирования в целом атмосферы неопределенности и нестабильности в условиях дальнейшего усиления протекционистских тенденций и ухудшения глобальной геополитической ситуации» целесообразными с точки зрения повышения устойчивости экономики и эффективности внешней торговли Индонезии представляются в первую очередь меры по реализации в стране выверенной стратегии социально-экономического развития. Такая стратегия должна учитывать как преимущества, так и слабые стороны социально-экономической модели страны, и ориентироваться на обеспечение конкурентоспособности Индонезии на системном уровне. К важнейшим факторам взаимодействия стран, помимо экономических, объективно можно отнести и геополитические. Так, согласно исследованию Европейского Центрального банка и Университета Павии, «движущей силой глобальной торговли стало сходство внешнеполитических позиций стран-торговых партнеров». Только в таком случае внешняя торговля Индонезии, как принципиально зависимая от всего комплекса внешнеэкономических отношений и состояния национальной экономики в целом, будет обслуживать интересы Индонезии и содействовать развитию страны.

Заключение

Оценка внешней торговли вне связи с комплексным анализом экономики представляется крайне ограниченной и контрпродуктивной с точки зрения реализации согласованной и ориентированной на развитие национальной экономической политики.

Экономическое развитие Индонезии на протяжении последних десятилетий позволяет выделить такие особенности ее экономики, как высокая устойчивость экономической модели и успешный опыт ее модернизации.

К ключевым тенденциям внешнеторгового сектора Индонезии в долгосрочной перспективе относятся: повышение доли несырьевых неэнерге-

¹⁶ The Evolution of Indonesia's Participation in Global Value Chains // Asian Development Bank. URL: <https://www.adb.org/publications/evolution-indonesia-participation-global-value-chains> (дата обращения: 15.10.2024).

тических товаров в экспорте; снижение размера экспортной (внешнеторговой) квоты, характеризующей степень открытости экономики; отказ от экспортно-ориентированной модели развития в пользу приоритетного развития внутреннего рынка; переориентация экспорта и импорта страны на взаимодействие с Китаем.

Проблемы внешней торговли и экономики Индонезии — взаимосвязанные. Выявленное некоторое ухудшение структуры и условий внешней торговли Индонезии производно от участия страны в ГЦС и текущего этапа развития страны, так как Индонезия характеризуется заметным по численности сельским населением и отсутствием масштабных налаженных связей между предприятиями по добыче и переработке сырья, а также прочими «поддерживающими» отраслями экономики.

Перспективы внешней торговли Индонезии определяются наличием и качеством реализации на общегосударственном уровне стратегии развития страны.

Список литературы

- Андреева Н.В.* Перспективы экономической интеграции Китая и АСЕАН / Российская академия наук, Институт мировой экономики и международных отношений. М., 2006. С. 53. EDN: QRRJKF
- Архипов В.Я.* Экономика и экономическая политика Индонезии (1945–1968) / АН СССР. Институт востоковедения. М., 1971. С. 438.
- Астафьева Д.Е.* Российско-индонезийское сотрудничество: прошлое, настоящее и перспективы развития: коллективная монография / Институт Востоковедения РАН. М., 2020. С. 248.
- Беклешов Д.В.* Индонезия. Экономика и внешняя торговля. М. : Внешторгиздат, 1956. С. 147.
- Ведута Е.Н.* Государственные экономические стратегии. М. : Деловая Москва, 1998. С. 439.
- Воробьева И.А., Доржиева Э.А., Тельнова С.В., Уманец И.Ф.* Страны мира: Вьетнам, Индонезия, Сингапур : монография. Хабаровск, 2021. С. 119. EDN: BALHAN
- Грибанова А.М.* Анализ торгово-экономической и инновационной активности Российской Федерации и государств-членов АСЕАН : монография. М. : Ruscience, 2022. С. 208. EDN: HZVRGP
- Исаченко Т.М., Трудаева Т.А., Зуева Т.Г.* Возможные эффекты заключения соглашения о свободной торговле между ЕАЭС и Индонезией // Российский внешнеэкономический вестник. 2024. № 9. С. 7–29. <https://doi.org/10.24412/2072-8042-2024-9-7-29> EDN: LZAKEU
- Калашишникова И.В., Мухаммад С.* Индонезия в фокусе целей устойчивого развития // Вестник Тихоокеанского государственного университета. 2024. № 1. С. 159–170. EDN: NCVEWN
- Капканщиков С.* Стратегические дефекты российской сырьевой модели экономики // Общество и экономика. 2021. № 1. С. 5–21. <https://doi.org/10.31857/S020736760013391-9> EDN: YVCSUH
- Куклин Н.С.* Концептуальные основы внешней политики Индонезии: монография / Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России, Центр АСЕАН МГИМО МИД России. М., 2023. С. 150. EDN: LQWJGV
- Мальцев В.А.* Государственная стратегия развития как основа модернизации экономики в условиях глобализации : дисс. ... канд. эконом. наук. М., 2012. С. 193.

- Пахомова Л.Ф. Национальный капитал в экономике Индонезии / АН СССР. Институт народов Азии. М., 1966. С. 152.
- Плеханов Ю.А. Экономика и политика АСЕАН. М. : Мысль, 1985. С. 208.
- Попов В.В. Стратегии экономического развития. М. : Издательский дом Высшей школы экономики, 2011. С. 336. EDN: QUTPIL
- Попов А.В. Экономика Индонезии: современное состояние и тенденции развития / Институт стран Востока. М., 2019. С. 372. EDN: QYCIEZ
- Стиглиц Дж. Ревущие девяностые. Семена развала. М. : Современная экономика и право, 2005. С. 424. EDN: OZGJWH
- Фаризов И.О. Советско-индонезийское экономическое сотрудничество / Академия наук СССР. Институт мировой экономики и международных отношений. М., 1964. С. 96.
- Aprilia N., Subroto W., Sakti N. The role of small and medium enterprises (SMEs) in supporting the people's economy in Indonesia // *International Journal of Research and Scientific Innovation*. 2025. № XI. P. 368–376. <https://doi.org/10.51244/IJRSI.2024.11120036>
- Irawan C., Sasongko B., Mukhlis M., Yanto D., Wulandari M. Trade and foreign direct investment on economic growth in Indonesia: ARDL approach // *Tamansiswa Accounting Journal International*. 2022. № 5. P. 70–75. <https://doi.org/10.54204/TAJI/Vol512022011>
- Kurniawan A., Lutfi K. Impact of the US-China trade war on foreign trade of emerging economies: Brazil, South Africa, and Indonesia // *Jurnal Ilmu Sosial dan Ilmu Politik*. 2023. № 27. P. 157–175. <https://doi.org/0.22146/jsp.69215>
- Mulyani F., Frian A., Abdullah T. Circular economy implementation: a case study in Indonesia // *Jurnal Inovasi Global*. 2024. № 2. P. 388–405. <https://doi.org/10.58344/jig.v2i2.72>

References

- Andreeva, N.V. (2006). *Prospects of economic integration of China and ASEAN*. Moscow. EDN: QRRJKF
- Aprilia, N., Subroto, W., & Sakti, N. (2025). The role of small and medium enterprises (SMEs) in supporting the people's economy in Indonesia. *International Journal of Research and Scientific Innovation*, (XI), 368–376. <https://doi.org/10.51244/IJRSI.2024.11120036>
- Arkhipov, V.Ya. (1971). *Economics and economic policy of Indonesia (1945–1968)*. Moscow.
- Astafieva, D.E. (2020). *Russian-Indonesian cooperation: past, present and prospects for development: a collective monograph*. Moscow.
- Bekleshov, D.V. (1956). *Indonesia. Economy and foreign trade*. Moscow: Vneshtorgizdat publ.
- Farizov, I.O. (1964). *Soviet-Indonesian economic cooperation*. Moscow.
- Gribanova, A.M. (2022). *Analysis of trade, economic and innovation activity of the Russian Federation and the ASEAN Member States: monograph*. Moscow. EDN: HZVRGP
- Irawan, C., Sasongko, B., Mukhlis, M., Yanto, D., & Wulandari, M. (2022). trade and foreign direct investment on economic growth in Indonesia: ARDL Approach. *Tamansiswa Accounting Journal International*, (5), 70–75. <https://doi.org/10.54204/TAJI/Vol512022011>
- Isachenko, T.M., Trudaeva, T.A., & Zueva, T.G. (2024). Possible effects of concluding of a free trade agreement between the EAEU and Indonesia. *Russian Foreign Economic Journal*, (9), 7–29. <https://doi.org/10.24412/2072-8042-2024-9-7-29> EDN: LZAKEU
- Kalashnikova, I.V., & Muhammad, S. (2024). Indonesia in focus of sustainable development goals. *Bulletin of Pacific National University*, (1), 159–170. EDN: NCVEWN
- Kapkanshchikov, S. (2021). Strategic flaws of the resource-based model of Russian economy. *Society and Economics*, (1), 5–21. <https://doi.org/10.31857/S020736760013391-9> EDN: YVCSUH
- Kuklin, N.S. (2023). *Conceptual foundations of Indonesia's foreign policy: a monograph*. Moscow. EDN: LQWJGV
- Kurniawan, A., & Lutfi, K. (2023). Impact of the US-China trade war on foreign trade of emerging

- economies: Brazil, South Africa, and Indonesia. *Jurnal Ilmu Sosial dan Ilmu Politik*, (27), 157–175. <https://doi.org/10.22146/jsp.69215>
- Maltsev, V.A. (2012). *State development strategy as a basis for economic modernization in the context of globalization: dissertation of candidate of economic sciences*. Moscow.
- Mulyani, F., Friani, A., & Abdullah, T. (2024). Circular economy implementation: a case study in Indonesia. *Jurnal Inovasi Global*, (2), 388–405. <https://doi.org/10.58344/jig.v2i2.72>
- Pakhomova, L.F. (1966). *National capital in the economy of Indonesia*. Moscow.
- Plekhanov, Yu.A. (1985). *Economics and politics of ASEAN*. Moscow: Mysl publ.
- Popov, V.V. (2011). *Strategies of economic development*. Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics. EDN: QUTPIL
- Popov, A.V. (2019). *Indonesia's economy: current state and development trends*. Moscow. EDN: QYCIEZ
- Stiglitz, J. (2005). *The roaring nineties. Seeds of Collapse*. Moscow: Modern economics and law. EDN: OZGJWH
- Veduta, E.N. (1998). *State economic strategies*. Moscow.
- Vorobyeva, I.A., Dorzhieva, E.A., Telnova, S.V., & Umanets, I.F. (2021). *Countries of the world: Vietnam, Indonesia, Singapore: monograph*. Khabarovsk. EDN: BALHAN

Сведения об авторах / Bio notes

Пинчук Виктор Николаевич, доктор экономических наук, профессор кафедры международных экономических отношений, Российский университет дружбы народов, Российская Федерация, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6. ORCID: 0000-0003-4516-9347. SPIN-код: 1993-3927. E-mail: pinchuk-viknk@rudn.ru

Viktor N. Pinchuk, Doctor of Economics, Professor of the Department of International Economic Relations, Faculty of Economics, RUDN University, 6 Miklukho-Maklaya St, Moscow, 117198, Russian Federation. ORCID: 0000-0003-4516-9347. SPIN-code: 1993-3927. E-mail: pinchuk-viknk@rudn.ru

Першин Денис Вячеславович, аспирант кафедры международных экономических отношений, Российский университет дружбы народов, Российская Федерация, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6. E-mail: stdm2004@gmail.com

Denis V. Pershin, Phd Student of the Department of International Economic Relations, Faculty of Economics, RUDN University, 6 Miklukho-Maklaya St, Moscow, 117198, Russian Federation. E-mail: stdm2004@gmail.com

DOI: 10.22363/2313-2329-2025-33-2-172-198

EDN: DPKHYM

УДК 339.56

Научная статья / Research article

Торгово-экономические отношения России со странами Африканского Рога в рамках расширения географии сотрудничества: продовольственная безопасность

А.С. Васильев *ООО «И-Групп», Москва, Российская Федерация*✉ art.astr7@gmail.com

Аннотация. Актуальность исследуемой темы объясняется тем, что в условиях фрагментарности мировой экономики глобальные механизмы обеспечения продовольственной безопасности перестают работать. Несмотря на длительные попытки искоренения голода и недоедания, в т.ч. глобальные инициативы в рамках достижения второй цели в области устойчивого развития, в последние годы, особенно после пандемии коронавируса и геополитических изменений, выросло значение субрегиональных и региональных усилий по решению проблем, связанных с обеспечением продовольственной безопасности, включая развитие внешнеэкономической кооперации и заключение новых торговых соглашений. В этих условиях стали активно развиваться российско-африканские политические и торгово-экономические отношения, в т.ч. и отношения со странами Африканского Рога — одного из наиболее голодающих регионов мира. Цель исследования — определить характер торгово-экономических отношений между РФ и странами Африканского Рога. Исследование основывается на анализе данных, представленных в научной литературе, доступной и актуальной статистической информации, данных международных и российских организаций и экспертной информации. Установлено, что в странах Африканского Рога продовольственная безопасность характеризуется высокой степенью уязвимости, обусловленной как природно-климатическими условиями, так и социально-экономическими факторами, при этом между странами региона наблюдается дифференциация особенностей продовольственной ситуации. Обоснована целесообразность развития экономических интересов РФ в странах Африканского Рога через реализацию ее ресурсного потенциала в области обеспечения продовольственной безопасности. РФ обладает значительными возможностями для поставок продовольствия и аграрных технологий, что может способствовать укреплению продовольственной безопасности в странах рассматриваемого региона и одновременно расширению торгово-экономического сотрудничества. Установлено, что торгово-экономические отношения между Россией и странами Африканского Рога характеризуются значительным

© Васильев А.С., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

потенциалом роста: на фоне усиления интереса к укреплению связей в области продовольственной безопасности, РФ стремится развивать прямые и долгосрочные отношения с африканскими партнерами. Определены перспективные направления торгово-экономического сотрудничества между Россией и странами Африканского Рога, которые включают в себя следующие аспекты: общая безопасность Африканского Рога; экспорт агропромышленной продукции; обмен опытом и обеспечение цифровизации сельского хозяйства; оптимизация цепочек поставок; развитие инфраструктуры для хранения продовольствия на местах.

Ключевые слова: продовольственная безопасность, страны Африканского Рога, Российская Федерация, торговля, экономические отношения

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 15 сентября 2024 г.; доработана после рецензирования 20 ноября 2024 г.; принята к публикации 10 февраля 2025 г.

Для цитирования: Васильев А.С. Торгово-экономические отношения России со странами Африканского Рога в рамках расширения географии сотрудничества: продовольственная безопасность // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика. 2025. Т. 33. № 2. С. 172–198. <https://doi.org/10.22363/2313-2329-2025-33-2-172-198>

Trade and economic relations between Russia and the Horn of Africa countries as part of expanding the geography of cooperation: the food security

Artem S. Vasilev

LLC “I-Group”, Moscow, Russian Federation

✉ art.astr7@gmail.com

Abstract. The relevance of the topic under study is explained by the fact that in conditions of fragmentation of the global economy, global mechanisms for ensuring food security stop working. Despite long-term attempts to eradicate hunger and malnutrition, including global initiatives within the framework of achieving the second Sustainable Development Goal, in recent years, especially after the coronavirus pandemic and geopolitical changes, there is an increase in the importance of subregional and regional efforts to address food security issues, including the development of international economic cooperation and the conclusion of new trade agreements. Under these conditions, Russian-African political, trade and economic relations began to develop actively, including relations with the countries of the Horn of Africa, one of the regions of the world most susceptible to hunger. The purpose of the study is to determine the nature of trade and economic relations between the Russian Federation and the countries of the Horn of Africa. The research is based on the analysis of data presented in academic literature, the analysis of available and relevant statistical information, the analysis of data from international and domestic organizations and the analysis of expert information. It is revealed that in the countries of the Horn of Africa, food security is characterized by a high degree of vulnerability due to both natural climatic conditions and socio-economic factors; at the same time, differentiation of the characteristics of the food situation is observed between these countries. The expediency of developing the economic interests of the Russian Federation in the Horn of Africa through the realization of its resource potential in the

field of food security is substantiated. The Russian Federation has significant opportunities for supplying food and agricultural technologies, which can contribute to strengthening food security in these countries and at the same time expand trade and economic cooperation. It is revealed that trade and economic relations between Russia and the countries of the Horn of Africa are characterized by significant potential for growth: against the background of increasing interest in strengthening ties in the field of food security, the Russian Federation seeks to develop direct and long-term relations with African partners. Promising areas of trade and economic cooperation between the Russian Federation and the Horn of Africa countries are identified, which include the following aspects: general security of the Horn of Africa; export of agro-industrial products; exchange of experience and contributing to digitalization of agricultural sector; optimization of supply chains; development of infrastructure for food storage locally.

Keywords: food security, Horn of Africa, Russian Federation, trade, economic relations

Conflicts of interest. The author declares no conflicts of interest.

Article history: received 15 September 2024; revised 20 November 2024; accepted 10 February 2025.

For citation: Vasilev, A.S. (2025). Trade and economic relations between Russia and the Horn of Africa countries as part of expanding the geography of cooperation: the of food security. *RUDN Journal of Economics*, 33(2), 172–198. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2313-2329-2025-33-2-172-198>

Введение

Право человека на питание является неотъемлемым правом человека, что закреплено в ст. 25 Всеобщей декларации прав человека 1948 г.¹ Голод и нехватка продовольствия — это серьезная гуманитарная проблема, которая сопровождает человечество в процессе его эволюции и напрямую связана с экономическим благополучием каждого конкретного человека. Проблематика политики в области обеспечения продовольственной безопасности в общем виде относится к решению проблемы голода, или достижения «нулевого голода», что явно исходит из формулировок, определенных ООН². При реализации политики в области обеспечения глобальной продовольственной безопасности сохраняется ключевое противоречие, при котором общее мировое производство продовольствия позволяет накормить все население (Allison, 2020), при этом миллиарды людей, в первую очередь в африканских странах, вынуждены жить в перманентных условиях голода и недоедания (Walls et al., 2019). Обеспечение продовольственной безопасности представляет собой общепризнанную мировую проблему развития человечества (Хие et al., 2021), на решение которой направлены международные, национальные

¹ Всеобщая декларация прав человека // Официальный портал ООН. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml (дата обращения: 02.08.2024).

² Цели в области устойчивого развития // ООН. URL: <https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/sustainable-development-goals/> (дата обращения: 02.08.2024).

и региональные политические меры и программы, инициативы бизнеса, благотворительных организаций и т.д.³ Так, по данным Интегрированной классификации фаз продовольственной безопасности (Integrated Food Security Phase Classification)⁴, разработанной Продовольственной и сельскохозяйственной организацией ООН (Food and Agriculture Organization of the United Nations, далее — ФАО), в мире 439,0 млн чел. испытывают острую нехватку продовольствия (выше минимальной фазы), в т.ч. 277,3 млн чел. находятся в фазе стресса, 136,1 млн чел. — в фазе кризиса, 25,5 млн чел. — в фазе чрезвычайной ситуации, 0,1 млн чел. — в фазе катастрофы⁵. При этом большинство голодающих проживает в странах Африки к югу от Сахары, включая регион Африканского Рога, где в 2020–2023 гг. зафиксирована сильнейшая за последние сорок лет засуха. В частности, по данным ФАО⁶, Эфиопия и Сомали являются наиболее «горячими точками» голода в мире. При этом финансирования, выделяемого Фондом ООН в области народонаселения (United Nations Population Fund) в рамках соответствующего плана реагирования на кризис, недостаточно⁷.

В свою очередь, Российская Федерация как одна из ведущих мировых экономик, обладающая значительными природными ресурсами и высоким экспортным потенциалом, достигла значительных успехов в преодолении проблемы обеспечения продовольственной безопасности и за короткий по историческим меркам период времени перешла от широкомасштабного импорта продовольствия к его экспорту, что позволило накопить уникальный опыт антикризисного развития национальной агропродовольственной системы, который в дальнейшем может быть масштабирован на другие регионы мира, в т.ч. и на регион Африканского Рога. В соответствии с актуальным внешнеэкономическим курсом РФ рассматриваемый регион является привлекательным стратегическим вектором для развития кооперации по вопросам обеспечения продовольственной безопасности, а также укрепления торгово-экономического сотрудничества между Россией и Африкой.

³ Право на питание // Портал по вопросам поддержки политики и управления Продовольственной с сельскохозяйственной организации ООН. URL: <https://www.fao.org/policy-support/policy-themes/right-to-food/ru/> (дата обращения: 02.08.2024).

⁴ Technical Manual Version 3.1 Evidence and Standards for Better Food Security and Nutrition Decisions. The Integrated Food Security Phase Classification. URL: ipcinfo.org/fileadmin/user_upload/ipcinfo/manual/IPC_Technical_Manual_3_Final.pdf (accessed: 02.08.2024).

⁵ Информационная панель глобальной продовольственной безопасности и питания // Глобальный альянс за продовольственную безопасность. URL: <https://www.ipcinfo.org/> (дата обращения: 02.08.2024).

⁶ Hunger Hotspots: FAO-WFP early warnings on acute food insecurity (June–November 2023 Outlook). Всемирная продовольственная программа ООН. URL: https://docs.wfp.org/api/documents/WFP-0000149627/download/?_ga=2.235112705.1441423202.1698402029-305595539.1698402029 (accessed: 02.08.2024).

⁷ UNFPA response plan for the Horn of Africa drought crisis 2022–2023 // United Nations Population Fund. URL: <https://www.unfpa.org/resources/unfpa-response-plan-horn-africa-drought-crisis-2022-2023> (accessed: 02.08.2024).

Материалы и методы

В качестве теоретической базы исследования выступили работы российских и зарубежных ученых в области изучения и анализа обеспечения продовольственной безопасности в странах Африки в целом и странах Африканского Рога в частности, а также в области изучения торгово-экономического взаимодействия по линии Россия — Африка. Так, особенности внешнеэкономического взаимодействия РФ и стран Африки являются предметом изучения широкого круга ученых РУДН им. П. Лумумбы и представлены в научных работах Н.П. Гусакова, И.В. Андроновой, М.В. Матюшка, В.З. Чаплюка, Е.В. Пономаренко, С.В. Рязанцева, И.Н. Беловой, Н.С. Бруффартс, Т.Ф. Алхассана, Е.В. Долгинова, В.А. Тихомировой и др. Всестороннему анализу особенностей обеспечения продовольственной безопасности в Африке посвящены труды научных сотрудников Института Африки РАН, среди которых можно выделить работы Л.Л. Фитуни, Н.В. Гришина, И.А. Абрамова, Л.Я. Прокопенко, О.В. Константинова, А.В. Хренкова, Р.Н. Исмагилова и др. Также в исследовании использованы статистические и информационные материалы Федеральной службы государственной статистики (Росстат), Федерального центра развития экспорта продукции агропромышленного комплекса Российской Федерации» (Агрэкспорт), Федеральной таможенной службы России (ФТС России) и др.

Результаты

Современное состояние продовольственной безопасности в странах Африканского Рога

В рамках исследования к странам Африканского Рога отнесены четыре страны: Эфиопия, Сомали, Джибути и Эритрея, расположенные на территории Сомалийского полуострова (Huss-Ashmore, 2019). Ключевая особенность Африканского Рога — близость к проливу Баб-эль-Мандеб («Ворота слез»), соединяющему Красное море с Аденским заливом и, далее, с Индийским океаном. Так, порт Джибути, являясь одним из самых загруженных портов в мире, служит мостом для маршрутов коммерческого судоходства, соединяющих Европу, Азию и Африку (Folake, 2019).

При этом исторически Африканский Рог относится к самым беспокойным (милитаризованным и конфликтным (Dube, 2022)) регионам Африки, поскольку на протяжении десятилетий здесь происходили различные конфликты, включая прямую вражду между странами региона (Adjei, 2021). Кроме того, резкий рост вовлеченности внешних игроков и сопутствующие им интересы и альянсы подчеркивают ключевую роль геополитики в формировании безопасности и экономической траектории стран Африканского Рога (Allison, 2020). Близость стран Африканского Рога к богатым нефтью странам Персидского залива и жизненно важным торговым морским путям укрепляют регион в качестве точки пересечения геостратегических интересов (Hassan, 2021). Также в контексте продовольственной безопасности геостратегическое положение Африканского Рога услож-

няется геологическими и климатическими условиями региона (Awange, 2022), в основном, жарким климатом, межтропической конвергенцией и бимодальным сезонным распределением осадков (Abege et al., 2020). Так, анализ среднегодового изменения температуры поверхности за метеорологический год⁸ в странах Африканского Рога показывает, что в 2016–2020 и 2021–2022 гг. температура повысилась на 1,3 градуса Цельсия, тогда как в 1996–2000 гг. повышение составляло 0,6 градуса (Bedasa, Vedemo, 2023). Это приводит к усугублению засух, которые провоцируют голод, гражданские конфликты и ухудшение продовольственной безопасности (Seife, 2021). Так, Эфиопия является четвертой страной в мире по частоте возникновения засухи как стихийного бедствия. Всего в течение 2001–2021 гг. 55 % территории Африканского Рога были устойчивы к воздействию засухи, в то время как 32,6 % оказались совершенно неустойчивыми (Measho et al., 2021). Безусловно, не только климатические изменения, влияющие на геологию и экологию Африканского Рога, обуславливают природу проблемы продовольственной безопасности (Markakis, 2021). Также значительное влияние оказывают такие процессы, как урбанизация, экономическая нестабильность, локальные конфликты, децентрализация сельского хозяйства (Thomas et al., 2020), скотоводческая деятельность, нашествия пустынной саранчи, вырубка лесов и др. (Azadi et al., 2022). При этом важно подчеркнуть, что отсутствие продовольственной безопасности и конфликты провоцируют и усиливают друг друга (Bjornlund et al., 2022): любой крупный конфликт приводит к отсутствию продовольственной безопасности, а отсутствие продовольственной безопасности, в свою очередь, усугубляет конфликт (Abebe, 2021).

Кроме того, около 80 % продовольствия на африканском континенте, в т.ч. и в странах Африканского Рога, зависит от импорта продовольствия, что является одной из причин наблюдаемого в этих странах высочайшего уровня недоедания по сравнению с развитыми странами, хотя в Сомали и Джибути доля распространенности недоедания в 2014–2022 гг. несколько снизилась (табл. 1). Распространенность недоедания в странах Африканского Рога, за исключением населения Эритреи, составляет около 35 млн чел., при этом 94,3 % из них испытывают острую нехватку продовольствия (Mahlatsi, 2023).

Таблица 1

Динамика распространенности недоедания в странах Африканского Рога (за исключением Эритреи), 2014–2022 гг., %, в среднем за 3 года

Регион	2014–2016	2015–2017	2016–2018	2017–2019	2018–2020	2019–2021	2020–2022
Джибути	58,2	57,7	56,6	54,0	51,9	49,9	48,7
Эфиопия	14,5	14,1	15,5	18,0	20,7	22,3	21,9
Сомали	21,3	20,2	19,9	19,4	19,0	17,3	16,8

Источник: составлено А.С. Васильевым по данным ФАО.

⁸ Annual Surface Temperature Change. IMF. Climate Change Dashboard. URL: <https://climatedata.imf.org/pages/climatechange-data#cc1> (accessed: 02.08.2024).

Table 1

**Dynamics of the prevalence of malnutrition in the Horn of Africa (except Eritrea),
2014–2022, %, on average over 3 years**

Region	2014– 2016	2015– 2017	2016– 2018	2017– 2019	2018– 2020	2019– 2021	2020– 2022
Djibouti	58.2	57.7	56.6	54.0	51.9	49.9	48.7
Ethiopia	14.5	14.1	15.5	18.0	20.7	22.3	21.9
Somalia	21.3	20.2	19.9	19.4	19.0	17.3	16.8

Source: compiled by A.S. Vasilev based on FAO data.

Несмотря на внутренние и внешние противоречия и проблемы, экономика региона в последнее время развивается. Так, согласно последним данным Международного валютного фонда⁹, средний рост реального ВВП в странах Африканского Рога (за исключением Эритреи, для которой нет статистических данных) по состоянию на начало 2024 г. составляет 5,3 % (в Эфиопии — 6,2 %, в Джибути — 6 %, в Сомали — 3,7 %), что не только выше среднего по Африке (3,8 %), но и занимает третье место в мире после Карибского региона (8,3 %) и Южной Азии (5,9 %).

Кроме того, исходя из динамики роста реального ВВП с 1991 г., можно заключить, что в Эфиопии, Джибути и Сомали рост реального ВВП в среднем выше, чем в странах с развитой экономикой, и, согласно прогнозным расчетам МФВ, в 2025–2029 гг. он будет опережать как средний мировой показатель, так и средний показатель стран с формирующимся рынком и развивающихся экономик (табл. 2).

Таблица 2

**Динамика и прогноз роста реального ВВП в странах Африканского Рога
(за исключением Эритреи) в сравнении с миром, 1991–2029 гг., %**

Регион/Страна	1991– 1995	1996– 2000	2001– 2005	2006– 2010	2011– 2015	2016– 2020	2021– 2023	Оценки/ Прогноз	
								2024	2025– 2029
Джибути	–3,1	–0,2	2,8	4,3	6,3	4,8	5,1	6,5	5,6
Эфиопия	1,4	5,6	6,2	11,0	10,1	8,2	6,6	6,2	6,8
Сомали	–	–	–	–	3,6	2,4	2,8	3,7	4,2
Страны с развитой экономикой	2,3	3,4	2,3	1,2	1,8	0,9	3,3	1,7	1,7
Страны с формирующимся рынком и развивающейся экономикой	3,4	4,3	6,0	6,3	5,1	3,1	5,1	4,2	4,0
Мир	2,7	3,8	4,0	3,9	3,6	2,2	4,4	3,2	3,1

Источник: составлено А.С. Васильевым по данным МВФ.

⁹ Real GDP growth. International Monetary Fund. URL: https://www.imf.org/external/datamapper/NGDP_RPCH@WEO/OEMDC/ADVEC/WEOWORLD/ETH/DJI/SOM (accessed: 02.08.2024).

Table 2

**Dynamics and forecast of real GDP growth in the Horn of Africa (except Eritrea)
compared to the world, 1991–2029, %**

Region/ Country	1991– 1995	1996– 2000	2001– 2005	2006– 2010	2011– 2015	2016– 2020	2021– 2023	Estimates/ Forecast	
								2024	2025– 2029
Djibouti	–3.1	–0.2	2.8	4.3	6.3	4.8	5.1	6.5	5.6
Ethiopia	1.4	5.6	6.2	11.0	10.1	8.2	6.6	6.2	6.8
Somalia	—	—	—	—	3.6	2.4	2.8	3.7	4.2
Advanced economies	2.3	3.4	2.3	1.2	1.8	0.9	3.3	1.7	1.7
Emerging market and developing economies	3.4	4.3	6.0	6.3	5.1	3.1	5.1	4.2	4.0
World	2.7	3.8	4.0	3.9	3.6	2.2	4.4	3.2	3.1

Source: compiled by A.S. Vasilev based on IMF data.

Вместе с ростом ВВП растут и объемы торговли. Так, по состоянию на 2022 г. в Эфиопии в торговля составляла 26,6 % от ВВП, в Сомали — 95,8 %, а в Джибути — рекордные 340,2 % (табл. 3).

Таблица 3

**Динамика торговли в странах Африканского Рога (за исключением Эритреи),
2019–2022 гг., % от ВВП**

Регион	2019	2020	2021	2022
Джибути	320,9	222,8	264,0	340,2
Эфиопия	28,8	24,0	24,3	26,6
Сомали	69,6	76,0	82,0	95,8

Источник: составлено А.С. Васильевым по данным показателей мирового развития.

Table 3

Trade dynamics in the Horn of Africa (except Eritrea), 2019–2022, % of GDP

Region	2019	2020	2021	2022
Djibouti	320.9	222.8	264.0	340.2
Ethiopia	28.8	24.0	24.3	26.6
Somalia	69.6	76.0	82.0	95.8

Source: compiled by A.S. Vasilev based on world development indicators.

Во многом росту экономик стран Африканского Рога способствовала запущенная в 2019 г. инициатива (Thomas et al., 2020), целью которой стало улучшение региональной интеграции между (первоначально) пятью странами региона (Джибути, Эритреей, Эфиопией, Кенией и Сомали); в 2020–2022 гг. к инициати-

ве присоединились Судан и Южный Судан. Инициатива развития Африканского Рога основана на четырех тематических столпах:

- улучшение взаимосвязанности региональной инфраструктуры (транспортные коридоры, энергетика и цифровая интеграция);
- содействие торговле и экономической интеграции (торговля, экономический рост и региональные цепочки создания стоимости);
- повышение устойчивости (изменение климата и связанные с ним потрясения, включая приграничные районы региона);
- укрепление развития человеческого капитала (повышение квалификации и улучшение доступа к социальным услугам для населения Африканского Рога)¹⁰.

Для получения статистических данных в отношении экспорта и импорта товаров стран Африканского Рога можно обратиться к базе данных Trade Map. Анализ данных проводился для Эфиопии, Сомали и Джибути (для Эритреи статистические данные отсутствуют) за 2019–2023 гг. в разрезе 4 разделов товаров (24 товарных групп), исходя из номенклатуры товаров, принятой Международной таможенной организацией (англ. — World Customs Organization) в 2017 г.¹¹ Данные об основных странах-экспортерах для трех стран Африканского Рога приведены в табл. 4.

Таблица 4

Топ-10 стран-экспортеров для стран Африканского Рога в 2019–2023 гг.

№	Эфиопия			Сомали			Джибути		
	Страны	Объем, млрд долл. США	КТГ, ед.	Страны	Объем, млрд долл. США	КТГ, ед.	Страны	Объем, млрд долл. США	КТГ, ед.
1	Индия	3,9	22	Индия	2,3	20	Индия	1,5	18
2	США	2,0	19	ОАЭ	2,1	14	Турция	0,7	18
3	Турция	1,7	18	Эфиопия	1,3	15	Индонезия	0,6	6
4	Малайзия	1,6	8	Турция	0,9	19	ОАЭ	0,6	23
5	Украина	1,1	6	Малайзия	0,5	12	Малайзия	0,5	7
6	Джибути	0,8	1	Кения	0,4	24	Оман	0,3	18
7	Индонезия	0,6	9	Бразилия	0,4	8	Эфиопия	0,2	17
8	Египет	0,3	11	Пакистан	0,3	17	Саудовская Аравия	0,2	19
9	ОАЭ	0,3	19	Египет	0,2	18	Египет	0,2	15
10	Россия	0,3	3	США	0,2	14	США	0,1	18

Примечание: КТГ — количество товарных групп (1–24).

Источник: составлено А.С. Васильевым по данным Trade Map.

¹⁰ Horn of Africa initiative: supporting recovery through deepening economic integration and promoting regional cooperation. The Horn of Africa Initiative. URL: <https://hoainitiative.org/wp-content/uploads/2021/03/HoAI-Project-Profiles.pdf> (accessed: 02.08.2024).

¹¹ HS Nomenclature 2017 edition. World Customs Organization URL: <http://www.wcoomd.org/en/topics/nomenclature/instrument-and-tools/hs-nomenclature-2017-edition/hs-nomenclature-2017-edition.aspx> (accessed: 02.08.2024).

Top 10 exporting countries for the Horn of Africa in 2019–2023

№	Ethiopia			Somalia			Djibouti		
	Countries	Volume, billion US dollars	NPG, units	Countries	Volume, billion US dollars	NPG, units	Countries	Volume, billion US dollars	NPG, units
1	India	3.9	22	India	2.3	20	India	1.5	18
2	USA	2.0	19	UAE	2.1	14	Turkey	0.7	18
3	Turkey	1.7	18	Ethiopia	1.3	15	Indonesia	0.6	6
4	Malaysia	1.6	8	Turkey	0.9	19	UAE	0.6	23
5	Ukraine	1.1	6	Malaysia	0.5	12	Malaysia	0.5	7
6	Djibouti	0.8	1	Kenya	0.4	24	Oman	0.3	18
7	Indonesia	0.6	9	Brazil	0.4	8	Ethiopia	0.2	17
8	Egypt	0.3	11	Pakistan	0.3	17	Saudi Arabia	0.2	19
9	UAE	0.3	19	Egypt	0.2	18	Egypt	0.2	15
10	Russia	0.3	3	USA	0.2	14	USA	0.1	18

Note: NPG — number of product groups (1–24).

Source: compiled by A.S. Vasilev based on Trade Map data.

Представленные данные свидетельствуют о том, что торгово-экономические отношения в странах Африканского Рога различаются в объемах импорта, однако списки экспортеров продукции в основном совпадают. Так, ведущим экспортером товаров из первых 24 групп для всех трех стран выступает Индия. Активными экспортерами являются США, Турция, ОАЭ, Малайзия и Египет, хотя направленность экспорта этих стран различается. Так, например, если в Эфиопию США экспортирует продукции на 2 млрд долл. США, то в Сомали и Джибути — на 0,3 млрд долл. США в совокупности. Эфиопия намного больше экспортирует в Сомали, чем в Джибути (1,3 млрд долл. США против 0,2 млрд долл. США соответственно). Хотя Джибути выступает в роли значимого экспортера и для Эфиопии (0,8 млрд долл. США). Также нельзя не отметить дифференциацию по количеству товарных групп, которыми торгуют страны-экспортеры. В частности, Джибути и Россия как страны-экспортеры для Эфиопии поставляют товары всего одной и трех товарных групп соответственно, тогда как Индия в среднем экспортирует во все страны Африканского Рога 20 товарных групп, Турция — 18,3, Египет — 14,7.

Вместе с тем по всему агропромышленному импорту наиболее актуальными импортируемыми товарными группами для Эфиопии являются зерновые культуры (10-я группа), а также жиры и масла (15-я группа); для Сомали — табак (24-я группа) и сахар (17-я группа); для Джибути — жиры и масла (15-я группа) и сахар (17-я группа). Эти данные свидетельствуют о неоднородности импорта агропромышленной продукции в странах Африканского Рога, обусловленной различными возможностями самообеспечения продукции (Akbari et al., 2022).

Тем не менее, исходя из представленного ФАО набора ключевых показателей продовольственной безопасности, отражающих цели устойчивого развития, в странах Африканского Рога, за исключением Джибути, низка доля населения, пользую-

щегося по крайней мере базовыми услугами питьевой воды. Во всех странах доля населения, пользующегося услугами безопасной санитарии, не доходит и до половины. Также высока доля детей в возрасте до 5 лет, страдающих от истощения и задержки роста, особенно в Эфиопии. Кроме того, достаточно высокой является доля женщин репродуктивного возраста, страдающих анемией (табл. 5). Также следует обратить внимание на индекс политической стабильности и отсутствие насилия и/или терроризма. Ни в одной стране региона в течение 2000–2022 гг. данный показатель не поднимался выше нулевой отметки по шкале от –2,5 до 2,5.

Таблица 5

Набор показателей продовольственной безопасности в странах Африканского Рога, последние имеющиеся данные ... года

Показатель (год)	Ед. изм.	Джибути	Эритрея	Эфиопия	Сомали
Доля населения, пользующегося по крайней мере базовыми услугами питьевой воды (2016)	%	75,8	51,8	11,9	50,3
Доля населения, пользующегося услугами безопасной санитарии (2020)	%	37,1	12,6	6,7	31,5
Доля детей в возрасте до 5 лет, страдающих от истощения (2020)	%	10,6	Нет данных	6,8	Нет данных
Доля детей в возрасте до 5 лет, страдающих задержкой роста (2020)	%	18,7	50,2	Нет данных	18
Доля детей в возрасте до 5 лет с избыточным весом (2020)	%	3,2	3	2,7	2,7
Распространенность анемии среди женщин репродуктивного возраста, 15–49 лет (2019)	%	32,3	37	23,9	43,1
Политическая стабильность и отсутствие насилия/терроризма (2022)	Индекс	–0,51	–0,97	–2,04	–2,48

Источник: составлено А.С. Васильевым по данным ФАО.

Table 5

A set of food security indicators in the Horn of Africa, the latest available data

Indicator (year)	UoM	Djibouti	Eritrea	Ethiopia	Somalia
Proportion of the population using at least basic drinking water services (2016)	%	75.8	51.8	11.9	50.3
Proportion of the population using safe sanitation services (2020)	%	37.1	12.6	6.7	31.5
Proportion of children under the age of 5 suffering from exhaustion (2020)	%	10.6	No data	6.8	No data
Proportion of children under the age of 5 suffering from stunting (2020)	%	18.7	50.2	No data	18
Proportion of overweight children under the age of 5 (2020)	%	3.2	3	2.7	2.7
Prevalence of anemia among women of reproductive age, 15–49 years old (2019)	%	32.3	37	23.9	43.1
Political stability and absence of violence/terrorism (2022)	Index	–0.51	–0.97	–2.04	–2.48

Source: compiled by A.S. Vasilev based on FAO data.

При этом на примере Эфиопии и Джибути можно заметить, что стоимость здорового рациона для населения ежегодно увеличивается (рис. 1).

Африканский регион является одним из наименее развитых и нестабильных в плане продовольствия регионов и сталкивается с одними из самых сложных проблем развития в мире. При этом продовольственная ситуация в странах региона развивается и складывается по-разному (Latham, 2021). Так, в Эфиопии продовольственная ситуация определяется множеством факторов, связанных с уникальными географическими и социально-экономическими условиями страны: несмотря на то что степень продовольственной безопасности варьируется в разных регионах страны, она остается одной из наиболее подверженных риску недостатка продовольствия стран на африканском континенте. В Сомали драйверами отсутствия продовольственной безопасности выступают рост населения, экстремальные погодные условия и климатические катастрофы, а также политическая нестабильность и вооруженные конфликты, включая проблему пиратства. В Джибути также складывается непростая продовольственная ситуация. Ключевыми причинами отсутствия продовольственной безопасности в этой стране являются климатические изменения, бедность, неадекватная практика кормления детей грудного и раннего возраста, заболевания (малярия, диарея, ВИЧ, туберкулез и др.), нераспространенность мер, направленных на обеспечение питания, ограниченный доступ к медицинским услугам и гендерное неравенство. В Эритрее проводится политика самообеспечения, однако вместе с тем продолжается сотрудничество с ООН. Ключевые угрозы продовольственной безопасности — климатические изменения (засухи), экономические санкции, а также нашествия пустынной саранчи.

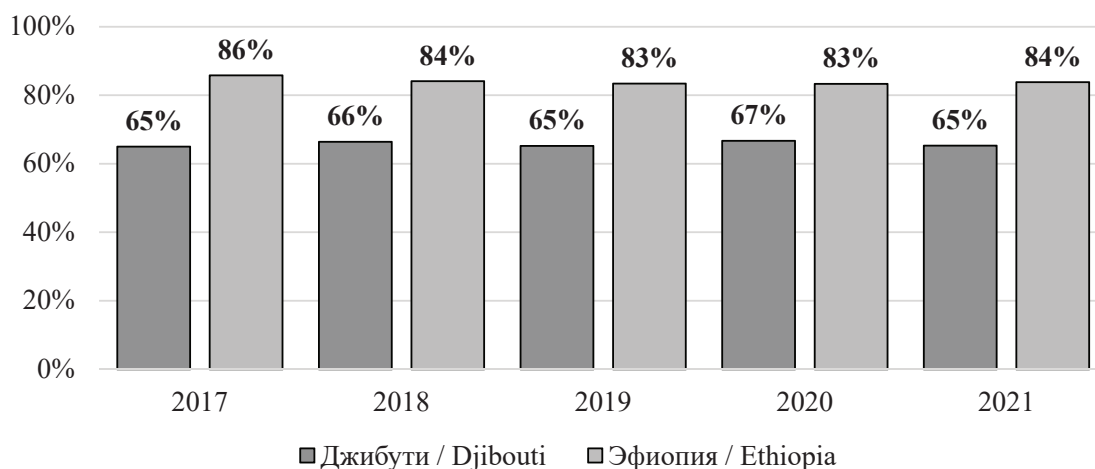

Рис. 1. Динамика доли населения, для которого здоровое питание является экономически недоступным в Эфиопии и Джибути, 2017–2021 гг., %

Источник: составлено А.С. Васильевым по данным ФАО.

Figure 1. Dynamics of the proportion of the population for whom healthy nutrition is economically inaccessible in Ethiopia and Djibouti, 2017–2021, %

Source: compiled by A.S. Vasilev based on FAO data.

Таким образом, Африканский Рог остается одним из наименее развитых, нестабильных в плане продовольствия и имеющих самые сложные проблемы обеспечения продовольственной безопасности регионов в мире. В этих условиях странам этого региона сложно обойтись без внешних торгово-экономических отношений в области обеспечения продовольственной безопасности с ведущими экономическими игроками, к числу которых относится и РФ.

Опыт России в решении проблемы продовольственной безопасности

Согласно действующей в России государственной программе¹² объем экспорта продукции российского агропромышленного комплекса (АПК) к 2030 г. должен составить 47,1 млрд долл. США.

В настоящее время, исходя из данных экспорта продукции АПК, представленных Агрэкспортом, России не составит труда достигнуть обозначенного показателя, и, более того, он, по всей вероятности, будет перевыполнен.

Так, по итогам 2023 г. объем экспорта АПК в стране увеличился на 11,7 %, составив 45,2 млрд долл. США, при этом, несмотря на снижение средней цены по всем продуктам на 28 %, в большинстве случаев целевые показатели ведомственных целевых программ (ВЦП) по основным видам продукции АПК были перевыполнены (рис. 2).

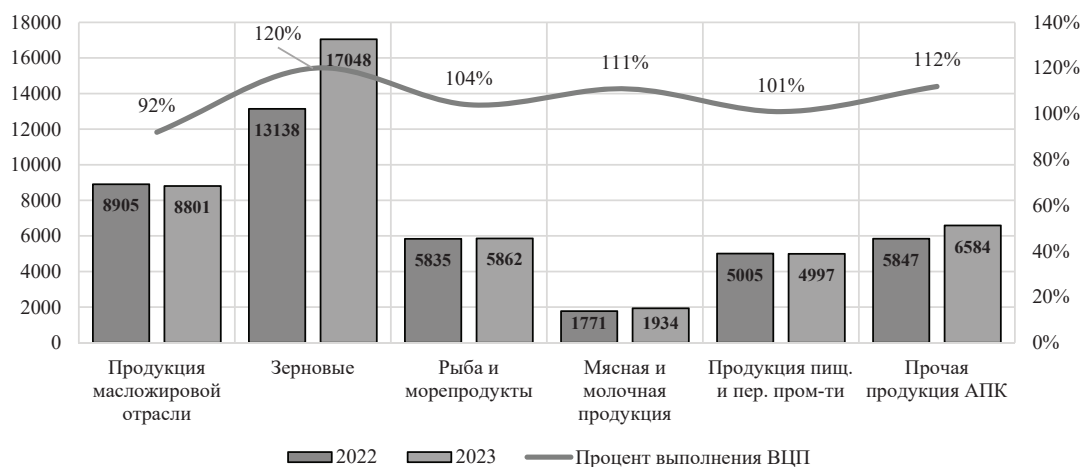

Рис. 2. Экспорт Российской Федерации, 2022–2023 гг., млн долл. США
 Источник: составлено А.С. Васильевым по данным Агрэкспорта.

¹²О Государственной программе развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия: Постановление Правительства РФ N 717 от 14.07.2012 (ред. от 22.05.2024) // СПС КонсультантПлюс. URL: <https://clck.ru/3CGSrJ> (дата обращения: 02.08.2024).

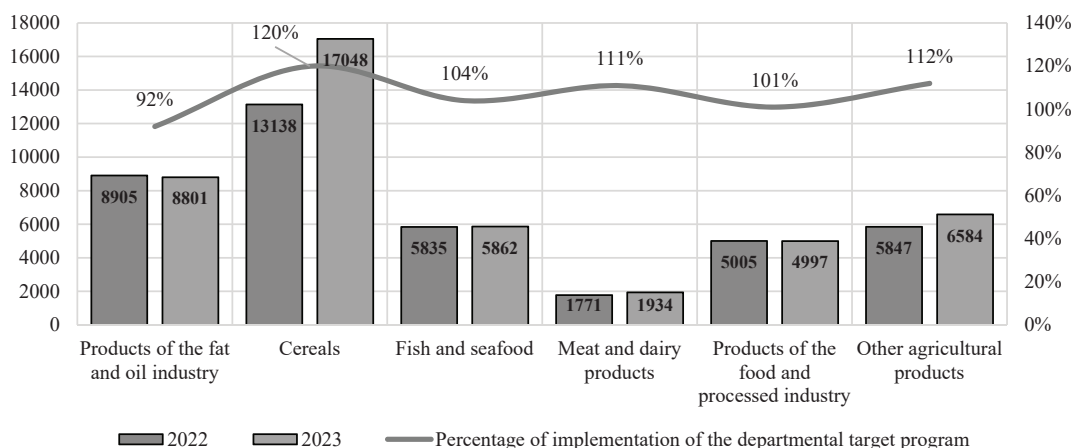

Figure 2. Exports of the Russian Federation, 2022–2023, USD million
 Source: compiled by A.S. Vasilev based on Agroexport data.

К главным странам-импортерам России в 2023 г. по объему экспорта относились Китай, Турция и страны ЕС — в каждый из этих регионов Россия отправила продукции АПК более чем на 3 млрд долл. США. По темпу прироста в 2022–2023 гг. значительное увеличение экспорта произошло в такие страны, как Китай (прирост 52,1 %), Индия (45,6 %) и Египет (13,4 %). Динамика распределения экспорта Российской Федерации по странам-импортерам представлена ниже (рис. 3). Следует отметить, что прирост экспорта в прочие страны также значительно увеличился (21,9 %), составив в 2023 г. 16,3 млрд долл. США.

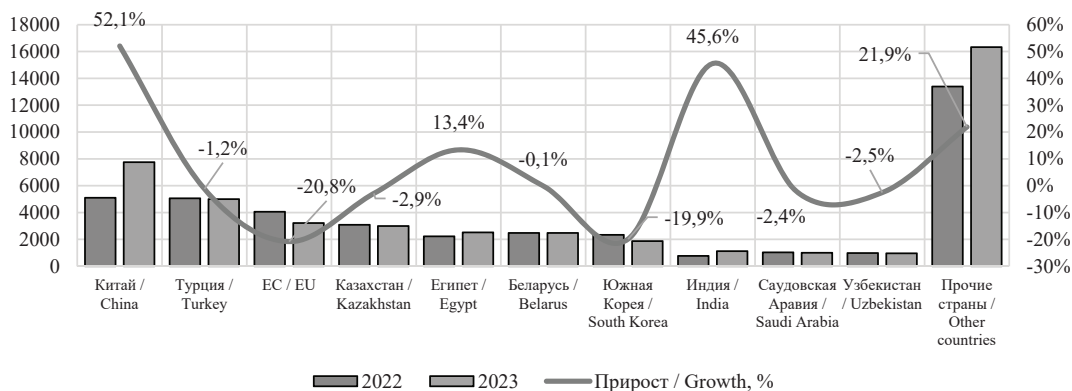

Рис. 3. Распределение экспорта Российской Федерации по странам-импортерам, 2022–2023 гг., млн долл. США

Источник: составлено А.С. Васильевым по данным Агроэкспорта.

Figure 3. Distribution of exports of the Russian Federation by importing countries, 2022–2023, USD million
 Source: compiled by A.S. Vasilev based on Agroexport data.

Говоря о самих продуктах, экспортируемых Россией в зарубежные страны (рис. 4), можно отметить, что к ведущим из них по приросту в 2023 г. относились зернобобовые (прирост 100 %), сахарная продукция (прирост 73 %), кукуруза (прирост 36 %) и пшеница (прирост 30 %). В то же время заметно снизился экспорт таких продуктов, как маргарин (снижение на 55 %), табак (снижение на 34 %) и соевое масло (снижение на 18 %).

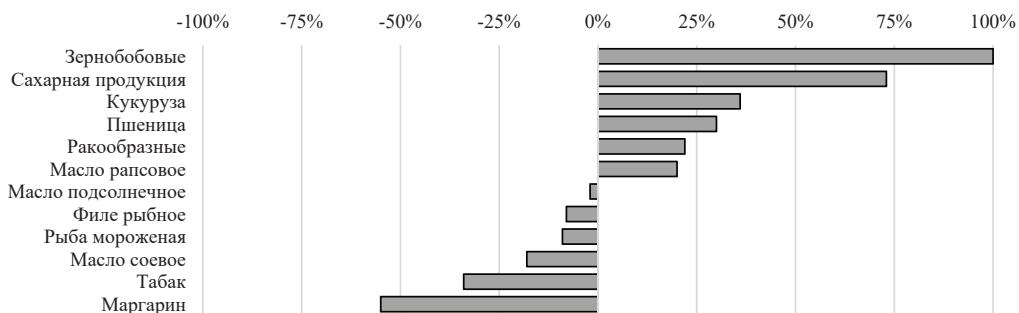

Рис. 4. Распределение экспорта Российской Федерации по темпу изменения продуктов, 2022–2023 гг., %
 Источник: составлено А.С. Васильевым по данным Агроэкспорта¹³.

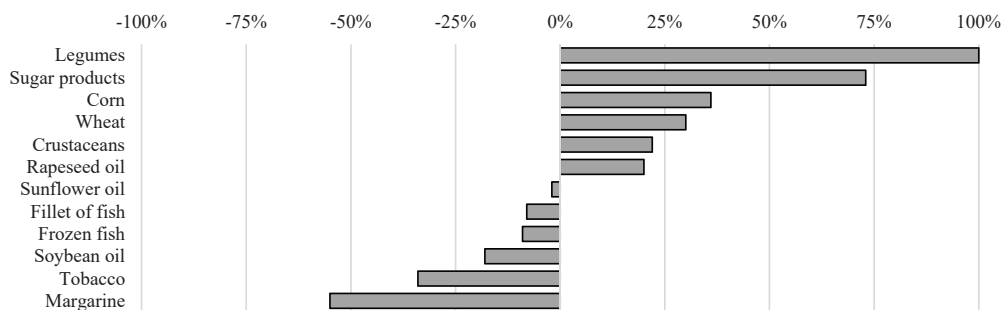

Figure 4. Distribution of exports of the Russian Federation by the rate of product change, 2022–2023, %
 Source: compiled by A.S. Vasilev based on Agroexport data.¹³

Обращаясь к глобальным международным данным ООН, можно заметить, что Российская Федерация с 2014 г. являлась лидером по экспорту пшеницы и меслина. Кроме того, проведенный автором анализ по всем 24 товарным группам показывает, что в динамике с 2014 г. темп прироста экспорта продукции АПК в Российской Федерации превышает темп прироста экспорта АПК в мире. Это позволяет говорить о высоком экспортном потенциале продукции АПК РФ после начала санкционной политики западных стран в отношении страны, начатой еще в 2014 г. Кроме того, можно отметить, что экспорт из России в 2022 г. снизился по всем укрупненным товарным группам, за исключением продовольственных товаров и сель-

¹³ Агроэкспорт // Официальный сайт. URL: <https://aemcx.ru/> (дата обращения: 02.08.2024).

скохозяйственного сырья¹⁴. Вместе с тем, по данным ФТС, Россия значительно увеличила объем торговли с азиатскими и африканскими странами. Например, экспорт в Азию вырос с 205,4 до 226,6 долл. США (прирост — 10 %), а в Африку увеличился в 1,5 раза, с 10,1 долл. США до 15,6 долл. США¹⁵. Представленные данные свидетельствуют о том, что, несмотря на колоссальное санкционное давление со стороны западного мира, сельскохозяйственная отрасль России процветает, а продовольственная безопасность в стране имеет наивысший приоритет. В стране активно развиваются механизмы государственной поддержки сельского хозяйства. Так, российское государство реализует множество мер поддержки для сельского хозяйства, в частности, льготный лизинг, льготное кредитование, компенсирующая и стимулирующая субсидии, субсидии производителям сельскохозяйственной техники, создание и развитие агробиотехнопарков, инвестиционная тарифная льгота и др.¹⁶ И это приносит свои плоды: с 2000 г. и вплоть до 2023 г. в Российской Федерации наблюдается ежегодный рост продукции сельского хозяйства (рис. 5).

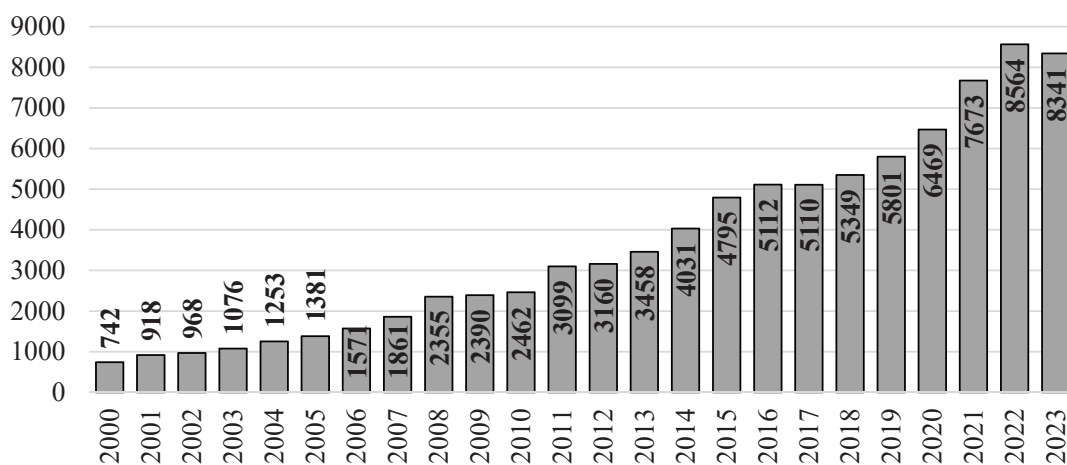

Рис. 5. Динамика объема продукции сельского хозяйства Российской Федерации, 2000–2023 гг., млрд руб

Источник: составлено А.С. Васильевым по данным Росстата.

Figure 5. Dynamics of agricultural output in the Russian Federation, 2000–2023, billion rubles

Source: compiled by A.S. Vasilev based on Rosstat data.

¹⁴ Экспорт зерна из России вырос за год в 1,5 раза // Официальный ресурс Объясняем. рф. 18.12.2023. URL: <https://объясняем.рф/articles/news/eksport-zerna-iz-rossii-vyros-za-god-v-1-5-gaza/> (дата обращения: 02.08.2024).

¹⁵ Деготькова И. ФТС раскрыла объем внешней торговли России в 2023 г. Какие тренды характерны сейчас для импорта и экспорта товаров // РБК. 14.11.2023. URL: <https://www.rbc.ru/economics/14/11/2023/65532b479a79471209aab87e> (дата обращения: 02.08.2024).

¹⁶ Меры государственной поддержки агропромышленного комплекса // Официальный сайт Министерства сельского хозяйства Российской Федерации. URL: <https://mcx.gov.ru/activity/state-support/measures/> (дата обращения: 02.08.2024).

Урожайность в стране за 2000–2023 гг. практически постоянно увеличивается, при этом в кризисные периоды, за исключением 2010 г., урожайность основных сельскохозяйственных культур в стране не падала¹⁷. Также нельзя не отметить, что в 2023 г. в заготовительных и перерабатывающих организациях Российской Федерации стало больше запасов зерна (рис. 6).

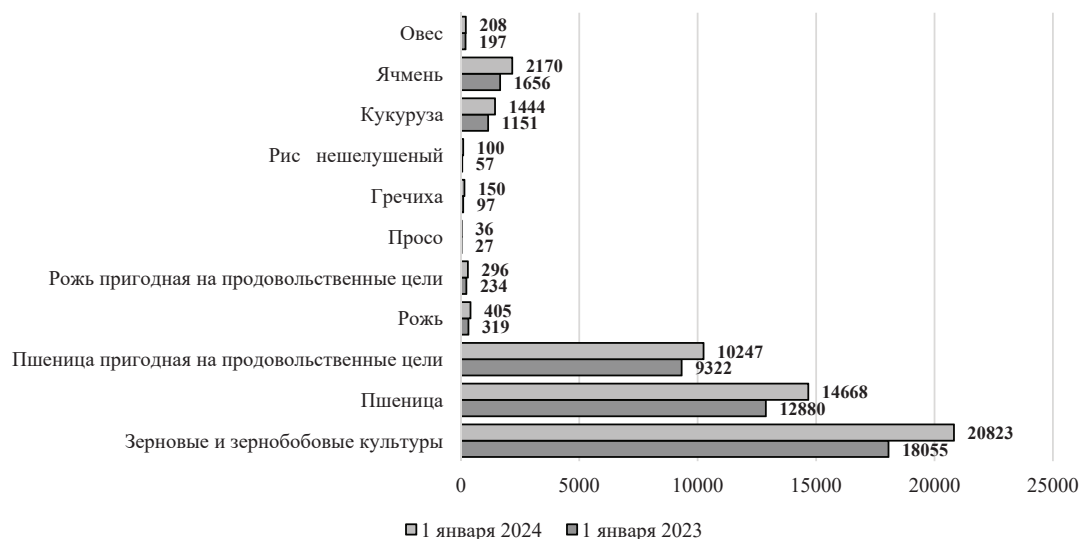

Рис. 6. Динамика изменения наличия зерна в заготовительных и перерабатывающих организациях Российской Федерации в 2023 г., тыс. т

Источник: составлено А.С. Васильевым по данным Росстата.

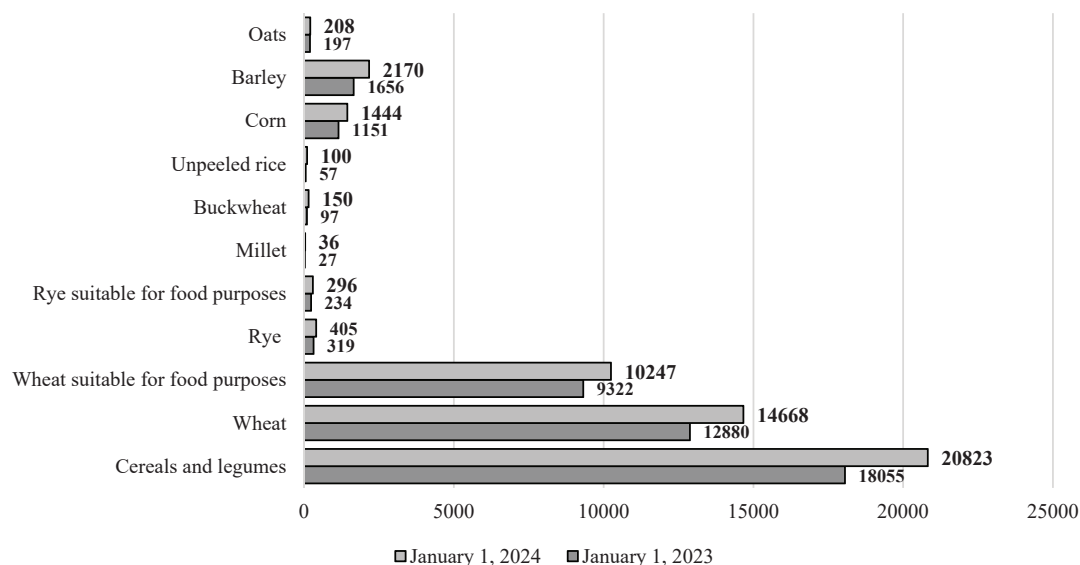

Figure 6. Dynamics of changes in the availability of grain in procurement and processing organizations of the Russian Federation in 2023, thousand tons

Source: compiled by A.S. Vasilev based on Rosstat data.

¹⁷ Росстат : официальный сайт. URL: https://rosstat.gov.ru/enterprise_economy (дата обращения: 02.08.2024).

Особенно увеличились запасы нешелушенного риса (рост наличия на 75,3 %), гречихи (рост наличия на 54,9 %) и проса (рост наличия на 35,8 %). Наличие зерновых культур увеличилось на 15,3 %, пшеницы — на 13,9 %.

Таким образом, в России накоплен большой опыт решения проблемы продовольственной безопасности; более того, Россия выступает в роли «большого игрока» в торгово-экономических отношениях на мировом рынке продукции, связанной с обеспечением продовольственной безопасности.

Сотрудничество России со странами Африканского Рога в контексте трансформирующейся геополитики и мировой экономики

Отношения между Российской Федерацией и странами Африканского рога традиционно являются дружескими. Как справедливо отметил Президент Российской Федерации, В.В. Путин, в рамках прошедшего летом 2023 г. второго саммита «Россия — Африка», «Россию и Африку связывают традиционно крепкие узы дружбы и тесные взаимовыгодные отношения, основы которых закладывались еще в середине прошлого века в годы борьбы народов Африканского континента за свою свободу. На протяжении десятилетий нами неизменно оказывалась поддержка в тяжелом противостоянии стран Африки колониальному игу»¹⁸. Более того, такой же посыл закреплен президентом в его недавней статье, где отмечается, что «партнерские связи нашей страны с Африкой имеют прочные, глубокие корни и во все времена отличались стабильностью, доверием и доброжелательностью»¹⁹. Из слов президента следует, что Россия оказывает значительную поддержку странам Африки в различных областях и планирует развивать долгосрочные отношения с этим континентом.

В частности, российские предприниматели выдвигают разнообразные предложения, активно ведется сотрудничество между службами безопасности, а также осуществляется подготовка военнослужащих и сотрудников правоохранительных органов. Россия также усиливает свое дипломатическое присутствие, расширяя сеть «русских домов». Кроме того, российско-африканский товарооборот демонстрирует рост и диверсификацию, в 2022 г. он достиг почти 18 млрд долл. США. Несмотря на общее сокращение экспорта в 2023 г., поставки российских товаров в Африку продолжают. Значительное внимание уделяется созданию новых транспортно-логистических цепочек и переходу на расчеты в национальных валютах²⁰. Важным аспектом сотрудничества яв-

¹⁸ Саммит Россия — Африка (28 июля 2023 г., Санкт-Петербург). Владимир Путин принял участие в пленарных сессиях второго саммита Россия — Африка // Официальный сайт Президента России. 28.06.2023. URL: <http://special.kremlin.ru/events/president/transcripts/71826> (дата обращения: 02.08.2024).

¹⁹ Путин В.В. Россия и Африка: объединяя усилия для мира, прогресса и успешного будущего // Официальный сайт Президента России. 24.06.2023. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/71719> (дата обращения: 02.08.2024).

²⁰ Итоги внешней торговли со всеми странами // Официальный сайт Федеральной таможенной службы. 2024. URL: <https://customs.gov.ru/statistic/vneshn-torg/vneshn-torg-countries> (дата обращения: 02.08.2024).

ляется наращивание поставок сельскохозяйственной продукции: в 2022 г. было поставлено чуть более 11,5 млн тонн зерна, а за первое полугодие 2023 г. — около 10 млн тонн. Россия также сохраняет ответственность за бесперебойные поставки продовольствия, в т.ч. на безвозмездной основе. Африканским странам предоставляются торговые преференции, оказывается помощь в создании современных производств и облегчается национальный долг африканских стран (в пример можно привести недавнее списание долга в 23 млрд долл. США).

Потенциал экономического развития России в целом и развития отрасли АПК в частности позволяет ей предложить новую, взаимовыгодную модель взаимодействия с африканскими странами, в т.ч. и странами Африканского Рога. Основная идея заключается в индустриализации этого региона, которая стимулирует внутреннюю экономику региона, что позволит странам Африканского Рога достичь высоких темпов роста, диверсифицировать экономику и снизить зависимость от внешних потрясений. Такие меры способствуют значительному сокращению бедности за счет создания рабочих мест и повышения уровня благосостояния. В этом контексте российская сторона может предложить необходимые технологии, особенно в энергетике, сельском хозяйстве и горнодобывающей промышленности, а также квалифицированных специалистов, в которых страны Африки, в т.ч. и страны Африканского Рога, остро нуждаются²¹. Это подтверждается как саммитами «Россия — Африка», так и визитами Министра иностранных дел Российской Федерации С.В. Лаврова в Африку (табл. 6), в частности, в Эритрею, Сомали и Эфиопию.

Таблица 6

Визиты Министра иностранных дел России С.В. Лаврова в Африку, начиная с 1 января 2022 г.

Дата визита	Посещенные страны
30 марта 2022 г.	Тунис
3–4 апреля 2022 г.	Алжир (ЛАГ)
1–3 мая 2022 г.	Египет
23–27 июля 2022 г.	Египет, Республика Конго, Уганда, Эфиопия*
23–26 января 2023 г.	Ангола, Эсватини, Эритрея*, ЮАР
7–9 февраля 2023 г.	Мавритания, Мали, Судан
23–27 мая 2023 г.	Бурунди, Кения, Сомали*
23–28 июля 2023 г.	Гвинея-Бисау, Зимбабве, Мозамбик ЮАР
22 августа 2023 г.	ЮАР (саммит БРИКС)
20 декабря 2023 г.	Тунис
3–6 июня 2024 г.	Гвинея, Буркина-Фасо, Конго, Чад

Примечание: * — страны Африканского Рога.

Источник: составлено А.С. Васильевым по данным МИД РФ.

²¹ Гвилия Н. Россия — Африка: новая экономическая политика // РОСКОНГРЕСС. 16.01.2024. URL: <https://roscongress.org/materials/rossiya-afrika-novaya-ekonomicheskaya-politika/> (дата обращения: 02.08.2024).

Table 6

Visits of the Minister of Foreign Affairs of the Russian Federation, Sergey Lavrov, to Africa, starting from January 1, 2022

Date of the visit	Countries visited
March 30, 2022	Tunisia
April 3–4, 2022	Algeria (Arab League)
May 1–3, 2022	Egypt
July 23–27, 2022	Egypt, Republic of the Congo, Uganda, Ethiopia*
January 23–26, 2023	Angola, Eswatini, Eritrea*, South Africa
February 7–9, 2023	Mauritania, Mali, Sudan
May 23–27, 2023	Burundi, Kenya, Somalia*
July 23–28, 2023	Guinea-Bissau, Zimbabwe, Mozambique, South Africa
August 22, 2023	South Africa (BRICS Summit)
December 20, 2023	Tunisia
June 3–6, 2024	Guinea, Burkina Faso, Congo, Chad

Note: * — Horn of Africa countries.

Source: compiled by A.S. Vasilev based on data by the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation.

Поддержка Африки — приоритет России, о чем свидетельствуют заявления на самом высшем уровне управления. На втором саммите «Россия — Африка» была подписана широкомасштабная российско-африканская декларация, в которой Российская Федерация выразила намерение продолжать оказывать помощь странам Африки в решении проблем, связанных с обеспечением продовольствием, сельскохозяйственными удобрениями и энергетическими ресурсами²². На Всемирном фестивале молодежи 2024 г. президент Российской Федерации подчеркнул важность помощи африканским странам, сталкивающимся с проблемами продовольственной безопасности. Важно отметить, что в ходе встреч с представителями африканских государств, в т.ч. тех, где ситуация особенно сложная и население страдает от нехватки пищи, не поступало прямых просьб о помощи. Вместо этого обсуждалось стремление к установлению справедливых и взаимовыгодных экономических отношений; российская сторона выразила готовность оказывать поддержку африканским партнерам при необходимости, на основе взаимного сотрудничества²³.

Стоит подчеркнуть, что текущая ориентация России на сотрудничество с африканскими странами полностью соответствует основным направлениям внешней политики Российской Федерации. Данная политика направлена

²² Декларация второго саммита Россия — Африка // Официальный сайт Президента России. 28.06.2023. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5972> (дата обращения: 02.08.2024).

²³ Путин заявил, что Африка не просит о помощи // ТАСС. 06.03.2024. URL: <https://tass.ru/politika/20177123> (дата обращения: 02.08.2024).

на укрепление позиции России как самостоятельного центра влияния в условиях многополярного мирового порядка. Так, стремление России занять значимое положение в Африке опирается на ее успехи на Ближнем Востоке, в Сирии, Ливии, а также на укрепление партнерских связей с Египтом. Эти действия способствовали расширению влияния России на всем африканском континенте. Важно отметить, что Россия в Африке воспринимается как надежный союзник, готовый поддержать своих партнеров, способствующий укреплению их суверенитета и предоставляющий возможности для диверсификации внешней политики без риска усиления влияния других международных акторов. При этом, несмотря на серьезное давление со стороны Запада, африканские государства в целом сохраняют благосклонное отношение к России на международной арене (Маслов, Суслов, 2022). В рамках современной внешнеполитической стратегии РФ не воспринимает Африку как «арену для соперничества» с Западом или другими стремящимися к господству державами. Вместо этого российская политика направлена на укрепление двусторонних отношений с африканскими странами, основанных на принципах взаимной выгоды и уважения. Особое внимание уделяется развитию торгово-экономического сотрудничества, что подчеркивает важность этих аспектов в российско-африканском взаимодействии.

Внешняя торговля России со странами Африканского Рога

Несмотря на повышенный интерес России к странам Африканского Рога, к наиболее перспективным африканским странам в плане экономического роста относятся Бенин, Гамбия, Демократическая Республика Конго, Кот-д'Ивуар, Нигер, Мозамбик, Руанда, Сенегал, Танзания, Того и Эфиопия²⁴. На оставшиеся 44 страны континента в совокупности приходится менее 20 % товарооборота России с Африкой²⁵.

Кроме того, в последние десятилетия наблюдается значительное углубление отношений между РФ и странами Магриба, особенно Египтом, Алжиром и Марокко.

Достигнуты значимые успехи во взаимоотношениях России с ЮАР. Однако стоит отметить, что активное развитие отношений между РФ и африканскими государствами также характерно для других регионов континента. В этом контексте Африканский Рог выделяется в качестве одного из наиболее многообещающих регионов для продвижения торгово-экономических интересов России.

Вместе с тем общая торговля с Африкой в России значительно уступает торговле с Азией и Европой по объемам, однако по темпу изменения Африка, напротив, опережает остальные регионы. Так, экспорт в Африку в январе — мае 2024 г. увеличился на 21,2 % по сравнению с предыдущим годом, тогда как импорт из Африки снизился лишь на 2,6 % (табл. 7).

²⁴ Экономика Африки: скрытый потенциал и реальный рост // РОСКОНГРЕСС. 2023. URL: https://roscongress.org/upload/medialibrary/307/eg94gw6kzacguxxpz821758amaeb34ld/Afrika-2_.pdf (дата обращения: 02.08.2024).

²⁵ Бобылев С. Что известно об основных торговых партнерах России в Африке // ТАСС. 27.06.2023. URL: <https://tass.ru/info/18376297> (дата обращения: 02.08.2024).

Кроме того, можно выделить основные тенденции в торгово-экономических отношениях между Российской Федерацией и странами Африканского Рога. Так, согласно данным за 2021 г., Россия занимала седьмую позицию среди стран-экспортеров сельскохозяйственной продукции в Эфиопию, при этом под контролем находилось около 3 % рынка.

Таблица 7

Экспорт и импорт товаров Российской Федерации по группам стран, млрд долл. США, январь — май 2023–2024 гг.

Регион	Экспорт			Импорт		
	Январь-май 2023	Январь-май 2024	Темп изменения, %	Январь-май 2023	Январь-май 2024	Темп изменения, %
Весь мир	173,1	172,1	-0,6	117,8	107,8	-8,5
в т.ч.:						
Европа	41,4	26,0	-37,4	34,2	28,5	-16,6
Азия	118,5	130,4	10,1	74,9	71,8	-4,1
Африка	8,2	9,9	21,2	1,5	1,5	-2,6
Америка	4,9	5,7	15,7	7,0	5,8	-17,3

Источник: составлено А.С. Васильевым по данным ФТС.

Table 7

Exports and imports of goods of the Russian Federation by country group, USD billion, 2023–2024, January-May

Region	Export			Import		
	January-May 2023	January-May 2024	The rate of change, %	January-May 2023	January-May 2024	The rate of change, %
World	173.1	172.1	-0.6	117.8	107.8	-8.5
including:						
Europe	41.4	26.0	-37.4	34.2	28.5	-16.6
Asia	118.5	130.4	10.1	74.9	71.8	-4.1
Africa	8.2	9.9	21.2	1.5	1.5	-2.6
America	4.9	5.7	15.7	7.0	5.8	-7.3

Source: compiled by A.S. Vasilev based on the Federal Customs Service of Russia.

В 2022 г. объем импорта сельскохозяйственных товаров в Джибути составил чуть более 1,5 млрд долл. США, при этом значительная доля поставок состояла из растительных масел. Для Сомали перспективными направлениями увеличения российского экспорта являются многие агропромышленные товары (например, дрожжи, подсолнечное масло, зерновые и бобовые культуры, мука).

Согласно данным ФТС России, объем торговли с Эритреей в 2021 г. достиг более 9 млн долл. США, что превышает показатель предыдущего года более чем в 20 раз, при этом более 85 % товаров представляли собой зерно, а остальная часть включала химические продукты и минеральное топливо²⁶. Торгово-экономические отношения в области обеспечения продовольственной безопасности между Российской Федерацией и странами Африканского Рога развиваются слабее, чем в иных отраслях, не говоря о том, что сам регион в сравнении со странами Северной и Центральной Африки значительно уступает по объемам торговли.

Таким образом, развитие торгово-экономических отношений в области обеспечения продовольственной безопасности между РФ и странами Африканского Рога фактически только начинается, чему в значительной степени способствует активизация стратегического взаимодействия между Россией и Африкой на высшем уровне.

Обсуждение

В рамках обсуждения целесообразно рассмотреть перспективы России по обеспечению продовольственной безопасности в странах Африканского Рога.

В контексте современных тенденций внешнеэкономического развития Российской Федерации наблюдается усиление международных транспортных коридоров с государствами, рассматриваемыми как дружественные. В 2024 г. в ходе Пленарного заседания Петербургского международного экономического форум, президент России В.В. Путин подчеркнул, что, несмотря на многочисленные преграды и незаконные санкции, Россия сохраняет свою значимую роль в мировой торговле, активно расширяя логистические возможности и географию сотрудничества. Особое значение в этом процессе приобретает регион Африканского Рога, что требует укрепления торгово-экономических отношений с ним. В данной связи можно обозначить потенциальные направления сотрудничества, направленные на обеспечение продовольственной безопасности.

В XXI в. Российская Федерация неоднократно демонстрировала свою способность эффективно бороться с терроризмом, представляющим одну из главных угроз продовольственной безопасности. Примером этой проблемы является ситуация в Сомали, стране Африканского Рога. Устранение данной угрозы может существенно улучшить продовольственную безопасность региона.

В сфере торгово-экономического сотрудничества, ориентированного на экспорт агропромышленной продукции, Россия активно развивает стратегию, охватывающую развитие агропромышленного и рыбохозяйственного комплексов до 2030 г., а также реализует серьезный национальный проект²⁷. В этих и иных стратегических документах Африка рассматривается в качестве

²⁶ Аналитические обзоры // Официальный сайт Федерального государственного бюджетного учреждения «Федеральный центр развития экспорта продукции агропромышленного комплекса Российской Федерации». URL: <https://clck.ru/39tWLP> (дата обращения: 30.03.2024).

²⁷ Международная кооперация и экспорт // Национальные проекты России. URL: <https://национальныепроекты.рф/projects/eksport/> (дата обращения: 30.03.2024).

перспективного рынка для экспорта продукции АПК. Безусловно, Россия, обладая значительным опытом, может способствовать технологическому обмену в сельскохозяйственной сфере с Африканским Рогом. Особое внимание целесообразно уделить внедрению технологий, адаптированных к агроклиматическим условиям Африканского Рога (например, технология обработки почвы без вспашки). Применение таких технологий может способствовать устойчивому развитию сельского хозяйства, повышению урожайности и снижению зависимости от природных факторов, что особенно актуально для Африканского Рога.

Также важными аспектами торгово-экономического сотрудничества являются обмен опытом и цифровизация сельского хозяйства. Так внедрение цифровых технологий способно значительно повысить продовольственную самодостаточность стран Африканского Рога. Несмотря на наличие различных цифровых решений, их применение в странах Африки остается довольно ограниченным, что обусловлено, в т.ч. недостаточным уровнем образования среди местных фермеров; в этом контексте, безусловно, требуется просветительская деятельность и техническая поддержка. Сотрудничество с РФ, обладающей значительным опытом в использовании цифровых технологий в сельском хозяйстве, представляется перспективным шагом для обеспечения продовольственной безопасности региона.

Оптимизация цепочек поставок также является ключевым направлением сотрудничества. Так, вследствие продолжающихся скачкообразных последствий, вызванных геополитической обстановкой 2022 г., логистика в области поставок продукции АПК из России в страны Африканского Рога сталкивается с трудностями. При этом данный регион представляет собой перспективный рынок для российских производителей зерновых и другой сельскохозяйственной продукции (Шабалина, Безжон, 2020). Одним из приоритетных направлений является поставка удобрений и агрохимикатов, которые необходимы для улучшения качества почв, часто отличающихся низким плодородием и дефицитом питательных веществ, поскольку они могут способствовать увеличению урожайности и развитию сельского хозяйства в странах Африканского Рога.

В условиях недостаточной инфраструктуры и частых сбоях в поставках продовольствия важным направлением торгово-экономического сотрудничества является и развитие систем хранения продовольствия. Современные логистические решения способны значительно повысить эффективность управления запасами продовольствия. Российские компании, имея значительный опыт в создании и эксплуатации складских и логистических комплексов, могут предложить передовые технологии и оборудование, способствующие не только увеличению объемов хранения продукции, но и улучшению условий ее транспортировки и распределения в странах Африканского Рога (Абрамова, 2023: 108).

Заключение

В результате анализа торгово-экономических отношений России со странами Африканского Рога можно прийти к выводу о том, что, несмотря на то, что на протяжении многолетней истории Россия поддерживала дру-

жественные отношения с этими странами, объемы и разнообразие торговли, выраженной экспортом по основным группам товаров, относящимся к сельскохозяйственной продукции, являются небольшими, особенно по сравнению с современным восточноазиатским направлением российского экспорта. После недавних глобальных шоковых событий (пандемия COVID-19, трансформация геополитической обстановки, мировой энергетический кризис) цепочки поставок российской продукции в страны Африканского Рога были нарушены, а международная геополитическая и экономическая борьба за влияние в этом регионе усилилась. Тем не менее, Российская Федерация даже в контексте невероятного санкционного давления продолжает оставаться в числе ведущих экспортеров мира и, начиная с 2022 г., начала активно расширять географию сотрудничества с дружественными странами. В качестве перспективного направления были определены и страны Африки. Важно и то, что многие страны Африки сами дружелюбно настроены по отношению к сотрудничеству с Россией.

Ключевой смысл торгово-экономических отношений России со странами Африканского Рога сводится к выстраиванию взаимовыгодного сотрудничества, основанного на стимулировании внутренней экономики региона, которое может способствовать снижению зависимости стран Африканского Рога от неокolonизаторского режима Запада, климатических изменений, а также военных и террористических потрясений — зависимости, которая препятствует обеспечению продовольственной безопасности и решению проблемы голода. В этом смысле Российская Федерация, обладая значительным опытом в решении данного вопроса, способна предоставить странам Африканского Рога продукты и решения, направленные на повышение продовольственной безопасности через укрепление общей безопасности региона, обучение фермеров, цифровизацию сельского хозяйства, оптимизацию цепочек поставок, развитие инфраструктуры для хранения продовольствия.

Таким образом, в рамках расширения географии сотрудничества развитие торгово-экономических отношений России со странами Африканского Рога в области обеспечения продовольственной безопасности является значимым и более чем реальным.

Список литературы / References

- Abebe, W. (2021). Food insecurity in the horn of Africa and its impact on peace in the region. *IPSS Policy Brief*, 15(2), 1–8.
- Abera, T.A., Heiskanen, J., Pellikka, P.K.E., & Maeda, E.E. (2020). Impact of rainfall extremes on energy exchange and surface temperature anomalies across biomes in the Horn of Africa. *Agricultural and Forest Meteorology*, 280, 107–119. <https://doi.org/10.1016/j.agrformet.2019.107779>
- Abramova, I.O. (Ed.). (2023). *Colonizers' Unpaid Debt*. Moscow: Institute for African Studies of the RAS. (In Russ.). EDN: OORAQY
- Adjei, V. (2021). Climate change: Threat to agricultural system and food security in Africa. *Global Scientific Research in Environmental Science*, 1(4), 1–5. <https://doi.org/10.53902/>

GSRES.2021.01.000518

- Akbari, M., Foroudi, P., Shahmoradi, M., Padash, H., Parizi, Z.S., et al. (2022). The evolution of food security: where are we now, where should we go next? *Sustainability*, 14(6), 3634–3678. <https://doi.org/10.3390/su14063634>
- Allison, G. (2020). The new spheres of influence: Sharing the globe with other great powers. *Foreign Affairs*, 99, 30–53.
- Awange, J. (2022). Food insecurity: causes and eradication. In *Food Insecurity & Hydroclimate in Greater Horn of Africa: Potential for Agriculture Amidst Extremes*, Springer, Cham, 3–27. https://doi.org/10.1007/978-3-030-91002-0_1
- Azadi, H., Burkart, S., Movahhed Moghaddam, S., Mahmoudi, H., Janečková, K., et al. (2022). Famine in the Horn of Africa: Understanding institutional arrangements in land tenure systems. *Food Reviews International*, 38(1), 829–845. <https://doi.org/10.1080/87559129.2021.1888974>
- Bedasa, Y., & Bedemo, A. (2023). The effect of climate change on food insecurity in the Horn of Africa. *GeoJournal*, 88(2), 1829–1839. <https://doi.org/10.1007/s10708-022-10733-1>
- Bjornlund, V., Bjornlund, H., & van Rooyen, A. (2022). Why food insecurity persists in sub-Saharan Africa: A review of existing evidence. *Food Security*, 14(4), 845–864. <https://doi.org/10.1007/s12571-022-01256-1>
- Dube, Y.H. (2022). The impact of the transition in Ethiopia on geopolitical dynamics in the Horn of Africa post-2018. *Indonesia Prime*, 7(1), 15–24.
- Folake, O.K. (2020). A drop in the Bab el-Mandeb Strait: Djibouti signs the ICSID convention. In *Ethiopian Yearbook of International Law 2019: Towards a Global Order based on Principles of Fairness, Solidarity, and Humanity*, 141–162. https://doi.org/10.1007/978-3-030-55912-0_7
- Hassan, H.A. (2021). Ethnicity, insecurity and geostrategic transformation in the Horn of Africa. In *Risks, Identity and Conflict: Theoretical Perspectives and Case Studies*, 61–83. https://doi.org/10.1007/978-981-16-1486-6_3
- Huss-Ashmore, R. (2019). Perspectives on the African food crisis. In *African Food Systems in Crisis*, Routledge, 3–42.
- Latham, J. (2021). The myth of a food crisis. In *Rethinking Food and Agriculture*, Woodhead Publishing, 93–111. <https://doi.org/10.1016/B978-0-12-816410-5.00005-0>
- Mahlatsi, M.L.S. (2023). Food security as a new frontier of war: a geo-historical perspective of food security and armed conflict in Sub-Saharan Africa. In *Contemporary Issues on Governance, Conflict and Security in Africa*, Palgrave Macmillan, Cham, 327–341. https://doi.org/10.1007/978-3-031-29635-2_19
- Markakis, J. (2021). The crisis of the state in the Horn of Africa. In *The Nation State: a wrong model for the horn of Africa*. Berlin: Max-Planck-Gesellschaft zur Förderung der Wissenschaften, 19–54. <https://doi.org/10.34663/9783945561577-04>
- Maslov, A.A., & Suslov, D.V. (2022). A return to Africa: how to make it Russia's priority. *Russia in global politics*, 20(1), 130–148. (In Russ.). <https://doi.org/10.31278/1810-6439-2022-20-1-130-148> EDN: YCXZWZ
- Measho, S., Chen, B., Pellikka, P., Guo, L., Zhang, H., et al. (2021). Assessment of vegetation dynamics and ecosystem resilience in the context of climate change and drought in the horn of Africa. *Remote Sensing*, 13(9), 16–34. <https://doi.org/10.3390/rs13091668>
- Seife, T.K. (2021). The impact of climate change on agriculture and food security in the greater horn of Africa. *Politikon*, 48(1), 98–114. <https://doi.org/10.1080/02589346.2020.1861509>
- Semin, A.N., & Kilimnik, E.V. (2023). Food supplies to the countries of North Africa and the Middle East and their impact on food security in the world. *Agro-food Policy of Russia*, (2), 51–57. (In Russ.). https://doi.org/10.35524/2227-0280_2023_02_51 EDN: TWPNTF
- Shabalina, L.V., & Bezzhon, Y.O. (2020). Food security in the countries of Africa: a modern aspect.

- Trade and the market*, (2), 194–201. (In Russ.).
- Thomas, E., Jordan, E., Linden, K., Mogesse, B., Hailu, T., et al. (2020). Reducing drought emergencies in the Horn of Africa. *Science of the Total Environment*, 727, 1–38. <https://doi.org/10.1016/j.scitotenv.2020.138772>
- Walls, H., Baker, P., Chirwa, E., & Hawkins, B. (2019). Food security, food safety & healthy nutrition: are they compatible? *Global Food Security*, 21, 69–71. <https://doi.org/10.1016/j.gfs.2019.05.005>
- Xie, H., Wen, Y., Choi, Y., & Zhang, X. (2021). Global trends on food security research: A bibliometric analysis. *Land*, 10(2), 119–142. <https://doi.org/10.3390/land10020119>

Сведения об авторе / Bio note

Васильев Артем Сергеевич, руководитель отдела аналитики и ценообразования, ООО «И-Групп», Российская Федерация, 109316, Москва, Волгоградский проспект, д. 26, стр. 1, помещ. 401, 402. ORCID: 0009-0007-7318-2772. E-mail: art.astr7@gmail.com

Artem S. Vasilev, Head of Analytics and Pricing Department LLC “I-Group”, room 401, 402, 26 Volgogradsky Avenue, bldg. 1, Moscow, 109316, Russian Federation. ORCID: 0009-0007-7318-2772. E-mail: art.astr7@gmail.com

DOI: 10.22363/2313-2329-2025-33-2-199-212

EDN: DHERGD

UDC 339.5 (470)

Research article / Научная статья

Iran's trade and economic relations with Russia

Irina N. Belova , Zakir Khussain Barat Ali *RUDN University, Moscow, Russian Federation* belova_in@rudn.ru

Abstract. The study examines Russia and Iran's current trade and economic relations and promising directions for developing trade turnover. The study analyses the main areas of cooperation between the countries and identifies the main challenges and opportunities. The analysis showed that the main subject of imports and exports in the countries is agricultural products. Based on the analysed data on trade turnover between Russia and Iran over the past five years, an overview of trade volume between the countries is given, the commodity structure of exports and imports between the countries and the dynamics of trade development are presented. It was found that the current political and economic situation in the world contributes to strengthening trade and economic relations between Iran and Russia. The study also analyses the reasons for the growth in trade volume, including the impact of the imposed sanctions and the consequences of the withdrawal of several foreign companies from the Russian market. It has been established that there is an increase in cooperation between the countries under the influence of sanctions at the present stage. Based on the results of the conducted research and the identified difficulties countries face in the modern international market, ways to overcome them are proposed (investment on the part of Russia, striving for stability in the ratio of currencies to each other and the US dollar). The purpose of the study is to analyze the trade and economic cooperation between Russia and Iran, focusing on key aspects and prospective development directions. To achieve this goal, methods such as the review of scientific publications, analysis of statistical data and economic development indicators, as well as comparative analysis were employed. These methods enabled a deeper understanding of the current state of relations and helped identify key areas for their future development.

Keywords: trade turnover, sanctions, Russian-Iranian cooperation, export, import, economic growth

Authors' contribution. Belova I.N. — research concept and design; Barat Ali Z.Kh. — data collection, data analysis, wrote the article. All authors have read and agreed to the published version of the manuscript.

© Belova I.N., Barat Ali Z.Kh., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Conflicts of interest. The authors have no potential or apparent conflicts of interest related to the manuscript.

Article history: received 12 December 2024; revised 30 January 2025; accepted 11 March 2025.

For citation: Belova, I.N., & Barat, Ali Z.Kh. (2025). Iran's trade and economic relations with Russia. *RUDN Journal of Economics*, 33(2), 199–212. <https://doi.org/10.22363/2313-2329-2025-33-2-199-212>

Торгово-экономические отношения Ирана с Россией

И.Н. Белова , Закир Хуссain Барат Али

Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

 belova_in@rudn.ru

Аннотация. Рассмотрены состояние торгово-экономических отношений между Россией и Ираном и перспективные направления развития торгового оборота между странами. Проанализированы основные направления сотрудничества между странами, выявлены основные вызовы и возможности. Анализ показал, что важнейшим предметом импорта и экспорта в странах является сельскохозяйственная продукция. На основе данных о торговле между Россией и Ираном за последние пять лет охарактеризованы товарооборот, товарная структура экспорта и импорта между странами, динамика развития торговли. Установлено, что современная политическая и экономическая ситуация в мире способствует укреплению торгово-экономических отношений Ирана с Россией. Также проанализированы факторы роста объема торговли, включая влияние введенных санкций и последствий ухода ряда зарубежных компаний с российского рынка. Установлено, что под влиянием санкций на современном этапе отмечается рост направлений сотрудничества между странами. По результатам проведенного исследования и рассмотренным трудностям, с которыми сталкиваются страны на современном международном рынке, предложены пути преодоления выявленных сложностей (инвестирование со стороны России, стремление к стабильности отношения валют друг к другу и к доллару США и т.д.). Цель исследования — выявить ключевые аспекты и перспективные направления развития торгово-экономического сотрудничества России и Ирана. Использовались методы изучения научных публикаций, анализа статистических данных и показателей экономического развития, а также сравнительный анализ. Эти методы позволили глубже понять текущее состояние отношений и выделить ключевые направления для их развития.

Ключевые слова: товарооборот, санкции, сотрудничество России и Ирана, экспорт, импорт, экономический рост

Вклад авторов. Белова И.Н. — концепция и дизайн исследования; Барат Али З.Х. — концепция и дизайн исследования, сбор и анализ данных, написание статьи. Все авторы одобрили окончательную версию статьи.

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 12 декабря 2024 г.; доработана после рецензирования 30 января 2025 г.; принята к публикации 11 марта 2025 г.

Для цитирования: *Belova I.N., Barat Ali Z.Kh. Iran's trade and economic relations with Russia // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика. 2025. Т. 33. № 2. С. 199–212. <https://doi.org/10.22363/2313-2329-2025-33-2-199-212>*

Introduction

Modern political and economic events around the world have significantly impacted Russia's trade and economic relations with partner countries. As a result of the developing financial crisis and other events that negatively affect Russia's relations with previously economically friendly territories, the government is rebuilding its trade and economic ties in search of reliable partners. This step, in turn, contributed to an increase in the number of trade partners of the Russian Federation, not only in quantity but also in their willingness to build long-term constructive cooperation. In other words, the restrictions that large Russian companies were subjected to become a springboard for the country in building new supply chains and forming a group of new contractors in partner countries.

Based on the presented facts, the analysis of such changes in the foreign economic relations of the Russian Federation is becoming increasingly attractive for scientific research. In particular, the analysis of cooperation between Russia and Iran, in relations with which a significant positive shift has been noted in recent years, seems promising. Studying the reasons and specifics of such changes, experts note that the active development of trade and economic relations between Russia and Iran became possible due to the sanctions restrictions that both Russian and Iranian organizations are regularly subjected to, as well as thanks to the temporary free trade agreement between the Eurasian Economic Union and Iran, which received the status of a permanent agreement in 2023, which It allowed Iran and Russia to enhance further their positions in international trade, including cooperation between the countries with each other (Ivanchenko, 2024).

The study aims to analyse Iran's trade and economic relations with Russia.

The presented purpose of the study should have a step-by-step implementation, consisting of the performance of several tasks, which were attributed to:

- analysis of the current state of relations between countries in terms of trade transactions;
- analysis of quantitative and qualitative indicators of economic cooperation between countries, taking into account data for the last five years;
- research on the reasons for the expansion of cooperation between countries; identification of promising areas for further development of economic cooperation.

Materials and methods

When writing the article, an analysis was carried out of the works of domestic and foreign authors who studied various aspects of cooperation between Iran and Russia: features of trade and economic cooperation between the countries (Ivanchenko, 2024); cooperation strategies (Ashkalov et al., 2018); trends and prospects for the development of cooperation (Filin et al., 2016) existing problems in relations between countries (Karami, 2022; Karami et al., 2019). In addition, the historical aspects of the development of trade and economic cooperation between

Russia and Iran were considered to understand the formation process of the analyzed relationship in the works of R.A. Tuzmukhamedov (Tuzmukhamedov, 1960); Ali Omidi (Omidi, 2022); R.O. Freedman (Freedman, 1997); Sh.S. Galbatsova (Galbatsova, 2012); E.I. Khafizova (Khafizova, 2017); Kozhanov N. (Kozhanov, 2020), Moore E.D. (Moore, 2012).

The following methods were used to solve the tasks set in the framework of writing the article:

- search, systematization, and evaluation of macroeconomic indicators characterizing the current state of Russian-Iranian relations at the present stage;
- analysis of statistical data and indicators of economic development.

Results

Studying the specifics of the current state of trade and economic activity in Iran and Russia has allowed us to establish stability between the countries for an extended period regarding the predominance of supplies of specific products for export and import. Thus, agricultural goods are first in trade between the countries. At the same time, significant volumes of oil industry products are supplied to Russia from Iran, thus raising Iran to eleventh place in terms of the goods provided to Russia. Russia, in turn, retains the position of the fifth partner in terms of the volume of goods supplied to Iran, according to more up-to-date data presented in a message by Deputy Prime Minister A. Novak, at a meeting of the Intergovernmental Commission on Trade and Economic Cooperation held in early 2024, regarding the goods that Russia supplied to Iran in 2023, the proportion of goods in the highest demand was distributed as follows: food products are in the first place in demand and agricultural goods (\$2.2 billion); this is followed by vehicles and other equipment (240 million dollars); wood products, including paper, are in third place in terms of exports, the share of such goods turned out to be 5.6%, amounting to 152.4 million dollars; the fifth place was taken by goods related to the chemical industry, their share was 1.8%, and the number of exports. Thus, it was equal to 49.4 million dollars; the sixth place was assigned to the export of metals, which accounted for 1.3% of the total share of exports.

As part of his speech, A. Novak also noted that “imports of agricultural products from Iran account for 57.8% of the total number of supplies. Supplies of chemical industry goods are in second place (\$286.5 million). The third place is taken by transport and related equipment (79.7 million dollars). Metals account for only 2.1% of the total share of Russian imports, which amounted to \$26.9 million in 2023. Such categories as mineral products, which account for \$63 million, and textiles and footwear, with a share of 3.6% (\$46.7 million) in total imports, can differ from exports to Iran” (fig. 1)¹.

¹ The trade turnover between Russia and Iran in 2023 decreased by 17.3%, to \$4 billion. 2024. (In Russ.). Retrieved April 20, 2024 from <https://www.interfax.ru/russia/948210>

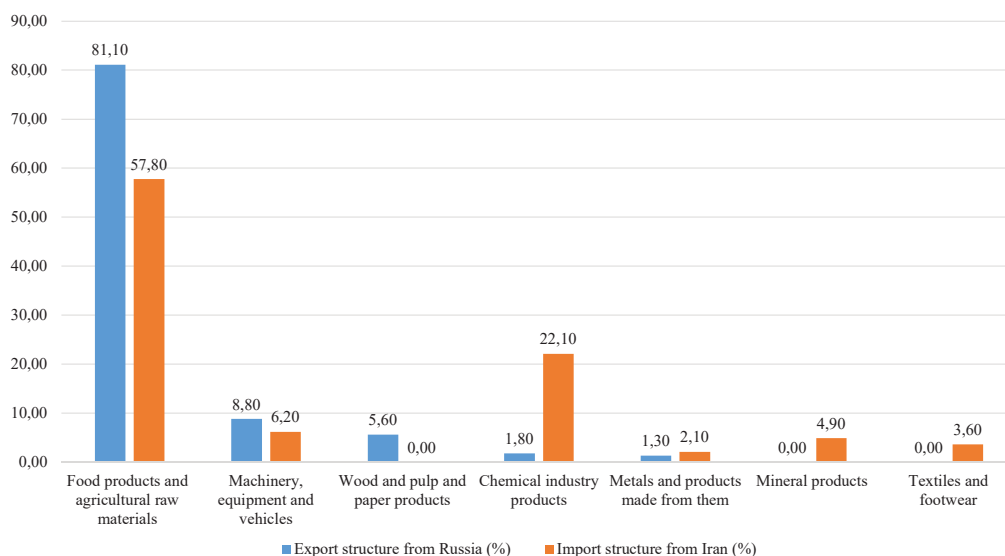

Figure 1. Key Aspects of Trade and Economic Cooperation between Russia and Iran

Source: compiled by the authors based on data the trade turnover between Russia and Iran in 2023 decreased by 17.3%, to \$4 billion. 2024. (In Russ.). Retrieved April 20, 2024, from <https://www.interfax.ru/russia/948210>

Thus, food and agricultural products comprise the bulk of trade and economic cooperation between Russia and Iran. However, collaboration between countries is not limited to exporting and importing goods. Today’s main opportunities for expanding trade relations between Russia and Iran include projects like the North-South transport corridor. This project requires considerable costs, which are focused on further developing transport networks that would ensure faster delivery of goods from Russia to Iran and beyond. However, implementing the idea of creating a corridor has other difficulties. So, by the beginning of 2024, it became apparent that this work was only sometimes as practical as expected. At the end of 2023, for example, deliveries of several goods were delayed for up to 60 days because the ports of the Russian Federation did not have time to fulfil their obligations to service trade turnover. This situation arose due to problems related to this corridor’s infrastructure in the Russian Federation’s territory. In particular, the following shortcomings were identified: in Astrakhan, there was an apparent lack of places where cargo ships could dock; there were not enough ships themselves to transport goods; and, finally, the ports lacked the necessary number of warehouses for the redistribution and sorting of goods, as well as cranes for loading them.

An equally significant reason is a purely natural phenomenon that prevents the transportation of goods by water and consists of the shallowing of the Volga-Caspian Canal.

The consequence of these reasons in March 2023 was not only an increase in the transportation time of goods but also an increase in the cost of this service by 100% compared to the same period of the previous year, which amounted to seven thousand dollars.

The development of Iran’s relations with Russia has also ensured thanks to the work of the Russian-Iranian Commission on trade and economic

cooperation, within the framework of which more than a hundred projects have been approved at the present stage aimed at the development of trade, energy industry, banking, transport industry, space research, effective relations between regions, as well as the development of other sectors, including special issues related to the management and regulation of water resources, the use and protection of water bodies, ensuring access to clean drinking water, efficient use of water in agriculture, industry and everyday life.

Considering the issue of trade turnover between Russia and Iran, it is essential to note that from 2019 to 2022, there were positive dynamics in the volume of exports and imports. However, in 2023, this trend did not continue, and there was a significant decline of 17% in the size of trade turnover between Iran and Russia, which eventually was at most \$ 4 billion (fig. 2) (Hamidi, Mozdkhah, 2025).

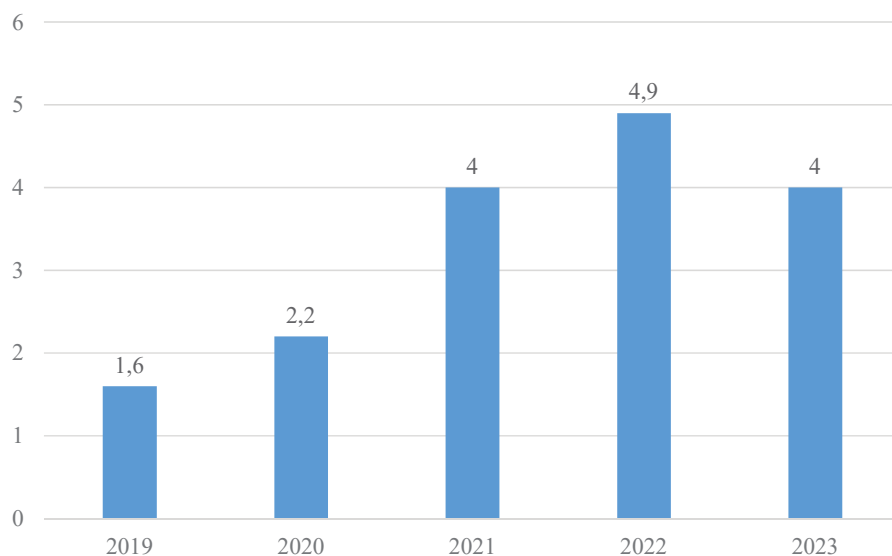

Figure 2. Dynamics of trade turnover between Russia and Iran, 2019–2023, billion dollars

Source: compiled by the authors based on data from “ITC Trade Map” and “Interfax Information Group”. Narrow corridor: why trade between Iran and Russia is declining. 2024. (In Russ.). Retrieved April 20, 2024 from <https://www.forbes.ru/mneniya/509074-uzkij-koridor-pocemu-sokrasaetsa-torgovla-mezdu-iranom-i-rossiej>

A significant jump in the volume of imports and exports between Russia and Iran in 2021 was achieved due to the following reasons:

- Iran needed large supplies of wheat and other grain crops due to the drought, which negatively impacted the country’s own harvest in 2021;
- thanks to advanced modern medicine, Russia was able to manufacture and supply vaccines to Iran during the COVID-19 pandemic;
- 2021 became a stage in extending the agreement between Iran and the EAEU, which made it possible to extend the free trade zone created at the initial signing of the agreement in 2019.

The sanctions imposed by the West on Iran in 2021 contributed to the expansion of trade relations with the Russian Federation because sanctions prevented cooperation with several European countries.

Not so significantly, but the marked growth continued in 2022, although not in such significant volumes. Again, the reason for the increase was the sanctions already imposed on the Russian Federation.

However, in 2023, the growth trend did not continue, and there was a significant decline of 17% in the size of trade turnover between Iran and Russia, which eventually did not exceed \$4 billion².

It is also important to note that with a general decrease in the volume of trade between Russia and Iran, this decrease occurred due to a reduction in the share of exports of goods from Russia and not due to imports from Iran, which, on the contrary, increased by 15.8% in 2023 compared to 2022, thus amounting to \$1.29 billion. Consequently, goods coming to Russia from Iran remain relevant in the Russian market and demand. However, the demand for the export of several goods to Iran turned out to be low last year. We are talking about the supply of wheat. According to official data, the refusal to purchase wheat from Russia led to a decrease in exports of goods from Russia, which decreased by 27.1% and in 2023 turned out to be equal to 2.7 billion dollars. According to experts, the demand for wheat decreased due to the good harvest of this crop in Iran last year, because of which there was no need to purchase Russian wheat. It is confirmed in the words of the President of the Federation of Iranian Flour Industry Associations, Dr H. Yazdjerdi, who informed the press that the country is celebrating a relatively large wheat harvest in 2023, so there is no need to import this product. However, several experts believe this product could still be supplied to Iran unofficially. They see the reason for this in the fact that Iranians use the services of Cargill to import agricultural goods, which, starting in 2023, stopped its cooperation with Russia in the supply of grain products³.

Analysing trade and economic cooperation between Russia and Iran, it is also important to note that the sanctions actively imposed by Western and European countries against Russia in recent years have led to the strengthening of trade and economic relations between Iran and Russia, including the expansion of the list of subjects of this cooperation, which at the present stage includes the following activities.

In addition, the withdrawal from the Russian market of several large brands of clothing and footwear, suppliers of household products, and other companies contributed to the desire of the relevant Iranian brands to provide their products as a substitute for sanctioned goods. The Russian Council of Shopping Centers announced these possibilities during their official meeting with representatives of the Iranian fashion industry at the Iranian Embassy. Mainly, leather products were considered such products, including not only clothes but also shoes and bags, the cost of which is affordable for both the low-income and high-income segments. Iranian manufacturers of household chemicals are also taking steps to replace brands that have left Russia, such as Procter & Gamble. It is important to note that the quality of the

² Narrow corridor: why trade between Iran and Russia is declining. 2024. (In Russ.). Retrieved April 20, 2024 from <https://www.forbes.ru/mneniya/509074-uzkij-koridor-pocemu-sokrasaetsa-torgovla-mezdu-iranom-i-rossiej>

³ The trade turnover between Russia and Iran in 2023 decreased by 17.3%, to \$4 billion. 2024. (In Russ.). Retrieved April 20, 2024 from <https://www.interfax.ru/russia/948210>

goods offered for replacement is quite high and can freely compete with brands that have left Russia. In addition, due to the withdrawal of Western insurance companies, Iran is seeking to occupy this niche in the Russian market. The first step in this direction is the registration in Russia in October 2023 of the Miran insurance company, which is a subsidiary of Mir Business Bank, which is a Russian legal entity of the Iranian bank Bank Melli Iran.

Thus, the withdrawal of major brands from the Russian market opens opportunities for Iranian companies to occupy new niches in the Russian market. Iranian brands are showing interest in products competing with global brands and are striving to gain market share in various fields such as clothing, footwear, household chemicals, and insurance.

An analysis of the consequences of sanctions for Russia showed that they only contributed to the formation of fruitful and promising relations with Iran, both economically and politically. At the same time, paradoxically, Russia still needs to lift the sanctions it has adopted against Iran (Karami, 2022).

Despite the significant role of sanctions in developing trade relations between Russia and Iran, other fundamental links were involved in the initial formation of this cooperation. Sanctions have become a further catalyst, but nothing more.

Thus, a significant step in the formation of solid relations between the countries was noted back in 2013, when Russia and Iran began to take an active part in the formation of their relations. By the modern period, throughout the eleven years of building strong relations, representatives of both countries have repeatedly organized meetings and events aimed at strengthening ties between the two countries. This cooperation has become increasingly limited not only to export and import issues but also to issues of strategic partnership, security issues and other issues related to political activities.

In addition, relations began to form in the field of studying the culture of the countries, in the exchange of scientific potential, and the development of tourism. The changes have not spared the sphere of the economy, as well as the military industry. The latter factor had a powerful impact on the cooperation of the countries when they joined forces in resolving the military conflict in Syria, which made it possible to ensure the safe existence of not only Iran but also other countries in the Middle East.

Since both countries are engaged in supplying energy to other countries, a special place in the dialogues between the Russian Federation and Iran was occupied by understanding the issue of increasing exports and imports of non-primary goods. Thus, S. Katyryn, Chairman of the Board of Directors of PJSC “CMT” and president of the Chamber of Commerce and Industry of the Russian Federation, has repeatedly noted that Iran has gained significant experience in maintaining a stable economy in response to regular attacks from the West in the form of sanctions: “At the same time, the country, striving to provide itself with goods that some forbade it and others were afraid to sell, managed to make some progress in the development of some of its own industries, which objectively expands the range of promising cooperation between states, not only trade, but also production”⁴.

⁴ SCO and BRICS 2024: development of trade and economic relations between Russia and Iran. 2024. (In Russ.). Retrieved August 07, 2024 from <https://wtcmoscow.ru/company/news/5373/>

As noted earlier, this stability was supported, among other things, by the possibility of creating a free trade zone thanks to the agreement between Iran and the EAEU⁵.

Simplification of customs control in the Russian Federation for Iran also plays an influential role. E. Ladynina, head of the Federal Customs Revenue Service, discussed this at the business seminar “Doing business with Iran” held at the end of 2023. E. Ladynina noted that Russia and Iran have quite close cooperation in this area: “The implementation of the pilot project ‘Simplified Customs Corridor’ is designed to expand the advantages of a company with the status of a scientific and economic operator. We are already talking about a wide range of products. These are fish, seafood, dairy products, fruits, vegetables, i.e. the list of goods for which the simplified customs corridor operates has already been formed”⁶.

The fruitful results of cooperation between Russia and Iran began to be particularly evident only in 2023 when Iran joined the SCO. During the same period, the free trade zone continues to operate, and the structure of exports and imports is gradually expanding qualitatively. According to E. Ladynina, at the present stage, the idea of developing a position of special operators who will be authorized to solve economic issues on behalf of countries is being solved, which will ensure faster and easier cooperation. In addition, issues of organizing collaboration in matters of legal security, as well as granting the status of paramount importance to goods imported from Iran, are also being discussed⁷.

On December 25, 2023, the Eurasian Economic Union (EAEU — the Republic of Armenia, the Republic of Belarus, the Republic of Kazakhstan, the Kyrgyz Republic, the Russian Federation) and the Islamic Republic of Iran signed a Free trade Agreement. The objectives of the Agreement are “liberalization and simplification of trade in goods between the EAEU and Iran by reducing or eliminating tariff and non-tariff barriers, supporting economic and trade cooperation, diversifying trade, as well as strengthening closer cooperation in various sectors of the economy”⁸. As of July 2024, this agreement is still at the stage of ratification, after which duties on goods imported from Iran will cease to be levied. Today, the Comprehensive Strategic Partnership Agreement between Russia and Iran continues to be discussed and is being prepared for signing. Work continues the formation and improvement of the efficiency of the transport corridor service through Iran. In conclusion, it is essential to note that Iran has become a member of the BRICS, which in 2024 is chaired by Russia.

Speaking about the prospects for the development of trade turnover between Russia and Iran, today, forms of productive cooperation are being built in relation to trade in the aircraft industry since Iran is showing significant success in its development.

⁵ SCO and BRICS 2024: development of trade and economic relations between Russia and Iran. 2024. (In Russ.). Retrieved August 07, 2024 from <https://wtcmoscow.ru/company/news/5373/>

⁶ SCO and BRICS 2024: development of trade and economic relations between Russia and Iran. 2024. (In Russ.). Retrieved August 07, 2024 from <https://wtcmoscow.ru/company/news/5373/>

⁷ SCO and BRICS 2024: development of trade and economic relations between Russia and Iran. 2024. (In Russ.). Retrieved August 07, 2024 from <https://wtcmoscow.ru/company/news/5373/>

⁸ SCO and BRICS 2024: development of trade and economic relations between Russia and Iran. 2024. (In Russ.). Retrieved August 07, 2024 from <https://wtcmoscow.ru/company/news/5373/>

The second direction can be considered the pharmacology goods. Another direction in the development of relations between the countries is the expansion of the range of fruits and vegetables imported from Iran, as well as the supply of various types of meat products and other food products to Iran. Finally, it is important to note the prospects for trade in electrical equipment between countries.

At the present stage, Iran is a source of various minerals. New power plants are being built in the country, such as the Bushehr nuclear power plant. Active work is underway to expand transport interchanges and increase the railway track (Rasht — Astara line). Soon (at the beginning of 2025), it is planned to launch from the Vostochny Cosmodrome. For this launch, Russian specialists have prepared a device for Iran, which will be launched specifically to solve issues of interest to Iranian specialists. This step, in turn, is the starting point for joint activities in the countries, including space exploration⁹.

The RF CCI makes a significant contribution to the development of relations between Russia and Iran. In April 2024, at the meeting of this council, the importance of the union of the two countries and the need for further development of their cooperation was emphasized. At the same time, this cooperation was considered both from the perspective of broader interaction with the inclusion of other countries and in relation to the interaction between Iran and Russia. The importance of developing a strategy for long-term cooperation and consolidating Russia's trade positions in the Iranian market was emphasized¹⁰.

In addition, at the meeting of the CCI Council, it was noted that the strengthening and growth of trade between the countries are expected due to an increase in the efficiency of the transport corridor, the development of tourist activity, and the construction of a new railway that will connect not only Russia and Iran but also Azerbaijan¹¹.

In general, cooperation between Iran and Russia is a rather promising project. The countries regularly organize various events, meetings, seminars, and other movements that allow them to share experiences, participate in each other's issues, and maintain economic, scientific, and political ties.

In addition, according to the latest news published by the newspaper *Kommersant* in June 2024, Gazprom PJSC aims to expand its field of activity, including by entering the Iranian market and carrying out pipeline deliveries there. A memorandum was signed between Iran and the Russian Federation to advance this idea, and soon, representatives of Iran plan to sign a firm contract. According to analysts' calculations, Iran may need from 3 billion to 10 billion cubic meters of gas per year¹². The memorandum was signed with the Iranian

⁹ SCO and BRICS 2024: development of trade and economic relations between Russia and Iran. 2024. (In Russ.). Retrieved August 07, 2024 from <https://wtcmoscow.ru/company/news/5373/>

¹⁰ SCO and BRICS 2024: development of trade and economic relations between Russia and Iran. 2024. (In Russ.). Retrieved August 07, 2024 from <https://wtcmoscow.ru/company/news/5373/>

¹¹ SCO and BRICS 2024: development of trade and economic relations between Russia and Iran. 2024. (In Russ.). Retrieved August 07, 2024 from <https://wtcmoscow.ru/company/news/5373/>

¹² Relations with Iran are gradually pumping up. 2024. (In Russ.). Retrieved August 07, 2024 from <https://www.kommersant.ru/doc/6822117>

gas company National Iranian Gas Company. The details of the cooperation remain undisclosed. At the same time, both sides believe that this memorandum is only the first step towards fruitful collaboration between the countries in this direction. For example, Gazprom PJSC aims to become one of the developers of the gas industry development system in Iran. In addition, the company wants to take an active part in the implementation of relevant construction projects and in the extraction of appropriate minerals.

It is important to note that Gazprom PJSC began to enter the Iranian market, especially actively, when its cooperation with European countries was significantly reduced. Tehran, in turn, occupying a leading position in the world in terms of gas reserves, has not been able to become a major exporter in recent decades due to its permanent presence under sanctions. Consequently, sanctions have played a significant role in the development of relations between the countries.

According to the online edition of Vedomosti, Russian President Vladimir Putin also stressed that regardless of the results of the upcoming elections in the Islamic Republic of Iran, relations between the countries will continue to develop.

The Russian President noted that the trade turnover between the two countries in 2024 increased by 14% compared to the same period in 2023. According to him, the free trade agreement between the Eurasian Economic Union (EAEU) and Iran will also contribute to strengthening economic ties. Vladimir Putin stressed that Russia supports Iran's application for observer status at the EAEU. The Russian President added that Moscow and Tehran are also united by the desire to create a multipolar world order.

In addition, experts see three main ways to develop relations between the countries:

- ensuring the smooth operation of the railway connecting the cities of Rasht and Astra, which are members of the North-South transport corridor;
- creation of a company structure that will export Iranian goods to Russia;
- obtaining a share in the ports of Makhachkala or Volgograd and creating a consortium with Russia and Iran for gas production in the Caspian Sea. At the present stage, Iran owns 53% of the shares of the Solyanka port in the Astrakhan region, through which a significant share of exported products to the Russian market passes.

Despite the strengthening of relations between Russia and Iran, it is important to note that in the long term, it is important to resolve a few problematic aspects of this cooperation.

The first problem for Iranian exporters is the need to return foreign exchange earnings to Iran's economic and banking system. This requirement was introduced in 2018 after the United States unilaterally withdrew from the JCPOA (Joint Comprehensive Plan of Action, also known as the Agreement on the Iranian Nuclear Program) and introduced a policy of "maximum pressure" on Iran, including the imposition of several sanctions. The essence of the need to return foreign exchange earnings is that Iranian exporters are obliged to exchange rubles

received in Russia for Iranian rials through a bank, which leads to losses due to the difference in exchange rates between the two countries. This problem also affects money transfers, which is why many businessmen prefer to use the services of exchangers. To solve this problem, it is necessary to set the exchange rate for the purchase of the ruble at the bank's branch as close as possible in value to the exchange rate of the Iranian currency. This step will reduce the losses of Iranian entrepreneurs and increase their motivation for cooperation with Russia. Thus, the optimization of the currency exchange process between the two countries contributes to the development of economic relations and stimulates cooperation between Iranian and Russian businessmen.

It is also important to consider such a problem as the need for more consistency in the value of the currencies of Iran and Russia in relation to the US currency. This instability creates certain difficulties for businessmen of both countries, who use dollars to carry out their transactions and only after that convert the funds received into the currency of their country. Achieving the stability of the exchange rate between the ruble, the rial, and the US dollar plays an important role in minimizing risks and preventing possible losses. In the face of sanctions and economic uncertainty, both sides of the transaction should strive to ensure that financial transactions are carried out with the least risk and maximum efficiency.

Let's consider another problem — the significant predominance of exports from Russia (\$4 billion) compared to exports from Iran (\$1 billion). These figures indicate the formation of a lack of balance between the number of rials and rubles, because of which there is a deficit of 3 billion rubles. The solution to this problem is to attract investment from Russian exporters to Iranian projects. Such projects include for example, projects in the transport industry, the development of free economic zones in Iran, and agricultural production. By deciding in favor of investing, domestic enterprises will also be able to contribute to the implementation of projects that will later become an effective source for further exports to other countries of products supplied from Iran.

Conclusion

The study of the specifics of relations between Russia and Iran allowed us to establish that the cooperation of these countries has always included the implementation of active trade and economic activities. At the same time, the main sources for exports and imports have always been and remain products grown by agricultural organizations. However, as in any other area, with changes in world politics and the economy, as well as under the influence of Western sanctions actively adopted against Russia, relations between the countries are also changing. Today, there are more and more prospects for further strengthening cooperation between Iran and Russia.

Undoubtedly, such changes require a revision of some organizational issues of cooperation, including the development of transport links between countries,

a change towards greater openness in foreign exchange transactions, the inclusion of new promising projects in the list of areas of cooperation, an increase in investment from domestic enterprises, etc.

Consideration of the current state of the economies of both countries also led to the conclusion that cooperation between Russia and Iran is an effective way to counter modern external challenges that both countries face daily. Such cooperation will make it possible to compensate for products and goods that have gone away due to sanctions, thereby maintaining the economic stability of Russia and Iran.

References

- Ashkalov, A.I., Redkina, R.E., Rud, N.Y., & Piskovatskaya, M.N. (2018). Russia-Iran trade and economic cooperation. *Russian Foreign Economic Journal*, (9), 46–57. EDN: PAMYVC
- Filin, N.A., Ravandi-Fadai, L.M., & Burova, A.N. (2016). An overview of contemporary Russian-Iranian relations. *Vestnik RUDN. International Relations*, 16(4), 677–687. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2016-16-4-677-687> EDN: XWEYJR
- Freedman, R.O. (1997). Russia and Iran: A tactical alliance. *SAIS review*, 17(2), 93–109. <https://doi.org/10.1353/sais.1997.0032> EDN: HKHPHD
- Galbatsova, S.S. (2011). Russian-Iranian relations as a factor of stability in the Caspian region. *Bulletin of Dagestan State University. Series 2: Humanities*, 4, 130–133. (In Russ.).
- Galbatsova, S.S. (2012). On the question of the history of political and economic relations between Russia and Iran in the XIX–XX centuries. *Bulletin of Dagestan State University. Series 2: Humanities*, 4, 75–79. (In Russ.).
- Khafizova, E.I. (2017). Trade and economic cooperation between Iran and Russia in 2013–2017. *Society: politics, economics, law*, 9, 42–45. (In Russ.).
- Hamidi, S., & Mozdkhah, E. (2025). Iran and Russia: From potential to obstruction in strategic relations. *Central Eurasia Studies*, 1–33. <https://doi.org/10.22059/jcep.2025.379895.450243>
- Ivanchenko, N.S. (2024). Features of trade and economic cooperation between Russia and Iran. *Russian Foreign Economic Journal*, 3, 95–101. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2072-8042-2024-3-95-101> EDN: BKYKLP
- Karami, J. (2022). Iran-Russia relations: New opportunities and existing problems. *Quaestio Rossica*, 10(4), 1258–1273. <https://doi.org/10.15826/qr.2022.4.727> EDN: VMUFLC
- Karami, J., Rasoulinezhad, E., & Shokri, S.A. (2019). Discussion on Russia-Iran bilateral trade in the modern Era with emphasis on Russia's economy. *Journal of World Sociopolitical Studies*, 3(1), 161–198. <https://doi.org/10.22059/wsps.2019.272325.1079>
- Kozhanov, N. (2020). Iran and Russia: Between pragmatism and possibilities of a strategic alliance. *Foreign Policy of Iran under President Hassan Rouhani's First Term (2013–2017)*, 131–156. https://doi.org/10.1007/978-981-15-3924-4_7
- Moore, E.D. (2012). The crisis of cooperation: A critical analysis of Russian-Iranian relations in the Post-Soviet Era. *Dissertations and Theses. Paper 902*. <https://doi.org/10.15760/etd.902>
- Omidi, A. (2022). Russian-Iranian ties: Strategic alliance, strategic coalition, or strategic alignment (partnership). *Russian Politics*, 7(3), 341–365. <https://doi.org/10.30965/24518921-00604023> EDN: JTZCHC
- Tuzmukhamedov, R.A. (1960). Soviet-Iranian relations (1917–1921). Moscow: IMO Publishing House, 95 p. (In Russ.).

Bio notes / Сведения об авторах

Irina N. Belova, PhD, professor of the International economic relations Department, Faculty of Economics, RUDN University, 6 Miklukho-Maklaya st., Moscow, 117198, Russian Federation. ORCID: 0000-0002-0397-9790. SPIN-code: 3346-7447. E-mail: belova_in@rudn.ru

Белова Ирина Николаевна, кандидат экономических наук, профессор кафедры международных экономических отношений, экономический факультет, Российский университет дружбы народов, Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6. ORCID: 0000-0002-0397-9790. SPIN-код: 3346-7447. E-mail: belova_in@rudn.ru

Zakir Khussain Barat Ali, PhD student, Department of International Economic Relations, Faculty of Economics, RUDN University, 6 Miklukho-Maklaya st., Moscow, 117198, Russian Federation. ORCID: 0009-0004-4254-8389. E-mail: 1142230527@rudn.ru

Барат Али Закир Хуссain, аспирант кафедры международных экономических отношений, экономический факультет, Российский университет дружбы народов, Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6. ORCID: 0009-0004-4254-8389. E-mail: 1142230527@rudn.ru

МЕЖДУНАРОДНОЕ ДВИЖЕНИЕ КАПИТАЛА INTERNATIONAL CAPITAL MOVEMENT

DOI: 10.22363/2313-2329-2025-33-2-213-226

EDN: СТКВОТ

UDC 339.721

Research article / Научная статья

External and internal factors of international reserve management in China

Wen Jiang , Inna V. Andronova *RUDN University, Moscow, Russian Federation* andronova-iv@rudn.ru

Abstract. This study focuses on the management of international reserves in China, one of the global leaders in reserve volumes. China actively employs its reserves not only to mitigate the adverse effects of external shocks on its balance of payments, exchange rate, and overall economy, as is customary in global practices, but also to stimulate socio-economic development, expand access to external markets and advanced technologies, and enhance the position of the Chinese economy within the global economic system. The study aims to analyze the mechanism of international reserve utilization in China and identify key factors shaping this mechanism over the past 15 years. The results indicate that China's international reserves are intrinsically linked to its export-oriented economy. Key influencing factors include fluctuations in export growth, shifts in external demand, the implementation of the “dual circulation” strategy since the early 2010s, and the recently introduced “socialist modernization” strategy. The implementation of this strategy encountered a number of challenges discussed in the study, therefore export still plays a decisive role in building international reserves and ensuring the growth of the Chinese economy. Faced with declining external demand and slower export growth, China introduced the “dual circulation” concept to partially rely on domestic demand. However, challenges in its implementation have kept exports central to the accumulation of reserves and economic growth. Amid escalating global challenges and sanctions pressure, China has intensified efforts to improve economic efficiency, culminating in the introduction of the “socialist modernization” strategy in 2023. Based on an analysis of these factors and the decisions of the Third Plenary Session of the 20th Central Committee of the Communist Party of China, this study evaluates China's medium-term strategies for managing international reserves.

Keywords: economic growth, economic development strategy, export, dual circulation, world economic crisis, domestic and foreign demand

© Jiang W., Andronova I.V., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Authors' contribution. Andronova I.V. — research concept and design; Jiang W. — data collection, data analysis, text writing. All authors have read and agreed to the published version of the manuscript.

Acknowledgements. Jiang W. acknowledges the financial support from the China Scholarship Council (No. 202108090210).

Conflicts of interest. The authors have no potential or apparent conflicts of interest related to the manuscript.

Article history: received 5 December 2024; revised 27 December 2024; accepted 11 March 2025.

For citation: Jiang, W., & Andronova, I.V. (2025). External and internal factors of international reserve management in China. *RUDN Journal of Economics*, 33(2), 213–226. <https://doi.org/10.22363/2313-2329-2025-33-2-213-226>

Внешние и внутренние факторы управления международными резервами в Китае

В. Цзян , И.В. Андропова

Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

 andronova-iv@rudn.ru

Аннотация. Рассмотрены вопросы управления международными резервами в Китае (КНР). Китай относится к числу мировых лидеров по объему резервов и активно использует их не только для нейтрализации негативного влияния внешних шоков на платежный баланс, валютный курс и экономику в целом, как это принято в мировой практике. Китай применяет международные резервы в механизме стимулирования собственного социально-экономического развития, а также в качестве инструмента расширения доступа к внешним рынкам и технологиям, укрепления позиций китайской экономики в мировой экономической системе. Цель исследования — общее описание механизма использования международных резервов в Китае и выявление основных факторов, оказывающих на этот механизм влияние в последние полтора десятилетия. Показано, что формирование и использование международных резервов Китая непосредственно связано с экспортной ориентацией экономики КНР. Поэтому к основным факторам, влиявшим на управление международными резервами Китая, относятся динамика экспорта, изменение внешнего спроса, степень успешности реализации Китаем стратегии «двойной циркуляции» с начала 2010-х гг., а также стратегия «социалистической модернизации», выдвинутая в последнее время. Китай до 2010-х гг. имел экспортную ориентацию экономики, однако в связи с сокращением внешнего спроса и замедлением динамики экспорта, с начала 2010-х попытался изменить стратегию экономического развития, выдвинув концепцию «двойной циркуляции», частичной опоры в своем развитии на внутренний, а не только внешний спрос. Реализация этой стратегии шла с рядом сложностей, рассматриваемых в исследовании, поэтому экспорт по-прежнему играет определяющее значение в формировании международных резервов и обеспечении роста китайской экономики. При этом нарастающие проблемы в мировой экономике, санкционное давление заставляют Китай искать пути повышения эффективности собственной экономики для чего с 2023 г. выдвинута новая стратегия «социалистической модернизации». С учетом анализа влияния этих факторов и логики решений XX Пленума ЦК КПК дана оценка подходов Китая к управлению международными резервами в среднесрочной перспективе.

Ключевые слова: экономический рост, стратегия экономического развития, экспорт, двойная циркуляция, кризисные явления в мировой экономике, внутренний и внешний спрос

Вклад авторов. Андропова И.В. — концепция и дизайн исследования; Цзянь В. — концепция и дизайн исследования, сбор и анализ данных, написание статьи. Все авторы одобрили окончательную версию статьи.

Благодарности. Цзян Вэнь выражает благодарность за финансовую поддержку China Scholarship Council (№ 202108090210).

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 5 декабря 2024 г.; доработана после рецензирования 27 декабря 2024 г.; принята к публикации 11 марта 2025 г.

Для цитирования: *Jiang W., Andronova I.V.* External and internal factors of international reserve management in China // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика. 2025. Т. 33. № 2. С. 213–226. <https://doi.org/10.22363/2313-2329-2025-33-2-213-226>

Introduction

In global practice, the accumulation of international reserves, as guided by the standards of the International Monetary Fund (IMF), primarily serves to mitigate the effects of external shocks on national economies. This is achieved through exchange rate adjustments and addressing disparities in the balance of payments. Specifically, international reserves are predominantly utilized for currency interventions and the servicing of external debt liabilities.

In China, the scope of reserve functions is conceptualized more broadly. International reserves are actively utilized as an instrument to promote socio-economic development, including funding domestic economic initiatives, sterilizing monetary expansion associated with reserve accumulation, and providing financial resources for overseas projects.

Moreover, the dynamics of China's international reserves are closely linked to export performance, as the trade surplus serves as the primary driver of reserve accumulation. Consequently, the volume and growth rate of reserves are directly influenced by export trends, which, in turn, function as a key determinant of China's overall economic growth trajectory.

The global economic challenges that emerged after the 2008–2009 financial crisis, coupled with the decline in external demand, compelled China to pivot away from its heavily export-dependent development strategy in the early 2010s.

This shift was marked by the introduction of the “dual circulation” strategy, which emphasizes a partial reliance on domestic demand. The successful execution of this strategy would inevitably reshape the role of international reserves in China's socio-economic development mechanisms due to reduced reliance on export growth.

Nevertheless, this transition has been fraught with numerous challenges. Although export growth has decelerated under the pressures of evolving global economic conditions, it continues to serve as a critical driver of China's economic expansion. As such, international reserves remain vital to China's economic development in the medium

term, even as their utilization priorities are expected to shift in accordance with the decisions of the Third Plenary Session of the 20th Central Committee of the Communist Party of China (CPC), which focused on advancing economic modernization reforms.

In light of this, the topics discussed in this article — including the role of international reserves in China’s economic development, the factors behind the official shift in China’s economic strategy, the barriers to transitioning toward a domestic demand-driven economy, and the challenges propelling China toward “socialist modernization” in the medium term — are of significant relevance.

Materials and methods

China is recognized as one of the global leaders in international reserves. Over the past 25 years, the volume of China’s reserves has experienced consistent growth, increasing from USD 30 million in early 1990 to USD 3.3 trillion by October 2024¹. According to standard international practices and the IMF’s reserve adequacy framework (International Monetary Fund, 2014; Alekasir et al., 2019), China’s international reserves are currently deemed excessive. However, these standard adequacy assessments are premised on the assumption that the primary function of international reserves is to mitigate adverse impacts of external economic shocks, particularly those reflected in exchange rate instability and balance of payments discrepancies.

China conceptualizes the functions of international reserves within a significantly broader framework, actively leveraging them to stimulate domestic economic growth, finance external initiatives such as the “Belt and Road Initiative” (BRI) and a “Community with a Shared Future for Mankind” and enhance access to foreign markets and critical technologies (Miształ, 2021; Yu, 2022; Zhang, 2021). Therefore, unlike many other countries, for China, the accumulation of international reserves does not equate to withdrawing a portion of export revenues from economic circulation and locking it in financial assets, predominantly within the financial systems of advanced economies. On the contrary, it functions as a catalyst for driving China’s own socio-economic development.

The dynamics of China’s international reserves, alongside their application potential in stimulating domestic economic development and financing external projects, are intricately linked to China’s economic development strategy. Until the 2010s, China’s growth was predominantly driven by external demand. However, in response to long-term challenges in the global economy, China sought to adopt a growth strategy with an increased emphasis on domestic demand.

The successful implementation of this strategy would have diminished the role of exports and international reserves in driving China’s development. However, due to several factors, the full implementation of this approach was not achieved (Arapova, Duggan, 2020; Ostrovskii, 2022; Xu, 2023).

¹ Data and Statistics. State Administration of Foreign Exchange. Retrieved October 10, 2024 from: <http://www.safe.gov.cn/en/DataandStatistics/index.html?COLLCC=2262376994& 4>

These factors, along with the key influences on the management of China's international reserves, are subsequently examined in this article. The analysis culminates in an evaluation of the current state and medium-term prospects for China's reserve management, with consideration of recent CPC Central Committee decisions on reforms and socialist modernization.

Results and Discussion

China, through the People's Bank of China, purchases foreign currencies and channels them either via sovereign wealth funds into domestic investments — such as funding the capital of state-owned development banks, which focus on driving growth in China's real economy sectors — or, as aligned with international norms (Brandt et al., 2020), into foreign assets. However, these investments are less focused on traditional financial instruments, such as government bonds of developed countries, and instead prioritize targeted sectoral and equity investments. These investments are directed toward countries and industries that support the expansion of Chinese exports or facilitate access to advanced technologies critical for China's innovation-driven growth.

Thus, in the asset structure of China's largest sovereign wealth fund, the China Investment Corporation (CIC), which managed approximately one-third of China's international reserves in 2023, domestic investments in the capital of Chinese financial institutions constituted 37 to 49% between 2018 and 2022. Most of these institutions are state-owned development banks.

Around 40 to 50% of CIC's foreign assets were classified as “alternative instruments,” including sector-specific overseas investments made through direct equity participation, hedge funds, or related credit arrangements. These investments were strategically aimed at either consolidating China's positions in key export markets or broadening access to critical technologies essential for its development. The remaining 29 to 39% of foreign financial assets comprised equity investments in companies, which were not primarily intended for income generation but pursued the same strategic objectives as the “alternative instruments”².

In addition, renminbi (RMB) issuance associated with foreign currency purchases by the People's Bank of China has been directed toward strengthening banks' resource bases. Through bank lending and other financial channels, these funds have predominantly financed investments in domestic economic development. Given that this development had been largely export-driven until recently, such issuance was ultimately channeled into expanding export-oriented production rather than speculative trading or domestic consumption. This approach enabled China to avoid the typical negative effects associated with monetary expansion of this kind.

China adhered to an export-led economic development strategy from the 1990s until the early 2010s. However, during this period, the growth dynamics of exports, economic growth rates, and the pace of international reserve accumulation began to decelerate (fig. 1).

² China Investment Corporation Annual Reports. China Investment Corporation. Retrieved October 10, 2024, from http://www.china-inv.cn/chinainven/Media/Annual_Report.shtml

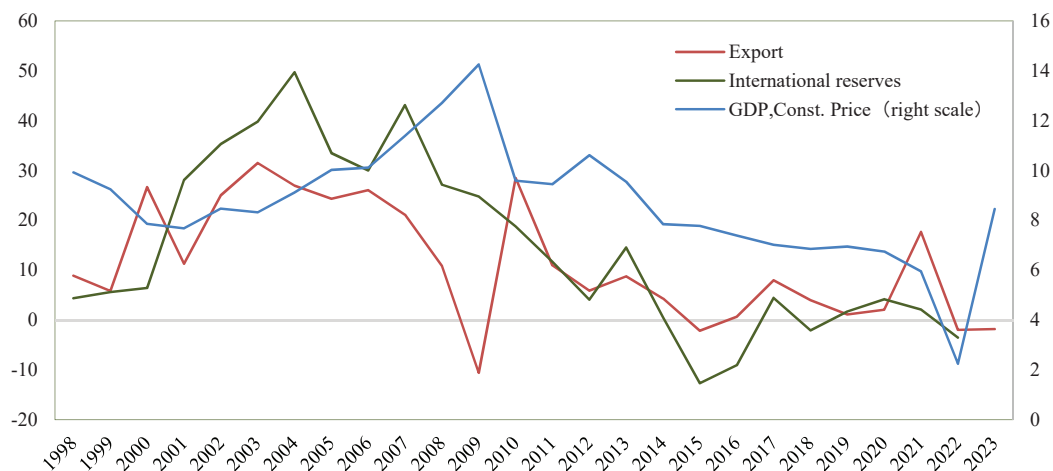

Figure 1. Growth of China’s GDP at constant prices, export volume and international reserves, year-on-year, percentage

Source: composed by W. Jiang, I.V. Andronova based on World Bank. World Development Indicators. Retrieved October 10, 2024, from <https://databank.worldbank.org/source/world-development-indicators#>

Overall, this export-oriented development strategy allowed China to sustain rapid economic growth for many years and resolve domestic socio-economic issues, particularly by raising the standard of living of the population.

The accumulation of international reserves was instrumental in the implementation of this strategy, as it drove China’s economic development and supported the advancement of its innovation ecosystem through the mechanisms discussed earlier in this article. However, after the global financial crisis of 2008–2009, the global economy entered a period of slowdown, accompanied by declining consumer demand. This led to a deceleration in China’s export growth and the pace of its international reserve accumulation (fig. 2).

Since the 1980s–1990s, the global economy has operated under conditions of economic integration, transitioning to financial globalization around the early 2000s. On the one hand, this signifies that value-added is created through global value chains (GVCs) involving dozens of countries, each specializing in distinct stages of production. On the other hand, restrictions on the international flow of goods, services, and key factors of production — such as capital, labor, and technology — have been largely eliminated.

In these value chains, the generation of value-added primarily depends on final, rather than intermediate, consumption, with household final consumption playing a critical role. However, as demonstrated in Fig. 2, based on official data from the World Bank, household final consumption has been experiencing a sustained decrease.

As the author of this article suggests, this has been the central challenge facing the global economic system over the past 15 years. Without an increase in demand, there is little justification for expanding value creation, and demand contraction leads to declining returns on investments in the real economy sectors and a slowdown in economic growth rates.

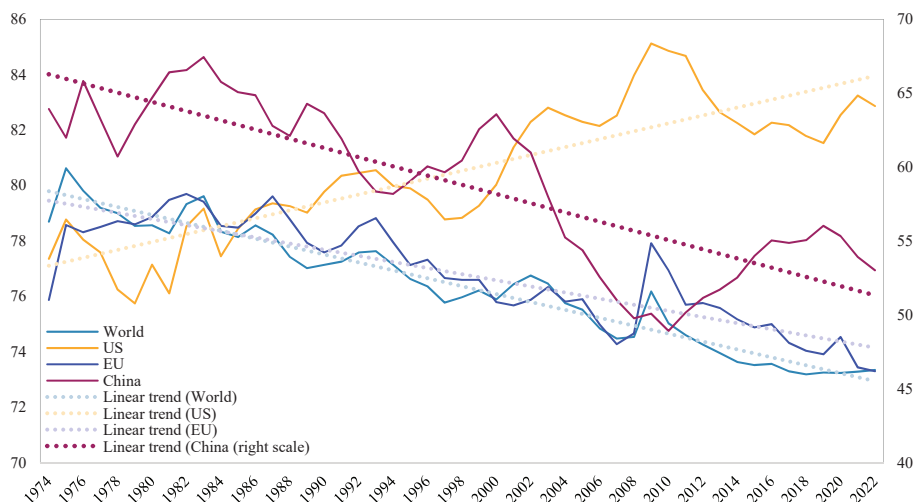

Figure 2. Final consumption of households in percentage of GDP

Source: composed by W. Jiang, I.V. Andronova based on World Bank. World Development Indicators. Retrieved October 10, 2024 from <https://databank.worldbank.org/source/world-development-indicators#>

This trend became particularly evident following the 2008–2009 global financial crisis. It is evidenced by the persistent slowdown in GDP growth across the global economy, including major economies such as the United States, China, and regional groups like the Group of Seven (G7) and the European Union (EU)³. However, the situation is more clearly demonstrated by data on the output gap, as shown in Fig. 3, rather than by growth rates alone.

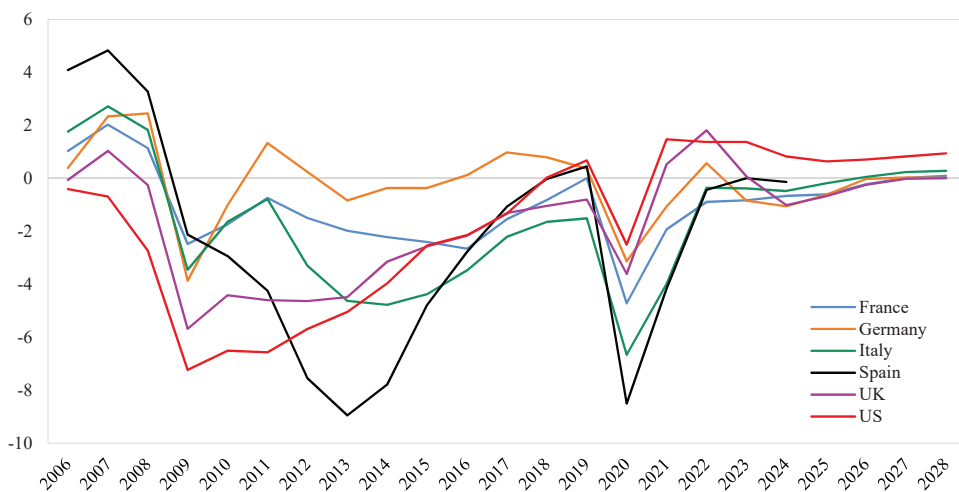

Figure 3. Output gap (the difference between actual and potential GDP), in percentage of potential GDP, IMF estimate, actual for 2006–2023, IMF forecast until 2028

Source: composed by W. Jiang, I.V. Andronova based on data from the IMF. World Economic Outlook Database, April 2024. Retrieved October 12, 2024, from <https://www.imf.org/en/Publications/WEO/weo-database/2024/April>

³ Databank. World Development Indicators. The World Bank. Retrieved October 10, 2024, from <https://databank.worldbank.org/source/world-development-indicators#>

The negative output gap, which became prominent after 2007, reflects prolonged economic stagnation, as understood within the framework of the GDP gap concept (Barkema, Gudmundsson, Mrkaic, 2020).

It is worth noting that in mainstream economic discourse, this issue has neither been thoroughly addressed nor recognized as a symptom of the global crisis stemming from the economic-financial globalization model that has shaped capitalism over recent decades. In the past few years, global economic challenges were initially attributed to the subdued recovery of the world economy following the 2008–2009 global financial crisis.

Subsequently, significant attention was directed toward the adverse economic effects of the COVID-19-induced economic crisis during 2020–2021. More recently, the ongoing disintegration of global markets and other negative trends in the global economy have been linked to the impact of economic sanctions and countersanctions following the initiation of the Special Military Operation (SMO) in 2022 (Aiyar et al., 2023).

In other words, the negative phenomena observed in the global economy after 2007 fragmented into several distinct economic crises, which align with the logic of medium-term economic development cycles.

This approach reflects the prevailing mainstream economic thought, which is largely rooted in the principles of the new neoclassical synthesis. Within this framework, analyses primarily focus on short- and medium-term business cycles and the crises arising from them. Long-wave economic dynamics, as well as structural crises, are almost entirely neglected (Mayevsky, Kirdina-Chandler, 2022).

At the same time, some Russian scholars, notably S.Yu. Glazyev (Glazyev, 2022) and M.L. Khazin (Khazin, 2019), propose that the global economic challenges of the past 15 years represent manifestations of a global structural economic crisis. This crisis, they argue, stems from the limits to growth inherent in the economic and financial globalization model. Crises of this nature, as illustrated by the economic downturn of the early 1930s and the subsequent Great Depression, can persist for years.

One way or another, China, confronted with unfavorable external dynamics during and after the 2008–2009 crisis, recognized these changes as structurally significant and long-term. Consequently, starting in the early 2010s, it revised its economic development strategy, emphasizing a shift toward greater reliance not only on external demand but also on domestic demand. Officially, this strategic adjustment was termed the “dual circulation strategy” (Arapova, Duggan, 2020; Kulintsev, 2021; Ostrovskii, 2022; Xu, 2023).

If successfully implemented, this strategy would inevitably redefine the role of international reserves in supporting China’s socio-economic development. A decline in exports — both the primary source of reserve accumulation and a mechanism for sterilizing the unintended monetary consequences of such accumulation — would result in a reduction in the volume of China’s international reserves. This, in turn, would restrict the use of these reserves for the purposes outlined earlier in this article.

In practice, the implementation of this strategy faced significant challenges, primarily stemming from domestic rather than international factors. Initially, the

idea of reorienting toward domestic demand received widespread support, as China boasts a vast domestic market. Moreover, over the years of reform, the living standards of a substantial portion of its population had improved considerably. Against the backdrop of shrinking external demand, this growth was perceived as a way to offset potential losses in economic growth rates.

However, some scholars argue that by maintaining high economic growth rates over an extended period and boosting factor productivity, China has approached structural growth limits. This phenomenon, often referred to in academic literature as the “middle-income trap” or “middle-growth trap”, is characterized by a deceleration in economic growth rates as per capita income rises, a trend that has been observed in China since 2009⁴. This issue typically stems from three primary factors:

- The rise in incomes and living standards increases costs in export-oriented sectors, thereby reducing the price competitiveness of national exports in global markets and triggering an outflow of foreign direct investment (FDI) from export-driven industries;
- As incomes grow, the marginal propensity to consume declines, while savings propensity rises, which adversely affects domestic final demand in the economy;
- Productivity growth eventually reaches an upper threshold within the prevailing technological and industrial paradigm. Using the terminology of S. Yu. Glazyev (Glazyev, 2022), this results in a slowdown in both productivity growth and total factor productivity (TFP) across the economy as a whole (Orekhovsky, 2020).

All three groups of challenges have also manifested themselves in China. Furthermore, the effects of these issues on domestic demand have been exacerbated by structural demographic challenges resulting from the long-standing family planning policies of China (Wang, 2016).

The presence of these issues in China can be observed through both statistical data and scholarly research. On the one hand, statistical data highlight key indicators, including slowing economic growth alongside rising GDP per capita after the 2008–2009 crisis, increasing gross savings amid declining household final consumption, decelerating total factor productivity growth, an uptick in the outflow of foreign direct investment (FDI) from China’s economy since the early 2010s, and a reduction in the labor force starting in 2015^{5,6}.

On the other hand, these challenges are further confirmed by academic studies. Research by Al-Haschimi A. and Spital T. (Al-Haschimi, Spital, 2024), as well as Brandt et al. (Brandt et al., 2020), has provided substantial evidence of these constraints, particularly highlighting structural factors such as demographic shifts

⁴ Databank. World Development Indicators. The World Bank. Retrieved October 10, 2024, from <https://databank.worldbank.org/source/world-development-indicators#>

⁵ Databank. World Development Indicators. The World Bank. Retrieved October 10, 2024, from <https://databank.worldbank.org/source/world-development-indicators#>

⁶ National Date. National Bureau of Statistics of China (NBS). Retrieved October 12, 2024, from <https://data.stats.gov.cn/english/easyquery.htm?cn=C01>

and reduced export competitiveness that have significantly shaped China's economic development in recent years. Additionally, the World Development Report 2024 by the World Bank offers a comprehensive analysis of the middle-income trap, shedding light on how these structural barriers can hinder sustained economic growth in countries like China (World Bank, 2024).

Given the challenges outlined above, the “dual circulation strategy” has been implemented with significant prudence, despite its status as a cornerstone of China's long-term development strategy in official documents. Exports, however, remain a critical pillar of China's economic growth. This is partly because exports and external projects serve as mechanisms for sterilizing the monetary stimulus injected into the economy, including through the accumulation of international reserves.

Nonetheless, internal difficulties and unfavorable external dynamics have necessitated adjustments to China's medium- and long-term development plans. These changes were articulated in the documents of the 20th Central Committee Plenary Session of the CPC, held in July 2024. The session emphasized that, amid a challenging and multifaceted domestic and international landscape, combined with a new wave of scientific and technological revolution and industrial transformation, China is committed to further deepening reform comprehensively to advance Chinese modernization (Xi, 2024a).

In economic terms, this modernization aims to enhance the efficiency of China's economy through technological and organizational innovations, alongside the digital transformation of governance. This vision is closely aligned with Xi Jinping's ideas, first publicly articulated in 2023. During a speech in September 2023 in Heilongjiang Province, a key hub for China's heavy machinery manufacturing sector, Xi Jinping stressed the importance of accelerating the development of “new economy” sectors — such as green and digital industries — and called for the active consolidation of the country's scientific and technological potential.

This push for acceleration was linked to the intensifying sanctions pressure imposed by Western countries and the pressing need to overcome technological dependence on the United States and Western Europe, particularly given the restricted access to advanced foreign technologies. According to Xi Jinping, the new productive forces should be defined by their foundation in high technologies and innovation, the quality of their output, and their efficiency — achieved through the optimal integration of labor, capital, and materials, tailored to regional circumstances (Borokh, Lomanov, 2024; Xi, 2024b).

Building on this vision, in 2024, Xi Jinping further elaborated on his thesis regarding the development of productive forces by emphasizing the need for not only advancing “new economy” sectors but also promoting the technological and organizational modernization of China's traditional industries (Xi, 2024b).

Additionally, the approach to the BRI has been recalibrated. While it was previously focused primarily on establishing logistical infrastructure between China and Europe — or more broadly, between Asia and Europe — it is now framed under the Chinese vision of a Community of Shared Future for Mankind. The BRI has evolved into a long-term global initiative to foster shared development, reflecting China's

intent to construct its own macro-region. This approach has become increasingly relevant in the context of the “fragmentation” of the global economy — a term recently emphasized by the IMF.

This represents a new type of integration, distinct from traditional models, with the European Union being a prime example. Traditional integration emphasizes the convergence of economic development indicators, unification of regulatory standards, establishment of supranational institutions, and ultimately, the adoption of a supranational currency. By contrast, the new type of integration advocated by China under the framework of “a Community with a Shared Future for Mankind” focuses on constructing new value chains and fostering cooperation in areas of shared interest among participants, including emerging technologies and “new economy” sectors⁷.

Notably, the economic reforms outlined in the decisions of the 20th Central Committee Plenary Session of the CPC do not explicitly address export development or the expansion of China’s international market presence. Instead, the reforms prioritize the establishment of a unified national market, the strengthening of core market economy institutions, the development of productive forces aligned with Xi Jinping’s vision, the integration of the real and digital economies, and the enhancement of infrastructure policies encompassing transportation, digital systems, and other critical networks.

At the same time, the acceleration of technological modernization — especially given China’s reliance on the Asian model of innovation, which depends heavily on adopting core foundational technologies — necessitates access to such technologies and, by extension, a sustained presence in Western markets. This presence is largely supported by sectoral investments and equity participation in companies, financed through international reserves. While China may achieve technological independence in the long term, such reliance is likely to persist in the foreseeable future.

Furthermore, the institutional framework established to advance a Community with a Shared Future for Mankind will also require significant financial support. This framework includes over 20 multilateral cooperation platforms between China and the Association of Southeast Asian Nations (ASEAN), Africa, Arab nations, Latin America, and Central and Eastern Europe, as well as an extensive network of financial institutions such as the Silk Road Fund, the Asian Infrastructure Investment Bank (AIIB), and the China-Central and Eastern Europe Investment Cooperation Fund, among others⁸. These institutions, along with other initiatives related to the project, have relied — and will continue to rely — on financing from China’s international reserves, which are themselves primarily accumulated through export revenues.

⁷ Xinhua. *The Belt and Road Initiative: A Key Pillar of the Global Community of Shared Future*. The State Council Information Office of the People’s Republic of China. October 10, 2023. Retrieved October 12, 2024 from http://english.scio.gov.cn/whitepapers/2023-10/10/content_116735061_6.htm

⁸ Xinhua. *The Belt and Road Initiative: A Key Pillar of the Global Community of Shared Future*. The State Council Information Office of the People’s Republic of China. October 10, 2023. Retrieved October 12, 2024 from http://english.scio.gov.cn/whitepapers/2023-10/10/content_116735061_6.htm

Conclusion

International reserves serve as a key instrument in the global economic toolkit for mitigating the effects of external shocks on national economies. In the case of China, these reserves play an additional role by acting as a driver of economic development through their allocation to the equity capital of development banks and external economic projects.

The effective use of China's reserves in this capacity is inextricably linked to the dynamics of its exports. However, recent global economic crises have significantly reduced external demand for China's manufactured goods, thereby slowing the accumulation of its international reserves.

China's attempt to transition from an export-oriented growth strategy to one centered on domestic demand has not achieved the desired outcomes due to various challenges discussed in this article. As a result, while "dual circulation" remains the official medium- and long-term economic development strategy of the People's Republic of China (PRC), external demand continues to play a pivotal role in driving China's economic performance.

In this context, considering the imperative to finance "a community with a shared future for mankind" initiative and to secure access to external technologies — particularly in light of the decisions made during the Third Plenary Session of the 20th Central Committee of the Communist Party of China regarding the country's modernization — exports are expected to remain the primary driver of China's development in the medium term. This reliance will likely persist despite the declining external demand, which has slowed the growth rate of Chinese exports. At the same time, international reserves will continue to play a central role in China's economic development framework, with policies supporting their accumulation expected to remain in place.

References

- Aiyar, S., Chen, J., Ebeke, C.H., Garcia-Saltos, R., Gudmundsson, T., Ilyina, A., & Trevino, J. (2023). *Geoeconomic Fragmentation and the Future of Multilateralism*, IMF Staff Discussion Note SDN/2023/01. Washington, DC: International Monetary Fund.
- Alekasir, K.H., Anasashvili, N., Antonio, M., Hong, P.D., Klingebiel, D., & Takahashi, D. (2019). *Inaugural RAMP survey on the reserve management practices of central banks: Results and observations*. RAMP (Reserve Advisory and Management Partnership), Washington, DC: World Bank.
- Al-Haschimi, A., & Spital, T. (2024). The evolution of China's growth model: Challenges and long-term growth prospects. *Economic Bulletin Articles*, 5.
- Arapova, E., & Duggan, N. (2020). On the Brink: Contemporary Transformation of China's Economic Growth Model, *Valdai Papers #113*. Moscow: The Foundation for Development and Support of the Valdai Discussion Club.
- Barkema, J., Gudmundsson, T., & Mrkaic, M. (2020). *What Do We Talk About When We Talk About Output Gaps?* IMF Working Paper WP/20/59. Washington, DC: International Monetary Fund. EDN: VURYAT
- Borokh, O.N. & Lomanov, A.V. (2024). Productive Forces and Chinese Relations. *Russia in Global Affairs*, 22(5), 120–141. (In Russ.). <https://doi.org/10.31278/1810-6439-2024-22-5-120-141> EDN: EWOUHS

- Brandt, L., Litwack, J., Alexandrova, E., Wang, L., Zhang, Y., & Zhao, L. (2020). *China's Productivity Slowdown and Future Growth Potential, Policy. Research Working Paper 9298*. Washington, DC: World Bank.
- Glazyev, S.Yu. (2022). Global transformations from the perspective of technological and economic world order change. *AlterEconomics*, 19(1), 93–115. (In Russ.). <https://doi.org/10.31063/altereconomics/2022.19-1.6> EDN: MULEYG
- Huang, Q., & Sheng, F. (2024). Xin zhi sheng chan li xi tong: yao su te zhi, jie gou cheng zai yu gong neng qu xiang [New Productive Forces System: Factor Characteristics, Structural Bearing and Functional Orientation]. *Reform*, (2), 15–25. (In Chinese).
- International Monetary Fund. (2014). *Revised guidelines for foreign exchange reserve management*. Washington, DC.: International Monetary Fund.
- Khazin, M.L. (2019). *A Remembrance about the Future. Ideas of the Modern Economics*. Moscow/ Saint Petersburg: Gruppa Kompaniy RIPOL klassik Palmira publ. (In Russ.).
- Kulintsev, Yu.V. (2021). “Dual circulation” strategy and its influence on Russian-Chinese relations. *China in World and Regional Politics*, 26(26), 242–255. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2618-6888-2021-26-242-255> EDN: KLYYAZ
- Mayevsky, V.I., & Kirdina-Chandler, S.G. (Eds.). (2022). *Synthesis in Economic Theory and Economic Policy*. Moscow: Institute of Economics of Russian Academy of Sciences. (In Russ.).
- Meng, J., & Han, W. (2024). Xin zhi sheng chan li lun: yi ge li shi wei wu zhu yi de chan shi [Theory of new quality productivity: an interpretation from historical materialism]. *Economic Research Journal*, (3) 29–33. (In Chinese).
- Misztal, P. (2021). The size and the main determinants of China's official currency reserves in the period 1990–2019. *European Research Studies Journal*, 24(1), 568–582. <https://doi.org/10.35808/ersj/1981> EDN: NLANJC
- Orekhovsky, P.A. (2020). Middle income trap: Institutional and cognitive foundations. *Journal of Institutional Studies*, 12(2), 038–049. (In Russ.). <https://doi.org/10.17835/2076-6297.2020.12.2.038-049> EDN: TQKWDE
- Ostrovskii, A.V. (2022). China's long-term goals: a historic leap towards the economic power and a society of universal prosperity. *Orientalistica*, 5(4), 805–821. (In Russ.). <https://doi.org/10.31696/2618-7043-2022-5-4-805-821> EDN: REMCDT
- Wang, W. (2016). Ren kou lao ling hua, sheng yu zheng ce tiao zheng yu Zhong Guo jing ji zeng chang Population Aging [Family planning policy adjustment and China's economic growth]. *China Economic Quarterly*, 16(1), 67–96. (In Chinese). <https://doi.org/10.13821/j.cnki.ceq.2016.04.03>
- World Bank. (2024). *World Development Report 2024. The Middle-Income Trap*. Washington, DC: World Bank.
- Xi, Jinping. (2024a). Guan yu “Zhong Gong Zhong Yang guan yu jin yi bu quan mian shen hua gai ge tui jin Zhong guo shi xian dai hua de jue ding” de shuo ming [Explanation on the resolution of CPC Central Committee on further deepening reform comprehensively to advance Chinese modernization]. *People's Daily*, July 22, 2022, 001. (In Chinese). <https://doi.org/10.28655/n.cnki.nrmrb.2024.007770>
- Xi, Jinping. (2024b). Fa zhan xin zhi sheng chan li shi tui dong gao zhi liang fa zhan de nei zai yao qiu he zhong yao zhuo li dian [Developing new quality productivity is an intrinsic requirement and important focus for promoting high-quality development]. *People's Daily*, July 22, 2022, 001. (In Chinese). <https://doi.org/10.28655/n.cnki.nrmrb.2024.007770>
- Xu, X. (2023). Maintaining stable economic growth in China: Conditions and strategies. *China Economist*, (4), 127–138. <https://doi.org/10.19602/j.chinaeconomist.2023.07.05>
- Yu, Y. (2022). Zhong guo wai hui chu bei de qian shi jin sheng he dang qian mian lin de an quan tiao zhan [China's Foreign Exchange Reserves: Past and Present Security Challenges]. *China Reform*, (4), 8–14. (In Chinese).

Zhang, Y. (2021). Zhong Guo wai hui chu bei guan li ru he chuang xin? [How can China innovate in foreign exchange reserves management?]. *Journal of Finance and Economics*, (4), 15–22. (In Chinese). <https://doi.org/10.19622/j.cnki.cn36-1005/f.2021.04.002>

Bio notes / Сведения об авторах

Wen Jiang, graduate student of the Department of International Economic Relations, Faculty of Economics, RUDN University, 6 Miklukho-Maklaya st., Moscow, 117198, Russian Federation. ORCID: 0009-0007-8669-841X. E-mail: jiang.wen928@mail.ru

Цзян Вэнь, аспирант кафедры международных экономических отношений, экономический факультет, Российский университет дружбы народов, Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6. ORCID: 0009-0007-8669-841X. E-mail: jiang.wen928@mail.ru

Inna V. Andronova, Doctor of Sci. (Econ.), Professor, Head of the Faculty of Economics, Head of the Department of International Economic Relations, RUDN University, 6 Miklukho-Maklaya st., Moscow, 117198, Russian Federation. ORCID: 0000-0002-7861-5414. SPIN-code: 2729-5688. E-mail: andronova-iv@rudn.ru

Андропова Инна Витальевна, доктор экономических наук, профессор, декан экономического факультета, заведующая кафедрой международных экономических отношений, Российский университет дружбы народов, Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6. ORCID: 0000-0002-7861-5414. SPIN-код: 2729-5688. E-mail: andronova-iv@rudn.ru

DOI: 10.22363/2313-2329-2025-33-2-227-242

EDN: CTAMQT

UDC 339.5

Research article / Научная статья

Investigation into investment risks and mitigation strategies for Chinese energy companies in Belt and road countries: a case study of Russia

XiangRu Ma , Ekaterina V. Nezhnikova *RUDN University, Moscow, Russian Federation* 1042218197@pfur.ru

Abstract. The Belt and Road Initiative (BRI) has significantly expanded China's energy sector investments in various countries, with Russia emerging as a key strategic partner due to its vast reserves of oil and natural gas. However, these investments are accompanied by substantial risks stemming from economic volatility, geopolitical tensions, regulatory uncertainties, and environmental constraints. Given these challenges, this research aims to identify and analyze the primary investment risks faced by Chinese energy enterprises operating in Russia and to propose effective risk mitigation strategies. The study explores the legal framework governing foreign investments, financial uncertainties related to currency fluctuations and market instability, political risks associated with sanctions and diplomatic shifts, and infrastructure limitations that affect operational efficiency and project implementation. To achieve this objective, the research employs a mixed-methods approach, combining qualitative case studies of major Chinese energy enterprises in Russia with quantitative risk assessment models. The study utilizes SWOT (Strengths, Weaknesses, Opportunities, and Threats) analysis and PESTLE (Political, Economic, Social, Technological, Legal, and Environmental) analysis to systematically evaluate the external and internal risk factors affecting Chinese investments. Furthermore, financial and market data are analyzed to assess foreign direct investment (FDI) flows, exchange rate fluctuations, and the impact of global oil price volatility on investment stability. The findings indicate that regulatory uncertainties in Russia, Western sanctions, currency exchange rate fluctuations, and logistical constraints pose significant challenges for Chinese energy investors. However, companies that implement diversified investment models, legal protection mechanisms, and strategic partnerships with Russian firms demonstrate greater resilience. Government-backed insurance programs and bilateral agreements help mitigate financial risks, while joint ventures with Russian state-owned enterprises improve market access and regulatory compliance. The research highlights that a combination of financial hedging strategies, diplomatic engagement, and adaptive investment structures enhances the long-term sustainability of Chinese energy projects in Russia. This study contributes to the broader discourse on global energy security and international economic

© Ma X., Nezhnikova E.V., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

collaboration by providing practical insights into sustainable investment strategies under the BRI framework. The findings offer valuable recommendations for Chinese energy enterprises seeking to navigate the complex investment landscape in Russia while ensuring financial stability, regulatory compliance, and long-term profitability.

Keywords: Belt and Road Initiative, Chinese energy enterprises, risk mitigation strategies, geopolitical challenges, financial stability

Authors' contribution. Ma X. — research concept and design, data collection, data analysis, wrote the paper; Nezhnikova E.V. — research concept and design, data analysis. All authors have read and agreed to the published version of the manuscript.

Conflicts of interest. The authors have no potential or apparent conflicts of interest related to the manuscript.

Article history: received 12 December 2024; revised 17 January 2025; accepted 27 February 2025.

For citation: Ma, X., & Nezhnikova, E.V. (2025). Investigation into investment risks and mitigation strategies for Chinese energy companies in Belt and road countries: a case study of Russia. *RUDN Journal of Economics*, 33(2), 227–242. <https://doi.org/10.22363/2313-2329-2025-33-2-227-242>

Инвестиционные риски и стратегии их снижения для китайских энергетических компаний в странах «Пояса и пути» на примере России

С. Ма , Е.В. Нежникова

Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

 1042218197@pfur.ru

Аннотация. Инициатива «Один пояс, один путь» (BRI) значительно расширила инвестиции Китая в энергетический сектор в разных странах, при этом Россия стала ключевым стратегическим партнером из-за своих огромных запасов нефти и природного газа. Однако эти инвестиции сопровождаются существенными рисками, вытекающими из экономической нестабильности, геополитической напряженности, нормативной неопределенности и экологических ограничений. С учетом этих проблем исследование направлено на выявление и анализ основных инвестиционных рисков, с которыми сталкиваются китайские энергетические предприятия, работающие в России, и на предложение эффективных стратегий снижения рисков. Изучены правовые рамки, регулирующие иностранные инвестиции, финансовая неопределенность, обусловленные колебаниями валютных курсов и нестабильностью рынка, политические риски, связанные с санкциями и дипломатическими сдвигами, а также инфраструктурные ограничения, которые влияют на операционную эффективность и реализацию проектов. Использован смешанный подход, сочетающий качественные тематические исследования крупных китайских энергетических предприятий в России с количественными моделями оценки рисков. Исследование использует анализ SWOT (сильные стороны, слабые стороны, возможности и угрозы) и анализ PESTLE (политический, экономический, социальный, технологический, юридический и экологический) для систематической оценки внешних и внутренних факторов риска, влияющих на китайские инвестиции. Кроме того, финансовые и рыночные данные анализируются для оценки потоков прямых иностранных инвестиций (ПИИ), колебаний обменного курса и влияния волатильности

мировых цен на нефть на стабильность инвестиций. Результаты показывают, что нормативная неопределенность в России, западные санкции, колебания обменного курса и логистические ограничения представляют собой значительные проблемы для китайских инвесторов в энергетику. Однако компании, которые реализуют диверсифицированные инвестиционные модели, механизмы правовой защиты и стратегические партнерства с российскими фирмами, демонстрируют большую устойчивость. Поддерживаемые правительством программы страхования и двусторонние соглашения помогают смягчить финансовые риски, в то время как совместные предприятия с российскими государственными предприятиями улучшают доступ к рынкам и соблюдение нормативных требований. Исследование подчеркивает, что сочетание стратегий финансового хеджирования, дипломатического взаимодействия и адаптивных инвестиционных структур повышает долгосрочную устойчивость китайских энергетических проектов в России. Это исследование вносит вклад в более широкий дискурс по глобальной энергетической безопасности и международному экономическому сотрудничеству, предоставляя практические идеи относительно устойчивых инвестиционных стратегий в рамках BRI. Результаты предлагают ценные рекомендации для китайских энергетических предприятий, стремящихся ориентироваться в сложном инвестиционном ландшафте в России, обеспечивая при этом финансовую стабильность, соблюдение нормативных требований и долгосрочную прибыльность.

Ключевые слова: инициатива «Один пояс, один путь», китайские энергетические предприятия, стратегии снижения рисков, геополитические проблемы, финансовая стабильность

Вклад авторов. Ма С. — концепция и дизайн исследования, сбор данных, анализ данных, написание текста статьи; Нежникова Е.В. — концепция и дизайн исследования, анализ данных. Все авторы одобрили окончательную версию статьи.

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 12 декабря 2024 г.; доработана после рецензирования 17 января 2025 г.; принята к публикации 27 февраля 2025 г.

Для цитирования: Ма С., Нежникова Е.В. Investigation into investment risks and mitigation strategies for Chinese energy companies in Belt and road countries: a case study of Russia // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика. 2025. Т. 33. № 2. С. 227–242. <https://doi.org/10.22363/2313-2329-2025-33-2-227-242>

Introduction

The Belt and Road Initiative (BRI) has emerged as a cornerstone of China's global economic strategy, fostering extensive international trade, infrastructure development, and investment in key sectors, including energy. As one of the world's leading energy consumers, China has placed significant emphasis on securing stable and diversified energy supplies to sustain its economic growth and industrial expansion. Within this context, Russia has become a strategic partner due to its vast reserves of oil and natural gas, as well as its geographical proximity, which facilitates energy transportation and logistics. Over the past decade, Chinese energy enterprises have significantly increased their investments in Russia's oil and gas industries, as well as in renewable energy projects, aligning with Beijing's broader vision of energy security and international cooperation under the BRI framework.

Despite the promising opportunities that Russia offers to Chinese investors, the investment landscape remains highly complex and fraught with risks. Political and geopolitical uncertainties, including shifting diplomatic relations, sanctions, and regional conflicts, can significantly impact the stability of energy investments. Economic challenges such as exchange rate fluctuations, inflation, and market volatility further complicate investment decisions and project implementation. Regulatory risks also pose significant concerns, as Russia’s legal framework governing foreign investments, taxation, and environmental compliance can be intricate and subject to frequent changes. Additionally, environmental and social factors, including sustainability regulations, climate change policies, and local community opposition, can introduce further uncertainties for Chinese enterprises operating in Russia (fig. 1).

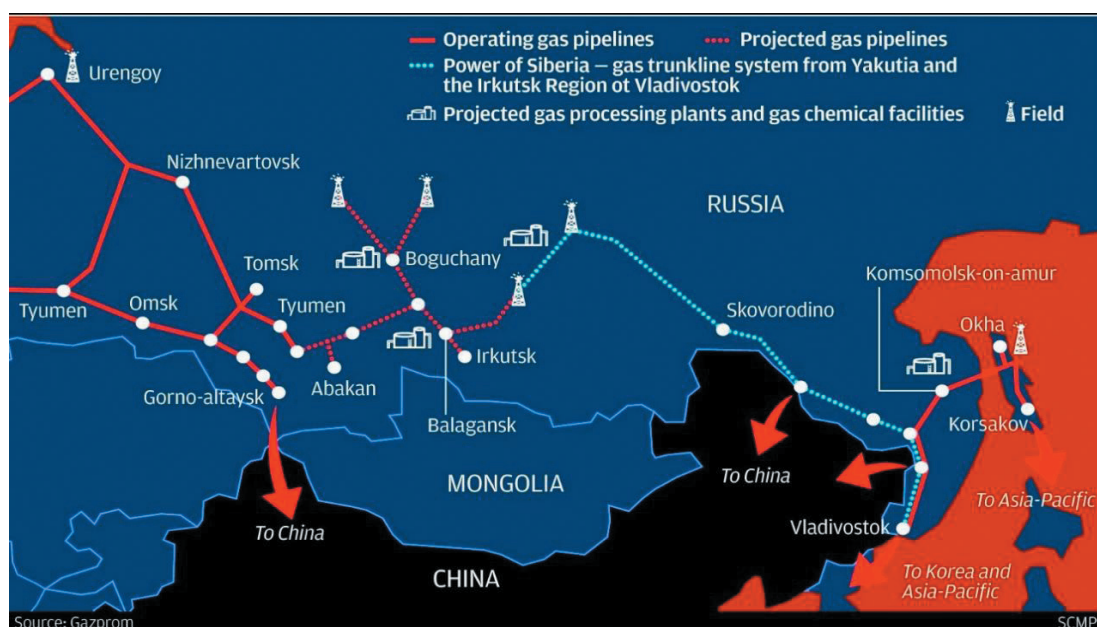

Figure 1. Map of China-Russia energy cooperation: key projects and transport corridors under the Belt and Road Initiative

Source: Gazprom. Retrieved 1 November, 2024, from <https://www.gazprom.ru/>.

Given these multifaceted risks, it is crucial for Chinese energy companies to adopt robust risk assessment and mitigation strategies to ensure the long-term viability of their investments. This study aims to provide a comprehensive analysis of the various risks faced by Chinese energy enterprises in Russia, identifying key financial, regulatory, and geopolitical challenges. By examining case studies of past and ongoing energy projects, the research will offer insights into effective risk management practices and policy recommendations that can enhance energy cooperation between China and Russia. Ultimately, this study contributes to the broader discourse on sustainable energy collaboration under the BRI framework, emphasizing the need for strategic planning, regulatory adaptability, and diplomatic engagement to foster mutual economic benefits for both nations.

Methodology

This study employs a comprehensive mixed-methods research approach, integrating both qualitative and quantitative analyses to ensure a well-rounded and in-depth examination of the investment risks faced by Chinese energy enterprises in Russia. The methodological framework is designed to provide a holistic understanding of the challenges and opportunities present in this complex investment landscape.

To achieve this, primary data is collected through detailed case studies of major Chinese energy enterprises currently operating in Russia. These case studies involve an in-depth examination of various aspects of investment, including corporate strategies, financial structures, risk exposure, and strategic responses to external challenges. By analyzing real-world examples of Chinese firms engaging in the Russian energy market, this research aims to uncover patterns and trends in investment behaviors, risk mitigation approaches, and the overall effectiveness of corporate decision-making in response to geopolitical, economic, and regulatory uncertainties. These case studies will cover a range of companies, from large state-owned enterprises with extensive operations in Russia's oil and gas sectors to smaller firms involved in renewable energy projects (Chebotareva, Strielkowski, Streimikiene, 2020).

In addition to primary data, secondary data plays a crucial role in providing context and supporting empirical analysis. Secondary data sources include academic publications, industry reports, legal documents, governmental policies, and financial statements from both Chinese and Russian regulatory bodies. These sources provide valuable insights into the broader economic, legal, and geopolitical environment in which Chinese energy enterprises operate. Previous research studies conducted on China-Russia energy cooperation, investment risk assessment, and global energy market trends are also utilized to support the theoretical foundation of this study (Liu, Wu, 2023).

A key aspect of the quantitative analysis involves statistical modeling to assess investment risk factors. This includes analyzing financial and economic data to identify trends in foreign direct investment (FDI) flows, currency exchange fluctuations, oil and gas price volatility, and the overall financial performance of Chinese firms engaged in Russia's energy sector. By applying statistical techniques, the study seeks to quantify the probability and impact of various risk factors, providing a data-driven perspective on investment uncertainties (Leal-Arcas, Nalule, 2019).

To ensure a structured evaluation of the external environment, this research employs two widely recognized analytical frameworks: SWOT (Strengths, Weaknesses, Opportunities, and Threats) analysis and PESTLE (Political, Economic, Social, Technological, Legal, and Environmental) analysis. The SWOT analysis helps identify the internal and external factors influencing Chinese energy investments in Russia, allowing for a clear assessment of strategic advantages and potential vulnerabilities. The PESTLE analysis, on the other hand, provides a broader examination of the macroeconomic and geopolitical landscape, evaluating key external forces that shape investment conditions and regulatory developments in Russia (Alnafrah, 2024).

To enhance the clarity and comprehensibility of the findings, various tables and figures are incorporated into the study. These visual representations illustrate key

trends, including the volume of Chinese investments in Russia's energy sector over time, risk probability distributions associated with political and economic uncertainties, and financial performance comparisons between different Chinese firms engaged in oil, gas, and renewable energy projects (Lanshina et al., 2018).

Table 1 summarizes the key investment risks faced by Chinese energy enterprises in Russia, along with their respective probability levels and potential impact on business operations.

Table 1

Key Investment Risks for Chinese Energy Enterprises in Russia

Risk Factor	Description	Probability (Low/Medium/High)	Impact Level (Low/Medium/High)
Geopolitical Tensions	Diplomatic disputes, sanctions, and trade restrictions affecting business operations	High	High
Regulatory Uncertainty	Frequent changes in Russian laws and regulations impacting foreign investments	Medium	High
Economic Volatility	Fluctuations in currency exchange rates, inflation, and oil prices	High	High
Environmental Regulations	Strict policies on carbon emissions and renewable energy adoption	Medium	Medium
Market Competition	Competition from Russian firms and other foreign energy investors	Medium	Medium
Infrastructure Challenges	Limited energy infrastructure and logistical constraints in remote regions	Low	Medium
Social and Labor Issues	Local workforce regulations, cultural differences, and labor disputes	Low	Medium

Source: (Lanshina et al., 2018).

By integrating empirical analysis with theoretical insights, this research provides a multidimensional perspective on investment risk assessment and mitigation for Chinese energy enterprises in Russia. The combination of qualitative case studies, quantitative statistical modeling, and structured analytical frameworks ensures a comprehensive evaluation of the challenges and opportunities present in China-Russia energy cooperation. Through this approach, the study aims to offer practical recommendations for mitigating risks and enhancing sustainable investment strategies under the Belt and Road Initiative framework (Lanshina et al., 2018).

Results

The findings of this study indicate that Chinese energy enterprises operating in Russia face a wide range of investment risks, spanning legal, economic, regulatory, and geopolitical dimensions. These risks create significant challenges for companies seeking to establish long-term operations in Russia's oil, gas, and renewable energy sectors. One of the primary concerns is legal uncertainty, as frequent changes in Russia's regulatory framework create unpredictability for foreign investors. Russian

laws on taxation, environmental standards, and foreign ownership regulations are subject to periodic revisions, which can alter investment conditions and compliance requirements. Legal disputes between foreign investors and Russian authorities have also been reported, with some cases leading to costly arbitration proceedings or forced adjustments in business strategies (Skalamera, 2014).

Currency fluctuations represent another major risk, as the Russian ruble is prone to volatility due to external economic pressures, including global commodity price fluctuations and changes in international monetary policies. This volatility affects the profitability of energy projects (fig. 2), particularly those requiring long-term financial commitments (Yilmaz, Daksueva, 2019). In some instances, the depreciation of the ruble has resulted in increased operational costs for foreign companies, while currency appreciation has created difficulties in repatriating profits. These financial uncertainties necessitate sophisticated hedging strategies and diversified financial planning for Chinese firms operating in Russia.

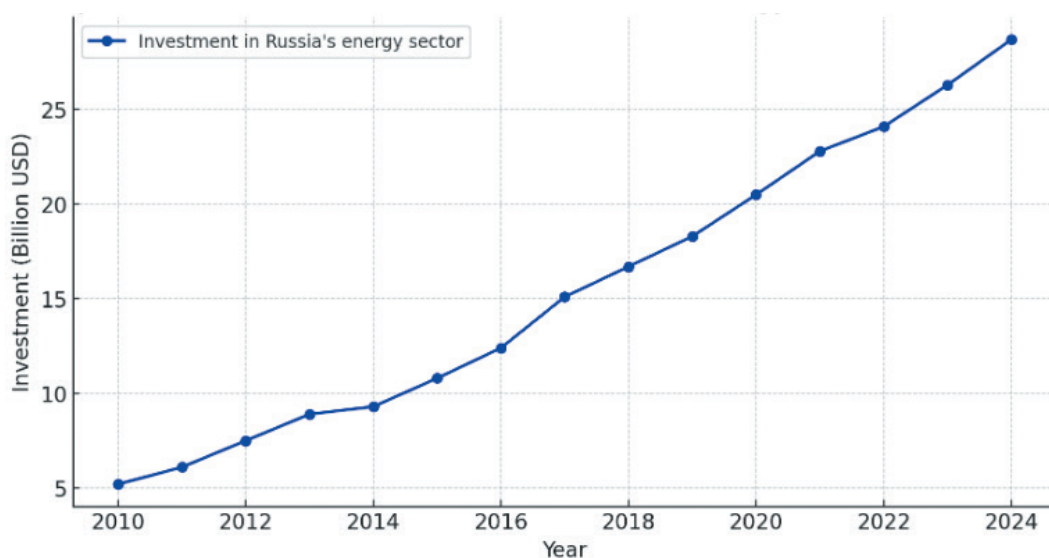

Figure 2. Dynamics of China's Investments in Russia's Energy Sector, billion USD (2010–2024)

Source: (Chen, Galkin, 2023).

In addition to economic and legal risks, regulatory constraints pose significant challenges. The Russian government has implemented stringent regulations on foreign direct investment in strategic industries, including energy (Shahzad et al., 2023). Chinese enterprises must navigate complex approval processes and comply with local content requirements, which mandate a certain percentage of materials and labor to be sourced from within Russia. These regulations can lead to increased operational costs and delays in project implementation (Xu, Chen, 2019). Furthermore, environmental policies governing energy production have become more rigorous, with stricter oversight on carbon emissions, waste management, and land use (Chen, Galkin, 2023). Compliance with these environmental standards requires additional investment in sustainable technologies and operational adjustments, which may not always align with Chinese companies' cost structures and investment plans.

The geopolitical landscape further complicates Chinese energy investments in Russia. Political instability and economic sanctions have emerged as critical risk factors, particularly in the wake of tensions between Russia and Western countries (Yilmaz, Daksueva, 2019). The imposition of international sanctions on Russian energy firms, financial institutions, and technology providers has created indirect challenges for Chinese investors. Although China has maintained strong diplomatic and economic ties with Russia, secondary sanctions targeting entities engaged in business with sanctioned Russian firms pose potential risks. These geopolitical uncertainties can lead to project delays, increased compliance burdens, and difficulties in securing international financing for energy investments (Yang, Li, 2024; Saunders, Cornett, Erhemjamts, 2021; Niczyporuk, Urpelainen, 2021; Petrova, 2019).

Despite these risks, the study identifies several strategies that have proven effective in enhancing investment resilience for Chinese enterprises in Russia. One of the most successful approaches is the diversification of investment models. Companies that utilize a combination of wholly owned subsidiaries, joint ventures with Russian firms, and strategic partnerships with state-owned enterprises tend to demonstrate greater adaptability to external shocks. Joint ventures, in particular, offer advantages such as risk-sharing mechanisms, local market expertise, and improved access to Russian regulatory and financial institutions.

Another key risk mitigation strategy involves government-backed insurance mechanisms. Chinese enterprises investing in Russia have benefited from insurance programs provided by institutions such as the China Export & Credit Insurance Corporation (Sinosure), which offer coverage against political risks, contract breaches, and economic losses due to external disruptions (Aggarwal, 2022). These financial safeguards have helped mitigate the impact of geopolitical instability and regulatory changes (McLean, Ryu, Whang, 2024).

Moreover, legal safeguards play a crucial role in reducing investment uncertainty. Long-term bilateral agreements between China and Russia have facilitated greater regulatory predictability and stability for energy investments (Voronin, Khorunzhii, 2024). Agreements such as the China-Russia Energy Cooperation Framework provide legal assurances regarding project continuity, taxation policies, and dispute resolution mechanisms. Companies that operate under these agreements benefit from diplomatic backing and structured legal protections, reducing the likelihood of arbitrary regulatory changes affecting their operations (Xiao et al., 2024).

The study also highlights significant financial trends among Chinese energy firms in Russia. Risk-adjusted returns vary considerably based on the sector and investment strategy employed. Oil and gas projects tend to generate higher but more volatile returns, influenced by global commodity price fluctuations and geopolitical risks. Renewable energy projects, while offering relatively stable returns, require longer investment horizons and are subject to evolving regulatory incentives. Firms that adopt flexible investment strategies — such as phased project development, risk-sharing agreements, and adaptive financial planning — demonstrate superior resilience in navigating Russia's complex energy landscape (McLean, Ryu, Whang, 2024).

To further illustrate the strengths, weaknesses, opportunities, and threats associated with Chinese energy investments in Russia, the following SWOT analysis provides a structured evaluation (Table 2).

Table 2

SWOT Analysis of Chinese Energy Enterprises in Russia

Category	Factors
Strengths	Strong diplomatic relations between China and Russia; access to vast Russian energy reserves; financial backing from Chinese state-owned banks; experience in large-scale infrastructure projects
Weaknesses	Exposure to geopolitical risks and Western sanctions; dependency on Russian regulatory stability; limited expertise in navigating Russia's legal and tax framework; currency exchange rate volatility
Opportunities	Potential for expansion in renewable energy sectors; growing demand for Chinese technology and investment in Russia's energy infrastructure; joint ventures with Russian firms increasing market access
Threats	Potential shifts in Russian energy policies; competition from Western and domestic Russian firms; environmental and regulatory compliance challenges; risks of financial instability due to market fluctuations

Source: (McLean, Ryu, Whang, 2024).

Additionally, Table 3 presents a detailed breakdown of risk-adjusted returns across different sectors and investment models, providing insights into financial performance variations.

Table 3

Risk-Adjusted Returns by Sector and Investment Model

Investment Sector	Investment Model	Expected Return, %	Risk Level (Low/Medium/High)	Supporting Sources (APA 7 Format)
Oil & Gas	Wholly owned subsidiaries	15...20	High	McLean, E.V., Ryu, J., & Whang, T. (2024)
Oil & Gas	Joint ventures	12...18	Medium	Vilaplana, J.A. L., Yang, G., Ackom, E., Monaco, R., & Xue, Y. (2025)
Renewable Energy	Wholly owned subsidiaries	8...12	Medium	Zhu, L., Zhang, Z., & Fan, Y. (2015)
Renewable Energy	Joint ventures	10...14	Low	Min, Y.A.N. G., & Sangkhiew, N. (2024)
Energy Infrastructure	Public-Private Partnerships	10...15	Medium	Davtyan, V.S., Tufetulov, A.M., Rodnyansky, D.V., Khairullin, I.A., Margamov, A.R., & Valeeva, Y.S. (2024)

Source: developed by X. Ma, E.V. Nezhnikova.

This analysis reveals that joint ventures in both oil and renewable energy sectors tend to offer balanced returns with moderate risk levels, making them a preferred choice for many Chinese firms seeking long-term stability. In contrast, wholly owned

subsidiaries in the oil and gas sector provide the highest potential returns but expose investors to elevated geopolitical and economic risks. Public-private partnerships in energy infrastructure projects yield stable returns with moderate risk exposure, benefiting from government incentives and regulatory support.

By integrating these empirical findings with theoretical insights, this research contributes to a deeper understanding of the investment risks faced by Chinese energy enterprises in Russia. The study underscores the importance of adaptive investment strategies, regulatory compliance, and diplomatic engagement in ensuring sustainable and profitable energy cooperation under the Belt and Road Initiative. Future research could further explore emerging opportunities in low-carbon energy transitions, technological innovations, and evolving China-Russia economic dynamics in response to global energy shifts.

Discussion

The study's findings underscore the critical importance of strategic planning, adaptive risk management, and diplomatic engagement for Chinese energy enterprises investing in Russia. As one of the most geopolitically complex regions within China's Belt and Road Initiative (BRI) framework, Russia presents both significant opportunities and formidable challenges for foreign investors. While the abundance of oil, gas, and renewable energy resources offers long-term commercial potential, the volatility of regulatory frameworks, currency markets, and international relations poses considerable risks. This research highlights that a proactive, flexible, and well-structured investment strategy is essential for mitigating these uncertainties and ensuring sustainable business operations (McLean et al., 2024).

One of the most pressing challenges remains geopolitical tensions, particularly those related to Western sanctions on Russia. Some scholars argue that Chinese enterprises may indirectly suffer from secondary sanctions, even though Beijing has maintained strong bilateral ties with Moscow. Others contend that China's strategic neutrality and economic interdependence with Russia serve as protective factors, insulating energy companies from the full impact of geopolitical disputes (Zhu et al., 2015). However, this remains a subject of ongoing debate, as the evolving nature of international sanctions and trade restrictions may alter investment conditions unexpectedly. Given these uncertainties, financial and legal safeguards play a crucial role in stabilizing investment outcomes. The study finds that companies utilizing state-backed financial instruments, joint ventures with Russian firms, and legally binding long-term bilateral agreements exhibit greater resilience against external shocks (Min, Sangkhiew, 2024).

A key recommendation emerging from this research is that Chinese enterprises should adopt flexible business models to navigate the volatile investment landscape. One successful approach is the use of multilateral financial institutions for risk-sharing mechanisms. For example, leveraging the Asian Infrastructure Investment Bank (AIIB), China Development Bank (CDB), and Silk Road Fund can distribute financial risks across multiple stakeholders while enhancing investment credibility.

Furthermore, engaging in diplomatic negotiations with Russian authorities can help reduce regulatory uncertainties, as long-term intergovernmental agreements provide greater predictability in taxation policies, licensing requirements, and environmental compliance standards (Davtyan et al., 2024).

Another crucial aspect explored in this study is the role of digital transformation and innovative energy technologies in reducing operational risks and improving efficiency. The integration of big data analytics, artificial intelligence, blockchain technology for smart contracts, and automated monitoring systems has been shown to improve project management and compliance tracking (Li et al., 2019). Some experts argue that China's technological leadership in smart energy solutions provides a competitive edge, enabling Chinese firms to implement cost-effective and sustainable energy production methods. However, critics point out that Russia's regulatory approach to digitalization and cybersecurity policies could pose challenges for the widespread adoption of Chinese digital infrastructure within Russian energy projects. This remains a contentious issue, as regulatory barriers may either incentivize localized adaptation or limit the scalability of technological advancements.

Furthermore, this study includes a comparative analysis with other BRI countries, offering valuable insights into best practices for mitigating investment risks in geopolitically sensitive environments. Case studies from Central Asia, Africa, and the Middle East reveal that Chinese energy enterprises in Russia face a unique set of challenges, particularly concerning geopolitical isolation, stringent regulatory frameworks, and financial restrictions. By drawing parallels with other investment landscapes, this research identifies key policy measures that have proven effective elsewhere, including:

- Establishing sovereign investment protection mechanisms to guard against regulatory instability;
- Utilizing local partnerships and workforce integration strategies to improve operational security;
- Diversifying supply chains and energy transportation routes to minimize reliance on single export markets;
- Engaging in multilateral trade negotiations to expand market access beyond bilateral agreements.

These comparative insights provide a broader strategic perspective, reinforcing the argument that a multi-layered approach to risk management is necessary for sustained investment success in Russia.

To synthesize the study's most crucial findings, Table 4 provides a comprehensive overview of key investment risks, mitigation strategies, and their potential effectiveness.

This Table 4 presents a structured approach to assessing and addressing the risks Chinese enterprises face in Russia's energy sector. Notably, while some mitigation strategies — such as long-term bilateral agreements and government-backed financial mechanisms — receive high effectiveness ratings, others — such as technological adaptation and market competition strategies — are more uncertain due to regulatory restrictions and geopolitical fluctuations.

Table 4

Comprehensive Analysis of Investment Risks and Mitigation Strategies for Chinese Energy Enterprises in Russia

Risk Category	Specific Risk Factors	Impact Level (Low/Medium/High)	Proposed Mitigation Strategies	Effectiveness Rating (1–5)	Supporting Sources (APA 7 Format)
Geopolitical Risks	Western sanctions affecting energy transactions; trade restrictions impacting technology transfer	High	Joint ventures with Russian firms; diplomatic negotiations for exemptions; government-backed insurance policies	4	Vilaplana, J.A.L., et al. (2025); Min, Y., & Sangkhiew, N. (2024)
Regulatory Uncertainty	Frequent changes in tax policies, licensing regulations, and environmental laws	Medium-High	Long-term bilateral agreements; legal arbitration mechanisms; enhanced compliance strategies	5	Zhu, L., Zhang, Z., & Fan, Y. (2015) Davtyan, V.S., et al. (2024)
Economic Volatility	Ruble fluctuations; inflation risks; global oil price instability	High	Currency hedging techniques; diversified revenue streams; sovereign fund reserves utilization	4	Vilaplana, J.A.L., et al. (2025); Min, Y., & Sangkhiew, N. (2024)
Market Competition	Competition from Russian state-owned enterprises; Western firms adapting to sanctions restrictions	Medium	Strategic alliances with Russian firms; technological partnerships to gain market advantage	3	Zhu, L., Zhang, Z., & Fan, Y. (2015) Davtyan, V.S., et al. (2024)
Infrastructure Challenges	Underdeveloped transportation networks in remote energy regions; lack of digital energy infrastructure	Medium	Government infrastructure investment agreements; China's Belt and Road energy connectivity initiatives	4	Min, Y., & Sangkhiew, N. (2024)
Environmental & Social Risks	Climate change policies; carbon tax proposals; local workforce integration challenges	Medium	Investment in green energy projects; corporate social responsibility (CSR) programs; regulatory adaptation strategies	4	Vilaplana, J.A.L., et al. (2025); Davtyan, V.S., et al. (2024)
Technological Barriers	Cybersecurity laws affecting Chinese digital solutions in energy monitoring systems	Medium	Compliance with Russian data protection laws; co-development of technology with local firms	3	Zhu, L., Zhang, Z., & Fan, Y. (2015)

Source: developed by X. Ma, E.V. Nezhnikova.

Conclusion

Given the complex and dynamic nature of energy investments in Russia, Chinese enterprises must adopt a comprehensive and multidimensional risk management framework that effectively integrates financial, legal, geopolitical, and strategic considerations. The intricate interplay between global energy markets, regulatory frameworks, and diplomatic relations necessitates a highly adaptive and forward-looking approach, ensuring investment resilience amid evolving uncertainties. This study underscores that successful risk mitigation is contingent upon three core pillars: diversified investment models, robust legal safeguards, and proactive regulatory engagement. These factors collectively enhance the stability of Chinese energy enterprises operating in Russia and contribute to the broader discourse on energy security, economic sovereignty, and sustainable cooperation under the Belt and Road Initiative (BRI).

One of the central arguments in this research is that diversified investment models play a crucial role in minimizing exposure to sector-specific risks. In contrast to enterprises that rely solely on traditional upstream oil and gas extraction, companies that engage in downstream processing, energy infrastructure development, and renewable energy integration demonstrate higher levels of financial and operational resilience. For instance, firms that incorporate LNG production, petrochemical processing, and energy transportation networks into their portfolios benefit from greater market flexibility, allowing them to hedge against fluctuations in commodity prices and shifts in global energy demand. Additionally, public-private partnerships and strategic alliances with Russian state-owned enterprises (such as Rosneft and Gazprom) provide institutional stability, reducing the likelihood of abrupt policy shifts that could negatively impact foreign investments. By leveraging co-financing mechanisms — including investment funds backed by the Asian Infrastructure Investment Bank (AIIB) and the Silk Road Fund — Chinese firms can further spread financial risks while enhancing their credibility within the Russian market.

Another pivotal factor in mitigating investment risks lies in the establishment of strong legal frameworks that ensure long-term regulatory predictability. Russia's energy sector is highly regulated, with frequent legislative changes affecting taxation policies, environmental compliance, and foreign investment laws. Consequently, Chinese enterprises must secure legally binding bilateral agreements that offer investment protection, dispute resolution mechanisms, and fiscal stability guarantees. Long-term energy contracts between China and Russia, such as those governing natural gas exports via the Power of Siberia pipeline, illustrate the importance of legally enshrined commitments in safeguarding investment interests. Furthermore, by engaging in international arbitration frameworks, firms can reduce exposure to jurisdictional uncertainties, ensuring that disputes are resolved in a transparent and predictable manner. However, some scholars argue that Russia's increasingly stringent localization policies, which mandate greater domestic participation in foreign-led energy projects, may pose challenges for Chinese enterprises seeking operational autonomy. This raises an important debate: to what extent should Chinese firms comply with localization requirements versus advocating for more flexible regulatory terms

through diplomatic negotiations? The answer likely lies in a balanced approach, where firms prioritize local workforce integration and joint ventures while simultaneously advocating for legal provisions that maintain their strategic interests.

Regulatory engagement emerges as the third cornerstone of successful investment risk management. The study finds that Chinese energy enterprises that actively engage with Russian federal and regional authorities are better positioned to navigate bureaucratic challenges and secure favorable investment conditions. Given Russia's decentralized regulatory environment, where regional governments wield significant influence over energy policies, firms must cultivate strong relationships with both federal ministries and local regulatory bodies. This approach not only facilitates smoother project approvals and licensing processes but also helps mitigate risks related to policy inconsistencies between different levels of government. Additionally, firms that participate in bilateral energy forums, policy dialogues, and industry consultations benefit from early insights into upcoming regulatory changes, allowing them to adapt their investment strategies preemptively. Some experts argue that China's state-backed economic diplomacy provides a comparative advantage in this regard, as government-to-government negotiations often pave the way for favorable investment terms. However, critics caution that excessive reliance on state diplomacy over market-driven strategies could limit private sector autonomy, raising concerns about the long-term sustainability of Chinese energy investments in Russia.

From a broader geopolitical perspective, the study contributes to ongoing discussions on energy security, investment resilience, and the future trajectory of Sino-Russian economic cooperation under the BRI. The growing alignment between China and Russia in energy trade, infrastructure development, and technological collaboration signals a shift towards deeper strategic interdependence. However, this interdependence is not without its challenges. Western economic sanctions on Russia, fluctuations in global oil prices, and the increasing competition from alternative energy suppliers all introduce external pressures that could reshape the nature of China-Russia energy engagements. Consequently, Chinese firms must adopt adaptive investment strategies that account for both opportunities and contingencies. One promising avenue is the expansion of green energy cooperation, where China's expertise in solar, wind, and hydroelectric power could complement Russia's traditional fossil fuel dominance. While some analysts argue that Russia's current energy policies remain heavily centered on hydrocarbons, others contend that the gradual energy transition and global decarbonization trends may push Russian policymakers towards greater openness to renewable energy partnerships with China.

Ultimately, this research asserts that Chinese energy enterprises can optimize their investment outcomes in Russia by implementing a multidimensional, forward-thinking risk management approach. By diversifying their investment portfolios, securing robust legal protections, and engaging proactively with regulatory authorities, firms can enhance their resilience against economic, political, and legal uncertainties. Moreover, the integration of digital energy solutions, risk-sharing mechanisms, and sustainable development initiatives further strengthens their ability to navigate the evolving landscape of global energy markets. As the Sino-Russian energy partnership

continues to evolve, the findings of this study provide valuable insights for policymakers, business leaders, and scholars examining the complexities of energy cooperation under the BRI framework. Future research should explore the long-term impact of geopolitical shifts, technological advancements, and environmental policies on the sustainability of Chinese energy investments in Russia, ensuring that the strategies outlined in this study remain adaptable to the rapidly changing global energy paradigm.

References

- Aggarwal, P. (2022). Sino-Russian energy relations: Opportunities and challenges. *China's Energy Security: The Journey from Self-Sufficiency to Global Investor*, 89–148. https://doi.org/10.1007/978-981-19-2192-6_3
- Alnafrah, I. (2024). ESG practices mitigating geopolitical risks: Implications for sustainable environmental management. *Journal of Environmental Management*, 358, 120923. <https://doi.org/10.1016/j.jenvman.2024.120923> EDN: MWMKVV
- Chebotareva, G., Strielkowski, W., & Streimikiene, D. (2020). Risk assessment in renewable energy projects: A case of Russia. *Journal of Cleaner Production*, 269, 122110. <https://doi.org/10.1016/j.jclepro.2020.122110> EDN: PDYRPU
- Chen, D., & Galkin, P. (2023). China's energy investment through the lens of the Belt and Road Initiative. In *Research Agenda for Energy Politics*, 93–126. Edward Elgar Publishing. <https://doi.org/10.4337/9781789901764.00015>
- Davtyan, V.S., Tufetulov, A.M., Rodnyansky, D.V., Khairullin, I.A., Margamov, A.R., & Valeeva, Y.S. (2024). Development of economic cooperation between Russia and China in the condition of new geopolitical threats and challenges. *China Report*, 60(3), 322–338. <https://doi.org/10.1177/00094455241288052> EDN: ECRRWM
- Kocaarslan, B., & Soytaş, U. (2021). Reserve currency and the volatility of clean energy stocks: The role of uncertainty. *Energy Economics*, 104, 105645. <https://doi.org/10.1016/j.eneco.2021.105645> EDN: IWRNKS
- Lanshina, T.A., John, A., Potashnikov, V.Y., & Barinova, V.A. (2018). The slow expansion of renewable energy in Russia: Competitiveness and regulation issues. *Energy Policy*, 120, 600–609. <https://doi.org/10.1016/j.enpol.2018.05.052> EDN: VBPYWX
- Leal-Arcas, R., & Nalule, V. (2019). Multilateral and bilateral energy investment treaties. *Handbook of International Investment Law and Policy*, 1–13. https://doi.org/10.1007/978-981-13-5744-2_32-1
- Li, F., Liu, Q., Dong, S., Cheng, H., Li, Y., Yang, Y., & Xia, B. (2019). Investment environment assessment and strategic policy for subjects of federation in Russia. *Chinese Geographical Science*, 29, 887–904. <https://doi.org/10.1007/s11769-019-1051-1> EDN: BSYZKF
- Liu, P., & Wu, J. (2023). Game analysis on energy enterprises' digital transformation — strategic simulation for guiding role, leading role and following role. *Sustainability*, 15(13), 9890. <https://doi.org/10.3390/su15139890> EDN: GMRINA
- McLean, E.V., Ryu, J., & Whang, T. (2024). The effect of economic coercion on companies' foreign direct investment decisions: Evidence from sanctions against Russia. *Conflict Management and Peace Science*, 41(4), 438–462. <https://doi.org/10.1177/07388942231198490> EDN: TPAELS
- Min, Y., & Sangkhiew, N. (2024). Risk evaluation and mitigation strategies for Chinese investments in overseas public-private partnerships. Retrieved August 11, 2024 from <http://ithesis-ir.su.ac.th/dspace/handle/123456789/4973>
- Niczyporuk, H., & Urpelainen, J. (2021). Taking a gamble: Chinese overseas energy finance and country risk. *Journal of Cleaner Production*, 281, 124993. <https://doi.org/10.1016/j.jclepro.2020.124993> EDN: LUFKQY

- Petrova, A. (2019). Regulatory challenges in foreign direct investments in Russia. *Journal of Eurasian Studies*, 25(1), 123–145. <https://doi.org/10.1016/j.euras.2010.10.006>
- Saunders, A., Cornett, M.M., & Erhemjamts, O. (2021). *Financial institutions management: A risk management approach*. McGraw-Hill.
- Shahzad, U., Mohammed, K.S., Tiwari, S., Nakonieczny, J., & Nesterowicz, R. (2023). Connectedness between geopolitical risk, financial instability indices and precious metals markets: Novel findings from Russia Ukraine conflict perspective. *Resources Policy*, 80, 103190. <https://doi.org/10.1016/j.resourpol.2022.103190> EDN: TRACYE
- Skalamera, M. (2014). Booming synergies in Sino-Russian natural gas partnership. Belfer Center for Science and International Affairs, Harvard Kennedy School.
- Vilaplana, J.A.L., Yang, G., Ackom, E., Monaco, R., & Xue, Y. (2025). Dynamic cost-benefit analysis of digitalization in the energy industry. *Engineering*, 45, 174–187. <https://doi.org/10.1016/j.eng.2024.11.005> EDN: QHOYWR
- Voronin, V., & Khorunzhii, A. (2024). The role of Chinese foreign direct investments in the Russia transport infrastructure. *Revista Gestão & Tecnologia*, 24(2), 159–173. <https://doi.org/10.20397/2177-6652/2024.v24i2.2801>
- Xiao, Y., Wan, A., Li, Y., Elahi, E., & Peng, B. (2024). Evaluating the evolution of investment risks in belt and road energy projects: A case study of Belarus' M5 thermal power station. *International Journal of Energy Research*, (1), 9322649. <https://doi.org/10.1155/er/9322649> EDN: UINWKH
- Xu, L., & Chen, Y. (2019). Geopolitical risks and their effects on energy investment strategies: Evidence from Chinese enterprises in Russia. *Energy Strategy Reviews*, 26, 100373. <https://doi.org/10.1016/j.esr.2019.100373>
- Yang, F., & Li, J. (2024). A review of renewable energy investment in Belt and Road initiative countries: A bibliometric analysis perspective. *Energies*, 17(19), 4900. <https://doi.org/10.3390/en17194900> EDN: UGVZDG
- Yilmaz, S., & Daksueva, O. (2019). The energy nexus in China-Russia strategic partnership. *International Relations of the Asia-Pacific*, 19(1), 63–88. <https://doi.org/10.1093/irap/lcx003>
- Zhu, L., Zhang, Z., & Fan, Y. (2015). Overseas oil investment projects under uncertainty: How to make informed decisions? *Journal of Policy Modeling*, 37(5), 742–762. <https://doi.org/10.1016/j.jpolmod.2015.08.001> EDN: HZMXMY

Bio notes / Сведения об авторах

XiangRu Ma, PhD candidate at the Department of National economics, Faculty of Economics, RUDN University, 6 Miklukho-Maklaya st., Moscow, 117198, Russian Federation. ORCID: 0000-0001-8769-8170. E-mail: 1042218197@pfur.ru

Ma Сянжу, аспирант кафедры национальной экономики экономического факультета, Российский университет дружбы народов, Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6. ORCID: 0000-0001-8769-8170. E-mail: 1042218197@pfur.ru

Ekaterina V. Nezhnikova, Doctor of Economics, Associate Professor, Professor of the Department of National Economics, Faculty of Economics, RUDN University, 6 Miklukho-Maklaya st., Moscow, 117198, Russian Federation. ORCID: 0000-0002-5236-7950. SPIN-code: 6483-5199. E-mail: nezhnikova_ev@pfur.ru

Нежникова Екатерина Владимировна, доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры национальной экономики экономического факультета, Российский университет дружбы народов, Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6. ORCID: 0000-0002-5236-7950. SPIN-код: 6483-5199. E-mail: nezhnikova_ev@pfur.ru

DOI: 10.22363/2313-2329-2025-33-2-243-257

EDN: CHLXGM

UDC 339.727

Research article / Научная статья

Gulf Cooperation Council countries' investment strategies in Africa

Andrey N. Surkov¹ , Jami B. Chiniev² ¹*RUDN University, Moscow, Russian Federation*²*International monetary fund, Resident Representative Office of the IMF in the Republic of Tajikistan, Dushanbe, Tajikistan* surkov_an@pfur.ru

Abstract. Competition for the markets of African countries is becoming more active over the recent years, not only among the traditional partners, the United States and China, but also among the countries that are members of the Gulf Cooperation Council (GCC). The study examines the historical roots of the economic ties of MENA countries, where a leading role played by trade routes the spread of Islam, migration flows, and the oil factor. Since 2020, an active phase of GCC countries' capital expansion in African states has begun due to increasing competition for resources and growing food security threats. The purpose of the study is to examine the investment model of the GCC member countries in Africa, taking into account the mutual interests of the countries. The authors used a retrospective and comparative assessment of investment activity based on specific examples of investments from the GCC countries. The study covers more than 17 bilateral and multilateral projects in critical sectors, including traditional and renewable energy, infrastructure, mining, agriculture. The study identifies key trends in economic cooperation that demonstrate the features of the current investment model of the GCC countries, where the key role is played by the UAE and Saudi Arabia. The authors concluded that these investments establish long-term economic ties between the Middle East and Africa. Thus, investor countries use investment mechanisms to ensure access to strategic resources, particularly through the restructuring of the host country's debt. Driven by economic interests in increasing the sales of their products, Saudi Arabia and the UAE purchase ports to expand their transport and logistics potential and compete for the formation of international transport corridors. Food security challenges shape the investment interests of GCC countries in the agricultural sector of Africa's fertile lands, such as Sudan and Ethiopia. Investments in renewable energy projects in Africa reflect the GCC countries' interest in testing and adapting advanced technologies in hot desert climates, allowing them to assess their efficiency and scalability potential for further implementation in their own national energy systems. Thus, the study answers the question of what strategic and economic interests the GCC countries pursue through the investment expansion strategy in African countries.

© Surkov A.N., Chiniev J.B., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Keywords: investment, Gulf Cooperation Council, Africa, economic diversification, infrastructure, renewable energy sources, food security

Authors' contribution. Surkov A.N. — development of the structure and content, conducting research, text writing; Chiniev J.B. — conducting research, selection of sources, text editing.

Acknowledgements. This research has been supported by the RUDN University Scientific Projects Grant System, project № 060509-0-0-000.

Conflicts of interest. The authors declare that there is no conflict of interest.

Article history: received 20 December 2024; revised 10 February 2025; accepted 11 March 2025.

For citation: Surkov, A.N., & Chiniev, J.B. (2025). Gulf Cooperation Council countries' investment strategies in Africa. *RUDN Journal of Economics*, 33(2), 243–257. <https://doi.org/10.22363/2313-2329-2025-33-2-243-257>

Инвестиционные стратегии стран Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива в Африке

А.Н. Сурков¹ , Д.Б. Чиниев²

¹*Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация*

²*Постоянное Представительство МВФ в Республике Таджикистан, Душанбе, Таджикистан*

 surkov_an@pfur.ru

Аннотация. Конкуренция за рынки африканских стран с каждым годом становится все более активной не только среди традиционных стран партнеров, США и Китая, но и среди стран, входящих в Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ). Рассмотрены исторические корни экономических взаимосвязей стран Ближнего Востока и Северной Африки, где ведущую роль сыграли торговые маршруты, распространение религии ислама, миграционные потоки и нефтяной фактор. С 2020 г. в связи с усилением конкуренции за ресурсы и ростом продовольственных угроз началась активная фаза экспансии капитала стран ССАГПЗ в странах Африки. Цель исследования — рассмотрение инвестиционной модели стран-членов ССАГПЗ в Африке с учетом их взаимных интересов. Авторы использовали ретроспективную и сравнительную оценку инвестиционной активности на основе конкретных примеров инвестиций стран ССАГПЗ. Исследование охватывает более 17 двусторонних и многосторонних проектов в важнейших секторах, включая традиционную и возобновляемую энергетику, инфраструктуру, горнодобывающую промышленность, сельское хозяйство и продовольственную безопасность. В исследовании определены ключевые тенденции в экономическом сотрудничестве, которые демонстрируют особенности текущей инвестиционной модели стран ССАГПЗ, где ключевую роль играют ОАЭ и Саудовская Аравия. Авторы пришли к выводу, что эти инвестиции устанавливают долгосрочные экономические связи между Ближним Востоком и Африкой. Так, страны-инвесторы используют инвестиционные механизмы для обеспечения доступа к стратегическим ресурсам, в частности реструктуризацию долгов принимающей стороны. Движимые экономическими интересами увеличения сбыта своей продукции, Саудовская Аравия

и ОАЭ покупают порты для наращивания транспортно-логистического потенциала и конкуренции за формирование международных транспортных коридоров. Проблемы продовольственной безопасности формируют инвестиционные интересы стран GCC в сельскохозяйственном секторе плодородных земель Африки, таких как Судан и Эфиопия. Инвестиции в проекты возобновляемых источников энергии в Африке отражают интересы стран ССАГПЗ в тестировании и адаптации передовых технологий в условиях жаркого пустынного климата, что позволяет оценить их эффективность и потенциал масштабирования для дальнейшего внедрения в собственных национальных энергетических системах. Таким образом, исследование отвечает на вопрос, какие стратегические и экономические интересы реализуют страны ССАГПЗ с помощью стратегии экспансии инвестиций в странах Африки.

Ключевые слова: инвестиции, Совет сотрудничества стран Персидского залива, Африка, диверсификация экономики, инфраструктура, возобновляемые источники энергии, продовольственная безопасность

Вклад авторов. Сурков А.Н. — разработка структуры и содержания, проведение исследований, написание текста; Чиниев Ж.Б. — проведение исследований, подбор источников, редактирование текста.

Благодарности. Исследование выполнено в рамках проекта № 060509-0-000 системы грантовой поддержки РУДН.

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 20 декабря 2024 г.; доработана после рецензирования 10 февраля 2025 г.; принята к публикации 11 марта 2025 г.

Для цитирования: *Surkov A.N., Chiniev J.B. Gulf cooperation council countries' investment strategies in Africa // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика. 2025. Т. 33. № 2. С. 243–257. <https://doi.org/10.22363/2313-2329-2025-33-2-243-257>*

Introduction

Economic cooperation between the Gulf Cooperation Council (GCC) countries (Bahrain, Kuwait, Oman, Qatar, Saudi Arabia, and the United Arab Emirates (UAE)) and African countries highlights a growing interest in developing projects across Africa. This collaboration spans a wide range of sectors, including energy, agriculture, logistics and mining. The significance of the African direction for Gulf countries extends beyond economic considerations, reflecting their ambition to strengthen their economic and political influence on the world economy. Facing challenges related to economic diversification model, the GCC economies are increasingly turning to Africa as a source of critical resources, a market for exports, and a strategic partner.

At the same time, growing competition for African resources from countries such as China, the United States, and the European Union further enhances the region's appeal (Moyo, Jha, Yeros, 2019; Diarra, Girinsky, 2024). **This study aims** to explore the key aspects of the GCC countries investment strategies,

including their impact on economic and social stability in Africa, as well as the mutual benefits arising from investment cooperation with Angola, Djibouti, DR Congo, Egypt, Ethiopia, Kenya, Morocco, Mozambique, Namibia, Sudan, Tanzania, Tunis, Uganda and Zambia.

Literature review

The position and role of the GCC states in international economic relations are increasingly becoming a subject of academic research. Despite extensive media coverage, there remains a lack of in-depth scholarly studies on the global economic implications of this transformation.

Non-hydrocarbon activities, inflation stabilization, and the importance of fiscal consolidation, economic diversification, and financial market stability in the face of geo-economic challenges have been widely highlighted at the level of the international Organization^{1,2}.

The development of the investment policies of GCC countries abroad is largely conditioned by the economic consequences of food and water shortages, as well as declining agricultural productivity and global competition for natural resources (Krylov, Fedorchenko, 2022). One key area of focus is the growing international investment activity of these states, particularly through sovereign wealth funds, state investment corporations, and government-controlled enterprises (Momani, Legrenzi, 2016). The investment of oil revenues by GCC states has evolved significantly, reflecting both domestic needs and international ambitions. These states have utilized their oil wealth to develop infrastructure, enhance education, and provide healthcare, while also redirecting funds towards foreign investments to gain geopolitical influence. This multifaceted approach is evident in several key areas. Economic diversification efforts are underway, as seen in Kuwait's strategies to mitigate risks associated with oil price volatility (Alibrahim, 2024). Gulf states have increasingly invested in poorer regions, particularly in the Middle East and Africa, with significant financial flows aimed at securing political influence and economic returns (Krane, 2023).

South-South investment reflects the increasing financial and economic cooperation among developing countries, offering an alternative globalization model that challenges Western dominance. In this context, the expanding economic ties between the Gulf Cooperation Council countries and African countries exemplify this trend (Barrowclough, 2022).

¹ International Monetary Fund. Middle East and Central Asia Dept. (2024). Gulf Cooperation Council: Pursuing Visions Amid Geopolitical Turbulence Economic Prospects and Policy Challenges for the GCC Countries. Policy Papers, 2024. Retrieved February 23, 2025, from <https://www.imf.org/en/Search#q=Gulf%20Cooperation%20Council%3A%20Pursuing%20Visions%20Amid%20Geopolitical%20Turbulence%20Economic%20Prospects%20and%20Policy%20Challenges%20for%20the%20GCC%20Countries&sort=relevancy>

² International Monetary Fund. (2024). Regional economic outlook: Middle East and Central Asia, October 2024. IMF. Retrieved February 23, 2025, from <https://www.imf.org/en/Publications/REO/MECA/Issues/2024/10/24/regional-economic-outlook-middle-east-central-asia-october-2024>

However, the investments in Africa, particularly in natural resources, have raised concerns from the theoretical perspective of ecological imperialism and Ecologically Unequal Exchange (EUE) theory. Scholars argue that foreign investment regimes, rooted in Africa's colonial past, continue to reproduce a neocolonial structure in which African political and economic systems are subordinated to the needs of core economies (Frame, 2014; Dembele, 2023).

This framework suggests that GCC states' investment engagements in Africa may not only be driven by economic diversification but also by the broader logic of capital accumulation, where resource extraction serves external economic interests.

Research methods

The study employs a comprehensive methodological approach that integrates both qualitative and quantitative analysis. At its core, the research is based on a retrospective analysis of the economic interactions between the GCC states and African countries, allowing for the identification of key development trends. A comparative analysis of investment activity has been conducted, taking into account geographical and sectoral specificities. Additionally, an in-depth examination of specific investment projects has been utilized to reflect the unique characteristics of engagement across various economic sectors. As supplementary methods, the study incorporates secondary data analysis, including reports from international organizations, think tanks, and specialized research publications.

A retrospective of the economic relations between the GCC countries and Africa

The history of relations between the Gulf countries and African states spans several centuries. As early as the 4th century AD, Arab merchants established trade routes connecting the Arabian Peninsula and North Africa with West Africa. Evidence of these connections can be found in the medieval city-state of Great Zimbabwe, where archaeologists discovered Arab coins dating back to 900 AD (Baluga, 2005). Moreover, The Greater Horn of Africa, separated from the Arabian Peninsula by the Gulf of Aden and the Red Sea, has long been perceived by Arabs as a neighboring territory (Bataya, 2019).

Historically, the interest of the Gulf states in North Africa has been primarily linked to supporting Muslim charitable organizations, while in East Africa, their focus has been on acquiring or leasing agricultural land. The Gulf countries face significant challenges in ensuring food security due to the harsh climatic conditions of the Arabian Peninsula. For instance, in the largest Arab country in the Gulf by land area, the Kingdom of Saudi Arabia (KSA), only 2% of the land is suitable for agriculture. As a result, cooperation with African countries has historically been one of the first strategies to address food security concerns. Since 2000, KSA has officially abandoned its policy of "self-sufficiency" in several food products and has started leasing over 405,000 hectares of arable

land in Sudan (Fig. 1) and 10,000 hectares in Mauritania. Additionally, since 2009, KSA has leased 10,000 hectares of land in Ethiopia. All of these land leases were signed at least for a 60-year period and are primarily used to cultivate wheat and grains for the Kingdom.

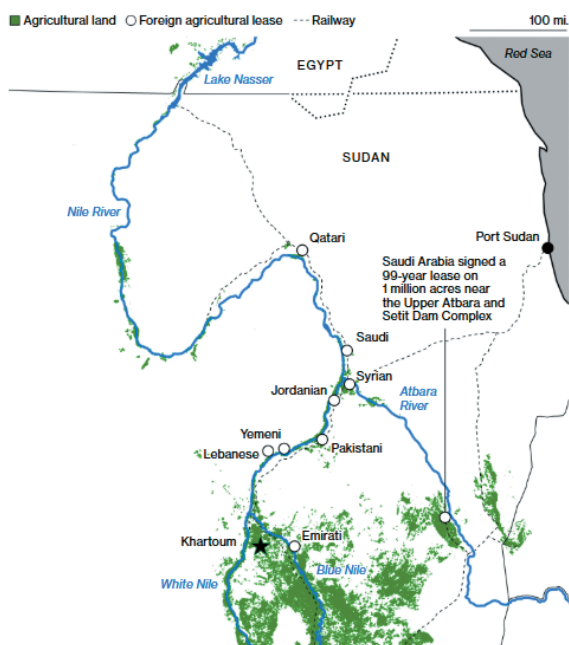

Figure 1. The locations of major foreign agricultural farms in Sudan, including GCC projects

Source: Schwartzstein P. One of Africa's most fertile lands is struggling to feed its own people. Bloomberg. Retrieved February 23, 2025, from URL: <https://www.bloomberg.com/features/2019-sudan-nile-land-farming>

If we consider the whole of Africa as a continent and a set of markets, then first of all fierce competition in the African market is for the emitted critically important metals: rare earths, materials with high electrical conductivity and other important components of the modern technological structure. And countries such as the United States, the EU, and China are the main buyers, investors, and holders of quotas for the exploration, production, and processing of these minerals. And China accounts for more than 80% of the world's production of rare earths (Kondratiev, 2023).

The growing interest in Africa from GCC countries is related to the need to increase the resource base for economic diversification and industrial development in Arab countries, and as a result, the UAE has become the fourth largest investor in infrastructure projects in Africa after China, Europe and the United States. From 2012 to 2022, the UAE invested more than \$60 billion in African projects. Other major Arab investors among the Gulf states are Saudi Arabia, Qatar and Kuwait³.

³ Africa Horizons 2023/24. Knight Frank. Retrieved February 23, 2025, from <https://www.knightfrank.com/publications/africa-horizons-202324-10427.aspx>

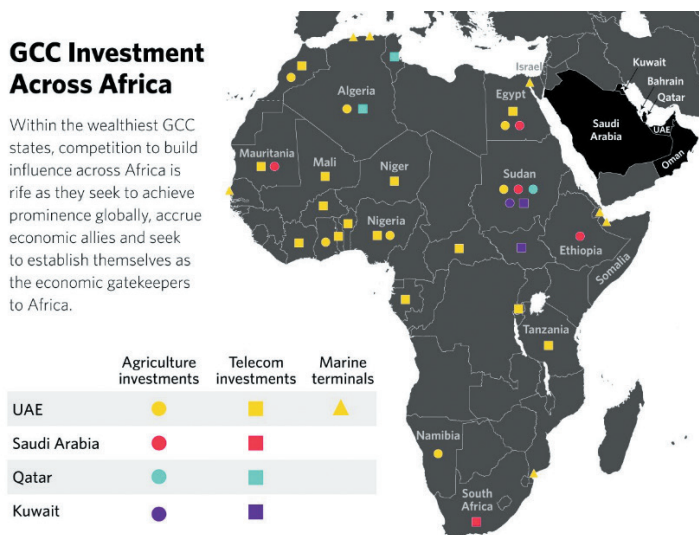

Figure 2. The map of GCC investment projects across Africa, 2018

Source: Why the GCC states think Africa is worth fighting over. Stratfor. Retrieved February 23, 2025, from URL: <https://worldview.stratfor.com/article/why-gcc-states-think-africa-worth-fighting-over>

It is also important for African countries that foreign investors do not just extract and sell resources, as the colonialists once did. They want to see investors who will participate in the national development of the country and invest in other important areas, such as agriculture, healthcare and energy. In November 2013, an Arab-African summit was organized in Kuwait to demonstrate interest in mutually beneficial cooperation, which was attended by representatives of 71 countries and institutions, 34 heads of State, seven vice Presidents and three Prime ministers. The summit was the largest of its kind and its purpose was to strengthen and coordinate cooperation on current and new Arab-African projects. Beyond investments and agreements with Arab countries in Africa — primarily Egypt, Sudan, Algeria, Tunisia, and Morocco — the Gulf states have also expanded their engagement with resource-rich African countries, such as South Africa, Zambia, Nigeria, and the Democratic Republic of the Congo⁴ — and those with strategic geographic locations, such as Djibouti, Kenya, and Ethiopia.

Investment Landscape of the GCC States in Africa

In recent years, the GCC states have significantly increased their economic presence in Africa, and the inflow of foreign direct investment reached \$100 billion over the period 2012–2022⁵. The main drivers of this process were the

⁴ DR Congo to start new exploration for green metals: President. Al Mayadeen. Retrieved February 23, 2025, from <https://english.almayadeen.net/news/environment/dr-congo-to-start-new-exploration-for-green-metals-president>

⁵ Rising Gulf Investments in Africa Unlocking Opportunities and Navigating Challenges. Afreximbank Research. Retrieved February 23, 2025, from URL: <https://www.afreximbank.com/reports/rising-gulf-investments-in-africa-unlocking-opportunities-and-navigating-challenges/>

diversification of the Gulf economies, the pursuit of food security and the strengthening of geopolitical positions. As shown in Figure 3, in 2022, investments by the GCC, a regional intergovernmental political and economic union that includes Bahrain, Kuwait, Oman, Qatar, Saudi Arabia, and the UAE, exceeded \$35 billion in Africa in 2022. According to Knight Frank LLP, in 2024, the UAE will become the largest investor in African projects, with total investments exceeding \$59 billion⁶.

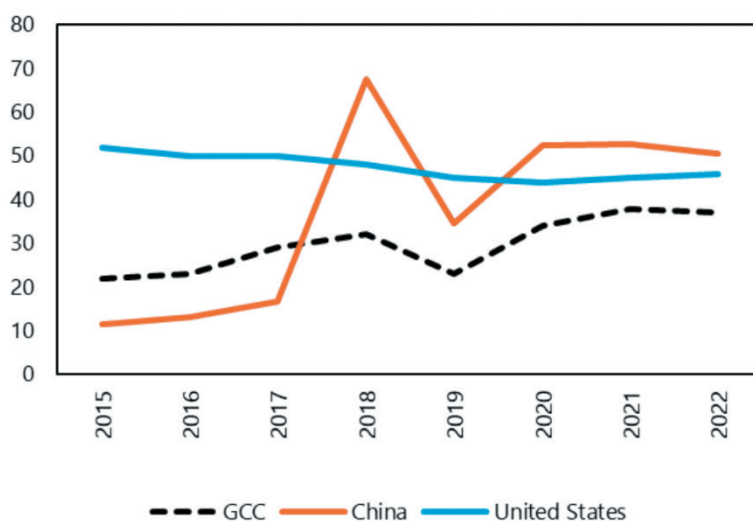

Figure 3. Dynamics of Africa's investments inflow from GCC, China and the US, 2015–2022, billion dollars

Source: Rising Gulf Investments in Africa Unlocking Opportunities and Navigating Challenges. Afreximbank Research. Retrieved February 23, 2025, from <https://www.afreximbank.com/reports/rising-gulf-investments-in-africa-unlocking-opportunities-and-navigating-challenges/>

The key sectors attracting Arab investment flows in Africa include mining, energy, infrastructure, and agriculture.

Mining Sector. One of the key sectors attracting Gulf investments is mining, which plays a vital role in securing critical raw materials for global industries, particularly in the development of “green” technologies (Andronova, Haabazoka, Kasonde, 2024). In 2023, the United Arab Emirates invested in the Mopani copper mine located in Zambia. Copper plays a crucial role in the production of a wide range of goods, particularly in supporting “green” technologies, such as electric motors and electrical equipment. International Resources Holding, a holding company backed by the Sheikh of Abu Dhabi, agreed to invest \$1.1 billion in the Mopani mine, which had been inactive and considered unprofitable since 2021⁷. However, with UAE investments, the mine is expected to resume operations and unlock its long-term potential. Furthermore, copper remains a critical resource,

⁶ Knight Frank. Africa Horizons 2023/24. Retrieved February 23, 2025, from <https://www.knightfrank.com/publications/africa-horizons-202324-10427.aspx>

⁷ Abu Dhabi's IRH to Invest \$1.1 Billion in Mopani Copper Mine. Bloomberg. Retrieved February 23, 2025, from <https://www.bloomberg.com/news/articles/2023-12-22/abu-dhabi-s-irh-will-invest-1-1-billion-in-mopani-copper-deal>

and the UAE is set to continue securing access to essential materials needed for economic diversification.

At the start of 2025, the Saudi and Zambian governments signed a memorandum of understanding on mutual cooperation in the development and exploration of new mineral deposits. As part of this agreement, the Saudi company Manara Minerals, a joint venture of Saudi Arabian Mining Company (Ma'aden) and Saudi Arabian State Investment Fund, has entered the advanced stages of acquiring a minority stake in First Quantum Minerals Ltd's copper-nickel assets, which is one of the leading mining companies in Zambia. The state will have a stake of 15 to 20% in the project, and the total investment will be around \$2 billion⁸. This Saudi Arabian investment is a strategic move to acquire access to major mineral resources and is also a method through which to pay off existing debts incurred by First Quantum Minerals for unpaid customs duties. For First Quantum Minerals, this sale will be a chance to pay off existing debts and continue operating. On its own, Saudi Arabia views this investment as an important step towards diversifying its economy as well as gaining access to key minerals. It is also interesting to note that in December 2024, Saudi Arabia and Zambia agreed to re-schedule Zambia's debts, including \$2.2 billion to France and \$4.1 billion to China⁹.

In December 2022, the Democratic Republic of Congo (DRC) awarded Abu Dhabi-based Primero Gold DRCSA a 25-year gold mining monopoly¹⁰. Under the terms of the deal, the Primera Group acquired a majority share and exclusive rights in the exportation of hand-made gold at a preferential rate of 0.25% tax. The company has also been awarded exclusive export rights for coltan, tin, tantalum, and tungsten at 3.5% above the above. Afterwards, gold exports from DRC to UAE increased 100-fold by 2023 to \$208 million, accounting for 15% of DRC's total gold exports. The mission of DRC in enhancing relations with UAE is to address smuggling issues in the country's eastern regions, which have been heightened by militias since 2021 and slow the development of the mining sector in resource-abundant regions. The UAE has also provided training and military equipment to the Congolese army in exchange for gaining access to the country's mineral resources¹¹.

Gulf countries are not merely short-term investors, but rather long-term stakeholders in Africa's mining sector, aligning their strategies with global trends in mineral demand. In addition, you can reverse the dual approach — economic

⁸ Zambia and Saudi Arabia Sign Mou of Cooperation in Mineral Resources. *Zambian observer*. Retrieved February 23, 2025, from <https://zambianobserver.com/zambia-and-saudi-arabia-sign-mou-of-cooperation-in-mineral-resources/>

⁹ Saudi Arabia to invest \$500M in African development. *AGBI*. Retrieved February 23, 2025, from <https://www.agbi.com/development/2023/11/saudi-arabia-to-invest-500m-in-african-development>

¹⁰ UAE-DRC 25-year gold deal 'monopoly, troubling; jeopardizes fairness'. *Al Mayadeen*. Retrieved February 23, 2025, from <https://english.almayadeen.net/news/economics/uae-drc-25-year-gold-deal-a-monopoly-troubling-jeopardizes-f>

¹¹ Congo to buy out UAE partner in gold venture as shipments slump. *Bloomberg*. Retrieved February 23, 2025, from <https://www.bloomberg.com/news/articles/2024-06-12/congo-to-buy-out-uae-partner-in-gold-venture-as-shipments-slump>

investment coupled with geopolitical and financial support — indicates a new model of foreign economic policy, where resource acquisition is paired with debt relief, infrastructure development, and security assistance. This deepening engagement points to the emergence of the Gulf-Africa economic corridor, where Africa’s natural resources and the GCC’ capital-rich economies create mutually beneficial trade and investment partnerships.

The energy sector. One of the most prominent sectors attracting GCC investment in Africa is energy, particularly renewable energy. Between 2019 and 2023, companies from the UAE announced plans to invest \$110 billion in Africa, with approximately \$72 billion allocated specifically for renewable energy projects¹². For instance, Masdar (Abu Dhabi Future Energy Company) has been at the forefront of the UAE’s renewable energy expansion in Africa. In 2023, Masdar signed agreements with three African countries (Angola, Uganda, and Zambia) to develop 5 GW of renewable energy capacity in total, with each project valued at over \$10 billion¹³.

In 2023, the Saudi company ACWA Power, the world’s largest privately-owned desalination and green hydrogen company, signed an agreement to launch a major green hydrogen project in Tunisia. Green hydrogen refers to hydrogen produced using renewable energy sources. The project is set for gradual implementation until 2050 and includes the development of 12 GW of renewable energy capacity, storage systems, transmission lines, desalination plants, electrolyzers, and infrastructure to connect to the “South Corridor-2” — a hydrogen pipeline that will link Tunisia with Italy, Austria, and Germany. For Saudi Arabia, each phase of the project, along with the final completion of the hydrogen pipeline, serves as a strategic rehearsal for its own large-scale green hydrogen production initiative — NEOM Green Hydrogen, which is being developed in parallel with the Tunisian project.

In Morocco, GCC states are involved in the development of the 400 MW Noor Midelt solar power plant, a hybrid solar energy project that combines two energy generation technologies: concentrated solar power and photovoltaic systems¹⁴. The French company EDF Renewables won the tender for the project’s implementation. Since 2017, EDF Renewables has been leading green energy projects in Egypt, Saudi Arabia, and the UAE. Meanwhile, the African Development Bank notes that the project is largely financed through grants from Qatar and Saudi Arabia¹⁵. For Saudi Arabia and Qatar, this project represents an opportunity to gain experience

¹² UAE is now largest investor in new African business projects. Sputnik. Retrieved February 23, 2025, from <https://en.sputniknews.africa/20241225/uae-is-now-largest-investor-in-new-african-business-projects-meida-1069884893.html>

¹³ Masdar to Develop 5 GW of Renewable Energy Projects to Advance Africa’s Clean Energy Objectives. Masdar. Retrieved February 24, 2025, from <https://masdar.ae/en/news/newsroom/masdar-to-develop-5-gw-of-renewable-energy-projects>

¹⁴ Masdar and EDF Group conclude shareholder agreement to establish energy services company. Masdar. Retrieved February 23, 2025, from <https://masdar.ae/en/news/newsroom/masdar-and-edf-group-conclude-shareholder-agreement-to-establish-energy-services-company>.

¹⁵ Noor Midelt Solar Complex Project — Phase I: Project Appraisal Report. African Development Bank. Retrieved February 23, 2025, from <https://www.afdb.org/en/documents/document/morocco-noor-midelt-solar-complex-project-phase-i-noorm-i-and-noorm-ii-solar-plants-appraisal-report-109576>

and technological expertise in developing such hybrid energy systems. Additionally, it allows them to test the financial viability of the model without depleting their own valuable resources in the process.

Qatar is actively expanding its presence in Africa by developing joint projects in the conventional energy sector. Since 2019, QatarEnergy company has been developing two oil and gas fields in Namibia, holding more than a 30% stake in each joint venture. Additionally, in 2023, QatarEnergy acquired a 40% stake in an offshore development project in Mauritania, with 50% remaining with Shell and 10% held by Mauritania. QatarEnergy's key competitive advantage lies in its expertise in offshore gas extraction, as it operates the world's largest offshore gas field, North Field (North Dome), which is located in Qatar and developed by QatarEnergy.

The UAE is also investing in fossil fuels. In May, Abu Dhabi National Oil Company (ADNOC) acquired a 10% stake in the Rovuma gas basin in Mozambique, purchasing a portion of the concession from the Portuguese energy company Galp for approximately \$650 million¹⁶. This concession is shared among several stakeholders: South Korea's Kogas (10%), Italy's Eni (50%), China's CNPC (20%), and the remaining share belongs to Mozambique's national oil company ENH¹⁷. Under the terms of the agreement, ADNOC secures a 10% stake in the Coral South plant — the world's second-largest and third-of-its-kind offshore LNG facility — as well as a stake in the Rovuma LNG terminal, which is part of Mozambique's broader LNG infrastructure. For both Mozambique and the UAE, this marks their first contract of this kind, highlighting a new phase of energy cooperation between the two countries.

Egypt also plays a key role in the energy strategy of GCC countries. In 2021, a project was announced to interconnect the electricity grids of Egypt and Saudi Arabia, involving the construction of high-capacity transmission lines aimed at transforming Egypt into a regional energy hub¹⁸. The project, valued at \$1.8 billion, will be implemented within the framework of economic and political agreements between Egypt and Saudi Arabia. This initiative reflects a strategic effort to enhance energy distribution stability, laying the groundwork for expanded cooperation in the energy sector.

Despite their strong push for renewable energy, GCC states are simultaneously expanding their presence in Africa's fossil fuel sector, reflecting a balanced energy strategy that acknowledges the continued global demand for oil and gas. Gulf investors accelerate green energy projects, they are also locking in long-term fossil fuel contracts, ensuring their energy dominance through a diversified investment portfolio.

¹⁶ ADNOC to acquire 10% equity stake in major LNG development in Mozambique. ADNOC. Retrieved February 23, 2025, from <https://www.adnoc.ae/en/news-and-media/press-releases/2023/adnoc-to-acquire-10-equity-stake-in-major-lng-development-in-mozambique>

¹⁷ Coral South Project. Eni. Retrieved February 23, 2025, from <https://www.eni.com/en-IT/actions/global-activities/mozambique/coral-south.html>

¹⁸ Egypt-Saudi electricity interconnection project. International Energy Agency. Retrieved February 23, 2025, from <https://www.iea.org/policies/14291-egypt-saudi-electricity-interconnection-project>

Infrastructure. In 2023, the Emirati company Dubai Port World — one of the world’s largest port operators — secured port concessions in Tanzania — port Dar es Salaam and the Democratic Republic of the Congo — Banana port¹⁹. These agreements, each spanning 30 years, aim to modernize port facilities and integrate them into DP World’s existing global logistics network. Notably, 51% of the Dar es Salaam port company is owned by Rusatom Cargo, a subsidiary of Russia’s state corporation Rosatom, which is involved in the development of container logistics under the Northern Sea Route project. This highlights broader international interest in Africa’s logistics sector, positioning key ports as critical nodes for global trade expansion and supply chain optimization²⁰.

Saudi Arabia has been actively strengthening its economic and trade relations with Kenya, referring to the country as “the gateway to Africa.” The Kingdom has been investing in port and trade cooperation since 2011, when the Saudi Fund for Development (SFD) approved a \$61 million loan for the construction of a 146 km road between Nuno and Modogashe cities²¹. Moreover, Saudi Arabia is one of Kenya’s main oil suppliers, but the global shift towards renewable energy sources has led to a focus on reducing pollution from fossil fuels. For more than eight years, Saudi Arabia has been implementing large-scale renewable energy projects and is an expert in developing these energy programs²². Since 2019, the Saudi Fund for Development has been investing in Kenya’s infrastructure, and it also plays a role in the “Big Four” initiative, which focuses on food security, affordable housing, job creation in the manufacturing sector, and accessible healthcare for Kenya²³.

Mainly Saudi Arabia is also interested in a presence in Djibouti. So, in July 2024, Ajyal Petroleum and Energy Company, a subsidiary of Al Dossary Group, one of Saudi Arabia’s largest construction conglomerates, began construction of a new oil refinery in Djibouti Damerjog International Park. This project is part of Saudi Logistics City, a 120,000-square-meter free economic zone within Djibouti’s port, secured under a 92-year concession²⁴. The Port Free Zone is envisioned as a key industrial and export platform, facilitating Saudi goods’ distribution deeper into Africa. Djibouti itself holds significant potential as a port hub and is already integrated into China’s

¹⁹ DP World and Democratic Republic of the Congo sign final agreement to develop Banana Port. DP World. Retrieved February 23, 2025, from <https://www.dpworld.com/news/releases/dp-world-and-democratic-republic-of-the-congo-sign-final-agreement-to-develop-banana-port/>

²⁰ Rosatom and DP World set up JV to transport containers along the Northern Sea Route. Rough polished. Retrieved February 23, 2025, from <https://rough-polished.expert/en/arctic/133951.html>

²¹ Saudi Arabia loans Kenya Sh1.6b for road construction. Standard Media. Retrieved February 23, 2025, from <https://www.standardmedia.co.ke/business/business/article/2000043349/saudi-arabia-loans-kenya-sh1-6b-for-road-construction>

²² Commentary by Andrey N. Surkov. Getting out from under the influence of the West: why Saudi Arabia is better for Kenya than Britain. Tsargrad. Retrieved February 23, 2025 from https://africa.tsargrad.tv/articles/vyjti-iz-pod-vlijanija-zapada-pochemu-dlja-kenii-saudovskoj-araviej-chem-s-britanijej_898765

²³ Saudi Fund for Development to invest in the Big Four. Uzalendo News. Retrieved February 23, 2025 from <https://uzalendonews.co.ke/saudi-fund-for-development-to-invest-in-the-big-four/>

²⁴ Saudi Arabia expands footprint in Djibouti with major investment projects. Capital Ethiopia. Retrieved February 23, 2025, from <https://capitalethiopia.com/2024/07/01/saudi-arabia-expands-footprint-in-djibouti-with-major-investment-projects/>

Belt and Road Initiative as a transshipment center for Chinese goods. Additionally, Djibouti's strategic location near the Bab el-Mandeb Strait, a critical global maritime chokepoint connecting the Red Sea, the Gulf of Aden, and the Indian Ocean, enhances its importance for international trade and logistics. Saudi Arabia aims to leverage Djibouti's position to strengthen its penetration into African markets, further solidifying its role as a regional trade and logistics powerhouse.

All these projects support the idea of the Middle East/Africa corridor in their own way²⁵. This is especially noticeable in comparison with the formation of the Chinese "Belt and Road Initiative" strategy, which, among other things, is aimed at developing countries with advantageous export opportunities.

Agricultural sector. Food security forms an important aspect of the economic policy of the Gulf Cooperation Council countries. As a result of the agricultural prospects of the area, Saudi Arabia and Al Qudra Agricultural of the United Arab Emirates have made significant investments in farm projects located in Kenya and South Africa, for the purpose of making regular food supplies available to the Gulf countries. UAE is now the largest investor in African projects, particularly environmentally friendly projects, following the drop in Western investments. UAE companies have invested a total of \$110 billion in Africa between 2019 and 2023, of which \$72 billion was for sustainable agriculture technology and renewable energy technologies²⁶.

Over the past 10 years, Al Qudra Agricultural has been acquiring farmland in Sudan (see fig. 1), securing agricultural production for the UAE. By 2024, the company owns 136.8 million hectares of arable land, reinforcing its long-term strategy for stable food supply chains. These investments integrate sustainable farming technologies, enhancing Africa's agricultural productivity while contributing to improved food security across the continent.

Thus, traditional cooperation between GCC countries and Africa continues and is developing, taking into account trends in sustainable land use. This cooperation benefits everyone: GCC countries receive food, and African countries gain access to technologies that are not available on fertile land.

Conclusion

The investment strategy pursued by Gulf Cooperation Council countries in Africa is a multi-faceted program that aims to establish long-term benefits for both investors and African countries. By focusing on the priority economic sectors, GCC countries leverage their significant financial reserves and strategic partnerships to secure strategic assets, expand commercial footholds, and promote regional economic balance. The investment policy model is summarized in table.

²⁵Middle East and Africa corridor: The perfect partnership for funding Africa's growth. White case. Retrieved February 23, 2025, from <https://www.whitecase.com/insight-our-thinking/africa-focus-winter-2022-middle-east-and-africa-corridor>

²⁶UAE is Now Largest Investor in New African Business Projects: Media. Sputnik. Retrieved February 23, 2025, from <https://en.sputniknews.africa/20241225/uae-is-now-largest-investor-in-new-african-business-projects-meida-1069884893.html>

Investment Strategy Model of GCC Countries in Africa

Sector of outward investment	Economic interests of investors	Implementation mechanism
Mining industry	ensuring access to strategic metals and critical minerals	acquisition of assets, long-term contracts, debt restructuring in exchange for resources
Energy	development of renewable and traditional energy, ensuring energy security	investments in solar and hydrogen energy, oil and gas extraction, energy grid development
Infrastructure	control of key logistics hubs and ports to expand trade routes	acquisition of ports and economic zones, development of transport corridors, participation in logistics projects
Agriculture	ensuring food security and developing sustainable agriculture	purchase of farmland, implementation of agricultural technologies, development of food supply chains

Source: compiled by A.N. Surkov.

In the view of African countries, cooperation with Arab counterparts holds out the prospect of speeding up the development of its strategic sectors of energy, agriculture, and transportation. In addition, the cooperation emphasizes technology transfer and human resource development that could be a decisive element in propel Africa's long-term growth as well as enhancing its future competitiveness.

Africa is not only a source of raw materials but also an emerging strategic economic partner for the GCC countries, with the promise of win-win relationships. Moreover, the GCC countries can serve as a model for diversifying oil revenues and investing them in promising economic sectors in Africa. This assertion is particularly applicable to oil-supplying countries like Nigeria, which is famed for having one of the largest economies in Africa and the most populous. The increasing involvement of the UAE and Saudi Arabia in the African mining sector is more than just the procurement of resources; it is a comprehensive strategy aimed at economic restructuring as well as enhancement of global hegemony. Through the establishment of long-term mining contracts and tying them to debt rescheduling programs, the Gulf states are placing themselves as key players in the global mineral supply chain, thus aiding in the stability of the region. Furthermore, African infrastructure development gives the states the ability to play a stronger role in this geopolitically significant region at the global stage.

References

- Alibrahim, N.F. (2024). Diversifying investments in Gulf countries to mitigate financial risks from oil price volatility: A case of Kuwait. *Asian Journal of Finance and Accounting*, 16(2), 14–34. <https://doi.org/10.5296/ajfa.v16i2.18987>
- Andronova, I.V., Haabazoka, L., & Kasonde, A.M. (2024). Impact of foreign direct investment in the agricultural sector on the socio-economic development of Zambia Republic. *RUDN Journal of Economics*, 32(3), 536–554. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2313-2329-2024-32-3-536-554> EDN: OTCWOR

- Baluga, I.M.A. (2005). Migrations and trade caravans across the Sahara and their impact on the spread of Islam and Islamic civilization. *Islamic African Center, Africa International University. Da'wa Studies*, (9), 64–98. (In Arabic).
- Barrowclough, D.V. (2022). South-south financial integration: New directions in the global economy. In: Vernengo, M., Caldentey, E.P., Rosser Jr, B.J. (eds) *The New Palgrave Dictionary of Economics*. Palgrave Macmillan, London. https://doi.org/10.1057/978-1-349-95121-5_3138-1
- Bataya, A.A. (2019). The history of ancient settlement in the Gulf of Aden. *Aden Center for Historical Studies*. 2. URL: <https://aden.center/articles/2394> (In Arabic).
- Dembele, M. (2023). Modernization of Mali's investment policy in the context of improving the sustainable development strategy. *RUDN Journal of Economics*, 31(4), 668–686. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2313-2329-2023-31-4-668-686> EDN: SNURJT
- Diarra, S., Girinsky, A.V. (2024). Interconnection between globalization and foreign direct investment in Africa. *RUDN Journal of Economics*, 32(3), 555–569. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2313-2329-2024-32-3-555-569> EDN: ONKXNK
- Frame, M.L. (2014). Foreign investment in African resources: The ecological aspect to imperialism and unequal exchange. *Electronic Theses and Dissertations*. URL: <https://digitalcommons.du.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1206&context=etd>
- Kondratiev, V.B. (2023). China in global mining industry. *Russian Mining Industry*, (3), 78–87. (In Russ.). <https://doi.org/10.30686/1609-9192-2023-3-78-87> EDN: HWVKSA
- Krane, J. (2023). The economic statecraft of the Gulf Arab States. *Bustan: Middle East Book Review*, 14(2), 213–218. <https://doi.org/10.5325/bustan.14.2.0213>
- Krylov A., & Fedorchenko A. (2022). Middle east in the face of old problems and new challenges. *World Economy and International Relations*, 66(3), 33–43. (In Russ.). <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2022-66-3-33-43> EDN: JPSYPE
- Momani, B., & Legrenzi, M. (2016). *Shifting Geo-Economic Power of the Gulf*. London: Routledge. <https://doi.org/10.4324/9781315608976>
- Moyo, S., Jha, P., Yeros, P. (2019). *The Scramble for Land and Natural Resources in Africa*. 3–30. Springer, Singapore. https://doi.org/10.1007/978-981-10-5840-0_1

Bio notes / Сведения об авторах

Andrey N. Surkov, Phd student of International economic relations department, assistant of the Department of Regional Economics and Geography of the Faculty of Economics, RUDN University, 6 Miklukho-Maklaya st., Moscow, 117198, Russian Federation. ORCID: 0009-0002-5732-6581. SPIN-code: 1034-2608. E-mail: surkov_an@pfur.ru

Сурков Андрей Николаевич, ассистент кафедры региональной экономики и географии, аспирант кафедры международных экономических отношений, экономический факультет, Российский университет дружбы народов, Российская Федерация, 117198, Москва, Россия, ул. Миклухо-Маклая, д. 6. ORCID: 0009-0002-5732-6581. SPIN-код: 1034-2608. E-mail: surkov_an@pfur.ru

Jami B. Chiniev, Ph.D. in Economic Science, Economist, International monetary fund, Resident Representative Office of the IMF in the Republic of Tajikistan, 38 Rudaki Avenue, bldg. 1, Dushanbe, 734000, Tajikistan. ORCID: 0009-0002-8854-7555. SPIN-code: 6043-6061. E-mail: JChiniev@imf.org

Чиниев Джами Бадридинович, кандидат экономических наук, экономист, Постоянное Представительство МВФ в Республике Таджикистан, Таджикистан, Душанбе, 734000, Проспект Рудаки, д. 38/1. ORCID: 0009-0002-8854-7555. SPIN-код: 6043-6061. E-mail: JChiniev@imf.org

DOI: 10.22363/2313-2329-2025-33-2-258-269

EDN: BBXZTR

УДК 336:336.7:339.7

Научная статья / Research article

Мировой рынок сукук: анализ текущего состояния и особенностей развития

А.П. Чигринская *Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва, Российская Федерация*✉ achigrinskaya@fa.ru

Аннотация. Цель исследования — изучение текущего состояния и особенностей развития мирового рынка сукук в разрезе национальных рынков, его составляющих. Для определения границ области исследования и более глубокого анализа были определены крупнейшие рынки сукук, находящиеся в таких странах, как Малайзия, Индонезия, Иран, Саудовская Аравия, Объединенные Арабские Эмираты, Турция, Катар. Рынки указанных стран были исследованы с позиции сроков сукук, валюты номинала, видов эмитентов, их выпускающих (как в отраслевом разрезе, так и в разрезе секторов (государственного и корпоративного)) и торговых площадок, на которых осуществляется их обращение. Проведенный анализ позволил сделать вывод о том, что по разным критериям выделяется свой список лидеров и аутсайдеров и эти списки не совпадают. При этом в ходе анализа по каждому критерию наблюдались страны, ситуация с сукук в которых радикальным образом отличалась от основной группы стран. Основным источником статистической информации для проведения расчетов стало информационное агентство Sbonds.

Ключевые слова: государственные ценные бумаги, корпоративные ценные бумаги, Малайзия, Индонезия, Иран, Саудовская Аравия, ОЭА, Турция, страны Персидского залива, страны Юго-Восточной Азии

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 15 сентября 2024 г.; доработана после рецензирования 20 ноября 2024 г.; принята к публикации 10 февраля 2025 г.

Для цитирования: Чигринская А.П. Мировой рынок сукук: анализ текущего состояния и особенностей развития // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика. 2025. Т. 33. № 2. С. 258–269. <https://doi.org/10.22363/2313-2329-2025-33-2-258-269>

© Чигринская А.П., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Global sukuk market: analysis of the current state and development features

Alexandra P. Chigrinskaya

Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

✉ achigrinskaya@fa.ru

Abstract. The aim of this research is to study the current state and development features of the global sukuk market in the context of national markets included in its composition. The largest sukuk markets located in Malaysia, Indonesia, Iran, Saudi Arabia, United Arab Emirates, Turkey and Qatar were identified in order to delimit the research area for a more in-depth analysis. The markets of the specified countries were examined from the perspective of the sukuk terms, the currency of the denomination, types of issuers (both by industry and by sector (sovereign and corporate)), trading platforms they are circulated on. The analysis allowed us to conclude that according to different criteria, a list of leaders and outsiders is distinguished and these lists do not coincide. At the same time, there were countries whose situation with sukuk was radically different from the main group of countries during the analysis for each criterion. The information agency Cbonds was the main source of countries statistical information for calculations.

Keywords: sovereign securities, corporate securities, Malaysia, Indonesia, Iran, Saudi Arabia, UAE, Turkey, Persian Gulf countries, Southeast Asian countries

Conflicts of interest. The author declares that he has no conflict of interests.

Article history: received 15 September 2024; revised 20 November 2024; accepted 10 February 2025.

For citation: Chigrinskaya, A.P. (2025). Global sukuk market: analysis of the current state and development features. *RUDN Journal of Economics*, 33(2), 258–269. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2313-2329-2025-33-2-258-269>

Введение

В связи с происходящими в последние годы процессами переориентации российской финансовой системы с западных рынков на другие, менее подверженные санкционному влиянию, а также в связи с общим увеличением значимости стран Персидского залива в мировой финансовой системе (Кувейт и Катар утрачивают статус развивающихся рынков по версии JP Morgan), особую актуальность приобретает изучение особенностей финансовых рынков арабских стран и стран Юго-Восточной Азии и инструментов, на них обращающихся (в т.ч. базирующихся на нормах шариата). Еще одна причина актуальности исследования — проводимый на территории 4 субъектов РФ эксперимент по внедрению партнерского финансирования, включающий в себя элементы исламского банкинга и финансов. В связи с этим изучение опыта стран мусульманского мира в части привлечения капитала посредством такого финансового инструмента как сукук представляется полезным.

Рынок сукук представляет собой небольшой сегмент мирового рынка долговых ценных бумаг, вместе с тем его доля постепенно увеличивается. Рынок стабильно растет на протяжении последних 10–15 лет. По оценкам информационно-аналитических агентств совокупный объем глобального рынка сукук на начало 2025 г. превышает 800 млрд долларов в обращении, а ежегодный объем новых выпусков колеблется в районе 350...400 млрд долларов¹. Главным драйвером мирового рынка сукук исторически выступает Малайзия, значительный вес в развитие рынка вносят такие страны как Саудовская Аравия, Иран, Индонезия, Турция и ОАЭ. До сих пор малазийское законодательство и практика являются образцом, который используют другие страны, в т.ч. бывшего СССР (Нагимова, 2021, 2023), но со временем доля Малайзии в мировом рынке сукук снижается, что требует более пристального внимания к особенностям других стран.

Методы исследования и литература

Методологическую базу исследования составили следующие методы: сравнение и ретроспектива, индукция и дедукция, анализ и синтез. В качестве основного источника статистической информации стало информационное агентство Cbonds, данные которого в страновом разрезе были использованы для расчетов. Проведенный анализ полученных в ходе расчетов результатов позволил оценить текущее состояние мирового рынка сукук в разрезе 8 показателей, а также сделать вывод об отсутствии единообразия как с позиции количественных, так и качественных показателей.

Исследование публикаций различных авторов по теме сукук позволило определить особенности развития сукук по странам, а также выявить недостаточную глубину изученности темы. Одним из самых хорошо изученных рынков сукук является рынок Малайзии, которому посвящены эмпирические (Godlewski, Turk-Ariss, Weill, 2011) и правовые (Джауида, Чафия 2023) исследования. Это связано как с длинной историей рынка сукук в Малайзии, так и с его большими объемами. Анализом рынка сукук занимались как российские, так и зарубежные авторы. Часть из них (Горбачева, 2024; Данченко, Калашкин, 2020; Дерзаева, 2023, 2024; Далал, 2018; Умаров, 2020; Wilson, 2008) освещали в своих исследованиях экономическую природу сукук и возможности отнесения данного инструмента к облигациям. Так, например, Wilson (Wilson, 2008) отказывается инструменту в специфичности (Wilson, 2008), в то время как Дерзаева, наоборот, указывает, что определение сукук как облигации, выпущенной по исламским принципам, слишком узко (Дерзаева, 2023, 2024). По мнению Далал, подтвердить своеобразие инструмента можно, доказав «связь с реальной экономической деятельностью и независимость от ставки процента» (Далал, 2018). Другие исследователи обращали внимание на растущую популярность сукук за пределами исламского мира (Godlewski, Sakir). Так, например, Godlewski связывал указанную популярность

¹ Сукук // Информационный портал «Cbonds». URL: <https://cbonds.ru/sukuk/> (дата обращения: 18.08.2024).

с желанием Запада получить доступ к финансовым ресурсам мусульманских стран (Cakir, Raei, 2007; Doaei, Dehnad, 2024; Godlewski, Turk-Ariss, Weill, 2011; Miller, Challoner, Atta, 2007). Cakir указывал на то, что причина в специфике инструмента, который позволяет лучше управлять рисками портфеля (Cakir, Raei, 2007).

Сукук представляет собой особый вид долгового инструмента, выпущенного согласно нормам шариата. Эмиссия сукук сосредоточена в основном в мусульманских странах (главным образом в странах Персидского залива, Юго-Восточной Азии), хотя единичные случаи выпуска сукук наблюдаются в странах Западной Европы (Франция, Великобритания, Германия, Люксембург, Ирландия, Финляндия), США, ЮАР и Казахстане. Отдельно стоит отметить страны Африканского континента, которые также прибегают к выпуску сукук. К ним относятся Египет, Тунис, Гамбия, Нигерия, Того, Сенегал, Танзания. На фоне перечисленных стран Африки выделяется Гамбия, в которой по состоянию на начало 2025 г. было размещено 82 выпуска государственных сукук, что по количеству сопоставимо с лидером мирового рынка государственных исламских облигаций — Ираном (с 99 выпусками сукук). Однако, стоит отметить, что несмотря на значительное количество выпусков в Гамбии, совокупный объем привлеченных за счет них средств — незначительный, он в 1000 раз ниже, чем в Иране.

С позиции объема привлеченных средств существенная доля выпусков сукук в мусульманских странах приходится на суверенные (государственные) размещения, корпоративные выпуски доминируют только в Малайзии, ОАЭ и Кувейте (рис. 1). При этом самый значительный разрыв между государственным и корпоративным сегментом рынка в пользу первого наблюдается в Индонезии, Иране и Турции. Так, на долю государственных сукук приходится 92, 86 и 83 % общего рынка каждой страны (соответственно).

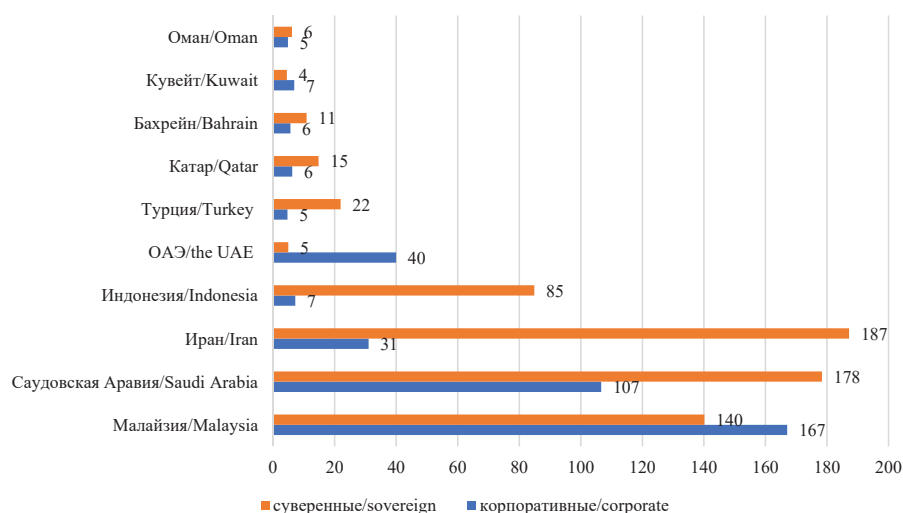

Рис. 1. Объем выпущенных сукук, млрд долл. США

Источник: составлено А.П. Чигринской по данным Cbonds.ru по состоянию на конец февраля 2025 г.

Figure 1. Volume of issued sukuk, USD billion

Source: compiled by A.P. Chigrinskaya based on data from Cbonds.ru as of the end of February 2025.

Анализ рис. 1 показывает, что корпоративные выпуски сукук серьезно доминируют лишь в ОАЭ (составляя почти 89 % всего рынка сукук этой страны), а в таких странах как Малайзия и Оман они сопоставимы по объемам с государственными выпусками. Во всех остальных рассмотренных странах наибольший совокупной объем выпусков приходится на государственный сектор.

Вместе с тем, если анализировать рынок с позиции количества осуществленных выпусков сукук, а не объемов, привлеченных в ходе их размещения средств, то ситуация выглядит иначе — в большинстве исследованных стран (рис. 2) лидирует корпоративный сектор (исключением является лишь Катар). Такое положение свидетельствует о том, что корпоративные выпуски являются незначительными по объему, поэтому несмотря на свое доминирующее положение в количественном выражении, они существенно уступают государственным сукук по объему рынка.

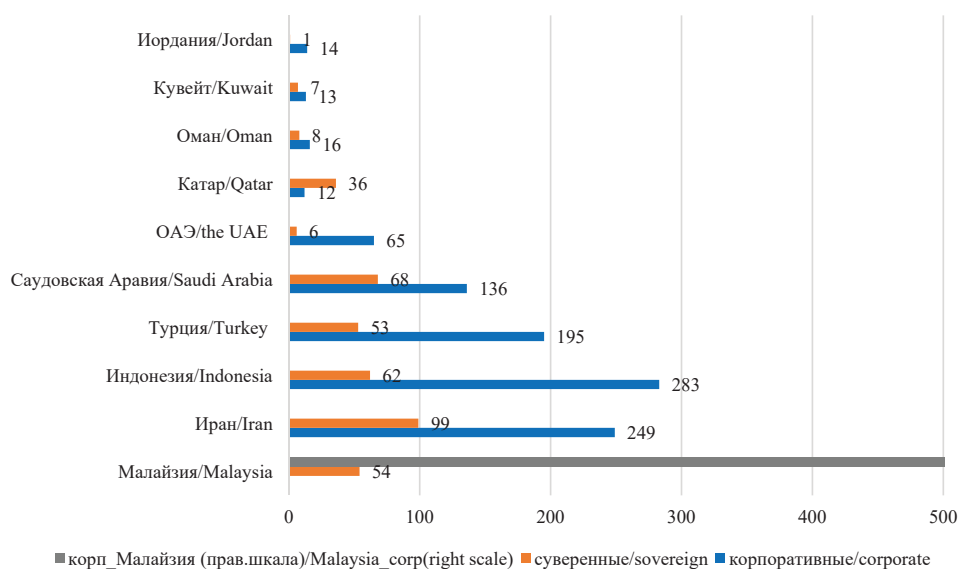

Рис. 2. Количество выпусков сукук, шт.

Источник: составлено А.П. Чигринской по данным Cbonds.ru по состоянию на конец февраля 2025 г.

Figure 2. Number of sukuk issues, pcs

Source: compiled by A.P. Chigrinskaya based on data from Cbonds.ru as of the end of February 2025.

Малайзия на протяжении долгого периода занимает первое место в мире как по совокупному количеству, так и по совокупному объему выпущенных сукук. Однако по последнему показателю по состоянию на начало 2025 г. к ней существенно приблизились Саудовская Аравия и Иран с долей 27 и 21 % соответственно (рис. 3). (На три указанные страны приходится около 77 % общего объема мирового рынка сукук). Вместе с тем, по совокупному количеству выпусков Малайзия остается непревзойденным лидером с долей 61 % от количества всех выпусков сукук в мире (рис. 4). С большим отрывом от нее по этому показателю идут Иран (9 %), Индонезия (9 %), Турция (6 %) и Саудовская Аравия (5 %).

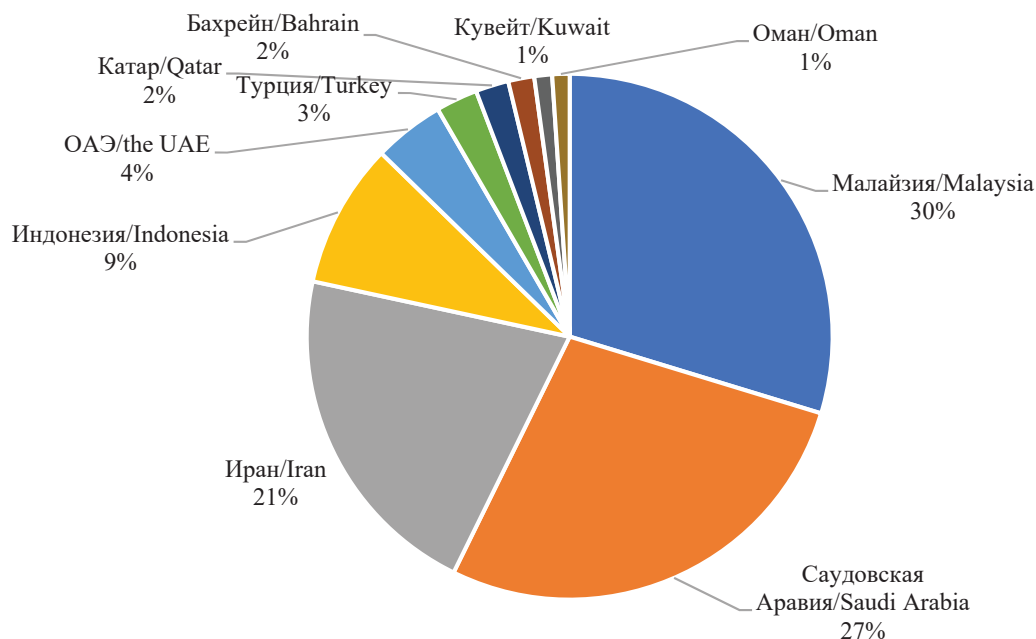

Рис. 3. Доля крупнейших национальных рынков в общем объеме мирового рынка сукук, %
 Источник: составлено А.П. Чигринской по данным Cbonds.ru по состоянию на конец февраля 2025 г.

Figure 3. Share of the largest national markets in the total volume of the global sukuk market, %
 Source: compiled by A.P. Chigrinskaya based on data from Cbonds.ru as of the end of February 2025.

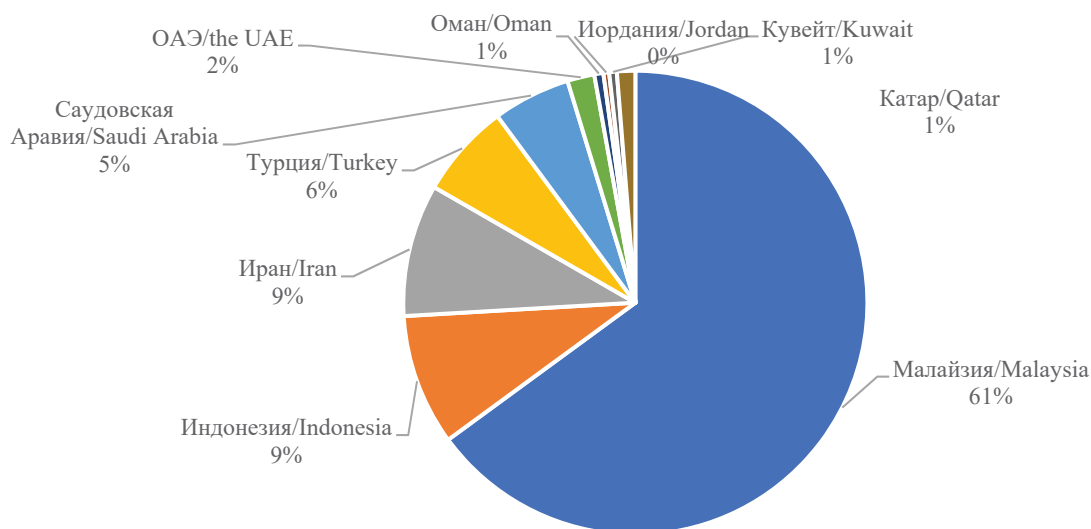

Рис. 4. Доля крупнейших национальных рынков в общем количестве мировых выпусков сукук, %
 Источник: составлено А.П. Чигринской по данным Cbonds.ru по состоянию на конец февраля 2025 г.

Figure 4. Share of the largest national markets in the total number of global sukuk issues, %
 Source: compiled by A.P. Chigrinskaya based on data from Cbonds.ru as of the end of February 2025.

Проведенный выше анализ позволяет выделить следующие страны, занимающие существенные позиции на мировом рынке сукук и представляющие в связи с этим большой интерес: Малайзия, Иран, Индонезия, Саудовская Аравия и Турция. Проанализируем рынки этих стран подробнее.

С позиции вторичного обращения сукук рассматриваемых стран отметим, что в Иране, Индонезии и Турции данные ценные бумаги в своем большинстве допущены к торгам на местных биржах. При этом в Иране доля таких бумаг составляет 100 %. В Индонезии 85 % выпусков имеют листинг на Индонезийской бирже, остальные выпуски не обращаются на организованном рынке. В Турции этот показатель составляет 81 %, при этом несколько выпусков обращаются на таких европейских биржах, как Лондонская и Ирландская. Важно отметить, что в ОАЭ ситуация радикально противоположная — 80 % выпусков эмитентов торгуются за пределами национального рынка (так же на Лондонской и Ирландской фондовых биржах). В Саудовской Аравии сукук примерно в равной степени торгуются как в стране, так и за ее пределами (на Ирландской фондовой бирже, Фондовой бирже Каймановых островов, а также на НАСДАК Дубай). Большая часть выпусков Малайзии не имеет вторичного обращения на организованном рынке, а те, что торгуются — делают это в основном на внебиржевом организованном рынке (OTC market).

Относительно валюты заимствования отметим, что в четырех из шести рассматриваемых стран (Иран, Индонезия, Турция, Малайзия) сукук по большей части номинированы в национальной валюте, а в долларах США — незначительная часть (табл. 1). При этом в ОАЭ ситуация отличается кардинально: 94 % выпусков сукук номинированы в долларах США, что подчеркивает ориентацию данных инструментов на иностранные рынки и зарубежных инвесторов. В Саудовской Аравии примерно половина выпусков номинирована в национальной валюте и примерно половина — в долларах США. Кроме того, в отличие от других исследуемых стран, в Саудовской Аравии есть выпуски в евро (3 %). В то же время в Индонезии и ОАЭ есть по одному выпуску, номинированному в малазийском ринггите.

Анализ выпусков сукук в разрезе по отраслям экономики исследуемых стран позволил выявить, что в четырех из шести стран лидирует финансовый сектор (см. табл. 1): в Турции, Саудовской Аравии, ОАЭ, Малайзии. В оставшихся двух странах (Иране и Индонезии) — реальный сектор. При этом на общем фоне значительно выделяется Турция, доля выпусков финансового сектора которой составляет почти 80 %. За ней следуют Саудовская Аравия и ОАЭ с 59 и 43 % соответственно. В Малайзии финансовый сектор хоть и является лидером, но на его долю приходится лишь 27 % выпусков сукук, что связано с популярностью сукук в разных отраслях экономики данной страны. Помимо сказанного выше о концентрации выпусков сукук в одном конкретном (финансовом) секторе стоит отметить, что есть страны, где сукук сконцентрированы в нескольких отраслях экономики, на долю которых приходится основная масса выпусков сукук. Так, в Иране на долю 3 промышленных отраслей (химическая и нефтехимическая промышленность, черная металлургия, прочее машиностроение и приборостроение) приходится около 80 % всех выпусков сукук.

**Структура выпусков сукук в разрезе показателей /
Sukuk structure issues by indicators**

Показатель / Indicator	Иран / Iran	Малайзия / Malaysia	Индонезия / Indonesia	Турция / Turkey	Саудовская Аравия / Saudi Arabia	ОАЭ / the UAE
Доля выпусков сукук, номинарованных в национальной валюте, % / Sukuk issues share denominated in local currency, %	100	99	98	97	47	5
Доля сукук, выпущенных финансовым* сектором, % / Share of sukuk issued by the financial* sector, %	0	27	18	79	59	43

Примечание. * Включая банки и прочие финансовые институты.

Note. * Including banks and other financial institutions.

Источник: рассчитано А.П. Чигринской по данным Cbonds.ru по состоянию на конец февраля 2025 г.

Source: calculated by A.P. Chigrinskaya based on Cbonds.ru data as of the end of February 2025.

С позиции отраслевого разнообразия использования сукук как инструмента привлечения финансирования стоит отметить, что лидирует Иран (30 отраслей), за ним следует Индонезия (25 отраслей) и Малайзия (20 отраслей). Аутсайдером по этому показателю является Турция, в которой сукук используются субъектами из 6 отраслей экономики. Однако, несмотря на значительное отраслевое разнообразие в указанных странах, только в Индонезии и Малайзии выпуски сукук относительно равномерно распространены по отраслям и отсутствует концентрация (выше 20 % на отрасль). В то время как в Иране выпуски сукук сосредоточены в основном в трех сферах (о чем речь шла выше).

Исследование сроков, на которые выпускаются сукук, позволяет определить, что во многих странах подавляющее большинство как государственных, так и корпоративных сукук выпускается на долгий срок (свыше 5 лет). Речь о таких странах, как Малайзия, Индонезия, Саудовская Аравия, а также ОАЭ в части корпоративных сукук (табл. 2). Максимальный срок, на который выпущены государственные сукук, — 30 лет — зафиксирован в Индонезии, Малайзии и Саудовской Аравии. По корпоративным сукук максимальный срок — 99 лет в Малайзии, в то время как в Саудовской Аравии максимальный срок составил 50 лет.

**Сроки², на которые выпущены сукук в разрезе стран /
Sukuk maturities² by country**

Показатель / Indicator	Иран / Iran	Малайзия / Malaysia	Индонезия / Indonesia	Турция / Turkey	Саудовская Аравия / Saudi Arabia	ОАЭ / the UAE
Доля выпусков государственных сукук, % / Share of sovereign sukuk issues, %						
На срок свыше 5 лет / for a period exceeding 5 years	6	89	77	21	99	50
На срок от 1 года до 5 лет / for a period of 1 to 5 years	93	4	16	79	1	50
На срок 1 год и меньше / for a period of 1 year or less	1	7	6	—	—	—
Доля выпусков корпоративных сукук, % / Share of corporate sukuk issues, %						
На срок свыше 5 лет / for a period exceeding 5 years	16	87	61	3	76	72
На срок от 1 года до 5 лет / for a period of 1 to 5 years	84	11	37	26	24	25
На срок 1 год и меньше / for a period of 1 year or less	—	2	1	71	—	3

Источник: рассчитано А.П. Чигринской по данным Cbonds.ru по состоянию на конец февраля 2025 г.
Source: calculated by A.P. Chigrinskaya based on Cbonds.ru data as of the end of February 2025.

На общем фоне выделяются Иран и Турция, поскольку в Иране самым популярным сроком, на который выпускаются как государственные, так и корпоративные сукук, является период от 1 до 5 лет (среднесрочные ценные бумаги). В Турции государственные сукук выпускаются в основном также на средний срок, а корпоративные — на срок меньше года. Причина популярности коротких и средних сроков сукук в Турции — высокая инфляция, наблюдающаяся в стране.

Заключение

Исследование мирового рынка сукук позволило сделать следующие выводы относительно его текущего состояния и особенностей развития. Среди эмитентов сукук встречаются не только страны Персидского залива и страны Юго-Восточной Азии, но и страны Африканского континента, Западной Европы, а также США, Турция, Казахстан. Анализ национальных рынков по разным критериям показал, что отсутствует единообразие в текущем состоянии рынков, их структуре и ключевых характеристиках самих исследуемых инструментов. А особенности развития национальных рынков сукук напрямую связаны с состоянием экономик исследуемых стран, в т.ч. степени их открытости. Так, например, иранский рынок является примером глубоко национального рынка, сконцентрированного на внутренней экономике, о чем свидетельствует использование национальной валюты в качестве единственно возможного номинала сукук, а также иранских бирж как единственного места обращения сукук национальных эмитентов. В то время как рынок ОАЭ, напротив, полностью ориентирован во вне: значительная часть сукук обращается на европейских биржах, а основной валютой номинала выступает доллар США.

Список литературы

- Горбачева Т.А. Развитие индустрии исламских финансовых услуг в условиях глобальных рисков // *Мировая экономика и мировые финансы*. 2024. Т. 3. № 5. С. 71–78. <https://doi.org/10.24412/2949-6454-2024-0460> EDN: PGTAOJ
- Джауида Б., Чафия К. Анализ реальности и важности выпуска исламских сукук в Малайзии // *Вестник Университета*. 2023. № 9. С. 185–199. <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2023-9-185-199> EDN: JYKIFT
- Далал А. Факторы формирования цены сукук: эконометрический анализ // *Азия и Африка Сегодня*. 2018. № 4 (729). С. 25–31. <https://doi.org/10.7868/S0321507518040049> EDN: YVNEOQ
- Данченко Е.А., Калашиник Н.А. Исламская ценная бумага сукук как альтернатива классической облигации // *Инновационный потенциал банковской деятельности : сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. студентов, аспирантов, магистрантов, практических специалистов и молодых ученых*. Ростов-на-Дону, 2020. С. 297–309. EDN: UGZXJF
- Дерзаева Г.Г. Обзор Стандарта Управления № 12 «Управление Сукуком» // *Научные труды Центра перспективных экономических исследований*. 2023. № 24. С. 40–46. EDN: PMWEDX
- Дерзаева Г.Г. Сукук как инструмент финансирования в условиях антироссийских санкций // *Экономическая безопасность*. 2024. Т. 7. № 11. С. 2855–2872. <https://doi.org/10.18334/ecsec.7.11.122181> EDN: SBOUIL
- Нагимова А.З. Исламские рынки капитала: пример сукук // *Мировая экономика и международные отношения*. 2023. Т. 67. № 4. С. 81–91. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2023-67-4-81-91> EDN: MLPQRO
- Нагимова А.З. Исламский капитал в экономике Казахстана // *Мировая экономика и международные отношения*. 2021. Т. 65. № 2. С. 100–108. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2021-65-2-100-108> EDN: FNBIUH

- Умаров Х.С. Особенности учета аренды (Иджара) и облигаций (Сукук) исламских финансовых институтов // *Международный бухгалтерский учет*. 2020. Т. 23. Вып. 1. С. 4–16. <https://doi.org/10.24891/ia.23.1.4> EDN: HMEBBP
- Cakir S., Raei F. Sukuk vs. Eurobonds: is there a difference in value-at-risk? // *International Monetary Fund Working Paper*. 2007. WP/07/237, P. 22
- Doaei M., Dehnad K. Bibliometric Analysis in Sukuk Market: Global Findings and Innovative Prospects for Iran // *Iranian Journal of Finance*. 2024. Vol. 8. №4. P. 1–37. <https://doi.org/10.61186/ijf.2024.430707.1451>
- Godlewski C.J., Turk-Ariss R., Weill L. Do markets perceive sukuk and conventional bonds as different financing instruments? // *Bank of Finland (BOFIT) Discussion Papers*. 2011. № 6. P. 37. <http://doi.org/10.2139/ssrn.1833344>
- Miller N.D., Challoner J., Atta A. UK Welcomes the Sukuk // *International Financial Law Review*, 2007. Vol. 26. № 5. P.24–25. <http://doi.org/10.1016/j.bir.2013.10.006>
- Wilson R. Innovation in Structuring of Sukuk Securities // *Humanomics*. 2008. Vol. 24. № 3. P. 170–181.

References

- Cakir, S., & Raei, F. (2007). Sukuk vs. Eurobonds: Is there a difference in value-at-risk? *International Monetary Fund Working Paper*. WP/07/237. 22.
- Doaei, M., & Dehnad, K. (2024). Bibliometric analysis in sukuk market: Global findings and innovative prospects for Iran. *Iranian Journal of Finance*, 8(4), 1–37. <https://doi.org/10.61186/ijf.2024.430707.1451>
- Dalal, A. (2018). Sukuk pricing factors: Econometric study. *Asia and Africa Today*, (4), 25–31. <https://doi.org/10.7868/S0321507518040049> EDN: YVNEOQ
- Danchenko, E.A., & Kalashnik, N.A. (2020). Islamic sukuk as an alternative to classic bonds. *Innovative Potential of Banking in the Digital Economy*, 297–309. EDN: UGZXJF
- Derzaeva, G.G. (2023). Overview of governance standard No. 12 “Sukuk management”. *Scientific Papers of the Center for Advanced Economic Research*, 24, 40–46. EDN: PMWEDX
- Derzaeva, G.G. (2024). Sukuk as a financing instrument in the context of anti-Russian sanctions. *Economic Security*, 7(11), 2855–2872. <https://doi.org/10.18334/ecsec.7.11.122181> EDN: SBOUIL
- Djaouida, B., & Chafia, K. (2023). Analysing the reality and importance of issuing islamic sukuk in Malaysia. *Vestnik universiteta*, (9), 185–199. <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2023-9-185-199> EDN: JYKIFT
- Godlewski, C.J., Turk-Ariss, R., & Weill, L. (2011). Do markets perceive sukuk and conventional bonds as different financing instruments? *Bank of Finland (BOFIT) Discussion Papers*, 6. <http://doi.org/10.2139/ssrn.1833344>
- Gorbacheva, T.A. (2024). The development of the Islamic financial services industry in the context of global risks. *World Economy and World Finance*, 3(5), 71–78. <https://doi.org/10.24412/2949-6454-2024-0460> EDN: PGTAOJ
- Miller, N.D., Challoner, J., & Atta, A. (2007). UK welcomes the sukuk. *International Financial Law Review*, 26(5), 24–25. <http://doi.org/10.1016/j.bir.2013.10.006>
- Nagimova, A.Z. (2021) Islamic capital in Kazakhstan. *World Economy and International Relations*, 65(2), 100–108. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2021-65-2-100-108> EDN: FNBIUH
- Nagimova, A.Z. (2023). Islamic capital markets: prospects of the sukuk issuance in the post-Soviet countries. *World Economy and International Relations*, 67(4), 81–91. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2023-67-4-81-91> EDN: MLPQRO

Umarov, Kh.S. (2020). Specificities of accounting for leases (ijara) and bonds (sukuk) of islamic financial institutions. *International Accounting*, 23(1), 4–16. <https://doi.org/10.24891/ia.23.1.4> EDN: HMEBBP

Wilson, R. (2008). Innovation in structuring of sukuk securities. *Humanomics*, 24(3), 170–181.

Сведения об авторе / Bio note

Чигринская Александра Павловна, кандидат экономических наук, доцент кафедры финансовых рынков и финансового инжиниринга финансового факультета, Финансовый университет при Правительстве РФ, Российская Федерация, 125167, Москва, Ленинградский пр-т, д. 49/2. ORCID: 0009-0000-4953-7691. SPIN-код: 6441-3192. E-mail: achigrinskaya@fa.ru

Alexandra P. Chigrinskaya, PhD in Economics, associate professor of The Financial markets and financial engineering department, Faculty of Finance, Financial University under the Government of the Russian Federation, 49 Leningradsky Prospekt, bldg. 2, Moscow, 125167, Russian Federation. ORCID: 0009-0000-4953-7691. SPIN-code: 6441-3192. E-mail: achigrinskaya@fa.ru

ЭКОНОМИКА ОТРАСЛЕВЫХ РЫНКОВ ECONOMICS OF INDUSTRY MARKETS

DOI: 10.22363/2313-2329-2025-33-2-270-284

EDN: BVXKKG

УДК 339.9

Научная статья / Research article

Национальные особенности металлургической промышленности ЕАЭС: перспективы формирования единой промышленной политики

В.С. Мядзель *Евразийская экономическая комиссия, Москва, Российская Федерация*✉ myadzel.v@ya.ru

Аннотация. Промышленная политика Евразийского экономического союза (ЕАЭС) может быть представлена исключительно в виде общих рекомендованных подходов, реализация которых осуществляется на национальном уровне. Интеграция стран ЕАЭС в промышленной сфере, в частности в металлургии, осложняется разным состоянием отрасли и, как следствие, разными национальными приоритетами. Тем не менее потенциал единого внутреннего рынка, а также вызовы, с которыми все чаще сталкиваются производители стран ЕАЭС на экспортных направлениях, ставит вопрос о необходимости консолидации усилий в сфере промышленности на новый уровень. Единая промышленная политика ЕАЭС в сфере металлургии может быть использована для последующего совершенствования защиты национальных производителей, важность которой возросла в протекционистский период пандемии коронавируса и сохраняется до сих пор. Целью исследования является выявление национальных особенностей металлургической промышленности стран ЕАЭС, а также их общих характеристик, которые могут быть использованы для формирования единой промышленной политики интеграционного объединения. Проанализированы действующие в странах ЕАЭС нормативные правовые акты, определяющие вектор развития национальной отрасли, с целью выявления в них общих положений, которые могут быть использованы для формирования единой промышленной политики ЕАЭС в металлургической отрасли. Для ответа на вопрос о возможности формирования единой промышленной политики ЕАЭС изучены научные труды, посвященные вопросам развития национальных экономик, а также нормативная база стран ЕАЭС. Особое внимание уделено достигнутым соглашениям

© Мядзель В.С., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

стран ЕАЭС в сфере металлургии, а также вновь принимаемым стратегическим документам. Изучены вопросы сырьевой обеспеченности стран ЕАЭС, их национальных стратегий экономического развития, а также действующих международных соглашений в части металлургической промышленности. В работе широко использованы методы анализа, сравнения и экспертной оценки. Отмечается, что дополнительным стимулом к развитию интеграции стран ЕАЭС в промышленной сфере может стать новый механизм поддержки кооперационных проектов, запущенный Евразийской экономической комиссией в 2024 г. Проведенный анализ подтверждает возможность формирования единой промышленной политики ЕАЭС в сфере металлургии.

Ключевые слова: промышленная политика, ЕАЭС, интеграция, металлургия, кооперация, национальная стратегия

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 26 сентября 2024 г.; доработана после рецензирования 15 ноября 2024 г.; принята к публикации 10 февраля 2025 г.

Для цитирования: Мядзель В.С. Национальные особенности металлургической промышленности ЕАЭС: перспективы формирования единой промышленной политики // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика. 2025. Т. 33. № 2. С. 270–284. <https://doi.org/10.22363/2313-2329-2025-33-2-270-284>

National characteristics of the metallurgical industry of the EAEU: Prospects for the formation of a common industrial policy

Viktor S. Miadzel

Eurasian Economic Commission, Moscow, Russian Federation

✉ myadzel.v@ya.ru

Abstract. The industrial policy of the Eurasian Economic Union (EAEU) can be presented exclusively in the form of general recommended approaches, the implementation of which is carried out at the national level. The integration of the EAEU countries in the industrial sector, in particular in metallurgy, is complicated by the different state of the industry and, as a result, different national priorities. Nevertheless, the potential of the single internal market, as well as the challenges that manufacturers of the EAEU countries are increasingly facing in export areas, raises the question of the need to consolidate efforts in the field of industry to a new level. The EAEU Unified industrial Policy in the field of metallurgy can be used to further improve the protection of national producers, the importance of which increased during the protectionist period of the coronavirus pandemic and remains to this day. The purpose of the study is to identify the national characteristics of the metallurgical industry of the EAEU countries, as well as their common characteristics, which can be used to form a unified industrial policy of the integration association. In the framework of this study, the author analyze the regulatory legal acts in force in the EAEU countries that determine the vector of development of the national industry, in order to identify common provisions in them that can be used to form a unified EAEU industrial policy in the metallurgical industry. To answer the question about the possibility of forming a unified industrial policy of the EAEU, the author studied scientific papers on the development of national economies, as well as the regulatory

framework of the EAEU countries. Special attention is paid to the agreements reached by the EAEU countries in the field of metallurgy, as well as newly adopted strategic documents. The author has studied the issues of raw material security of the EAEU countries, their national economic development strategies, as well as existing international agreements in the metallurgical industry. The methods of analysis, comparison and expert assessment are widely used in the study. It is noted that an additional incentive for the development of the integration of the EAEU countries in the industrial sector may be a new mechanism for supporting cooperative projects launched by the EEC in 2024. The analysis confirms the possibility of forming a unified industrial policy of the EAEU in the field of metallurgy.

Keywords: industrial policy, EAEU, integration, metallurgy, cooperation, national strategy

Conflicts of interest. The author declares that there is no conflict of interest.

Article history: received 26 September 2024; revised 15 November 2024; accepted 10 February 2025.

For citation: Miadzel, V.S. (2025). National characteristics of the metallurgical industry of the EAEU: Prospects for the formation of a common industrial policy. *RUDN Journal of Economics*, 33(2), 270–284. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2313-2329-2025-33-2-270-284>

Введение

Евразийский экономический союз (ЕАЭС) начал функционировать в 2015 г., став одним из наиболее успешных интеграционных объединений на территории постсоветского пространства. Некоторые функции наднационального регулирования и координирования деятельности государств-членов переданы Евразийской экономической комиссии (ЕЭК), среди которых, в частности, вопросы тарифного и нетарифного регулирования внешней торговли. В то же время реализация такого важного аспекта экономического развития как промышленная политика относится к компетенции национальных органов стран ЕАЭС. Реализация единой промышленной политики ЕАЭС могла бы стать хорошим стимулом для экономического развития каждого из государств-членов и всего интеграционного объединения.

При этом реализация единой промышленной политики в металлургической отрасли может быть осложнена, например, разным видением перспектив отрасли на национальном уровне или несоответствием программных и стратегических документов стран ЕАЭС. Анализ национальных особенностей стран ЕАЭС в сфере металлургии позволит ответить на вопрос о возможности углубления промышленной интеграции и, соответственно, реализации более крупных кооперационных проектов.

Цель исследования — выявление национальных особенностей металлургической промышленности стран ЕАЭС, а также общих характеристик, которые могут быть использованы для формирования единой промышленной политики интеграционного объединения. Для достижения поставленной цели автором определены основные характеристики металлургической отрасли каждой из стран ЕАЭС, а также проанализированы положения их стратегических доку-

ментов, касающихся развития металлургии. Дополнительно изучены действующие на международном уровне соглашения и принятые рекомендации стран ЕАЭС в сфере металлургии.

Методы

Основу методологии составляют методы анализа и сравнения, позволяющие оценить сопоставимость национальной промышленной политики стран ЕАЭС. Для изучения состояния национальных экономик интеграционного объединения проведен системно-структурный анализ. Кроме того, использован метод экспертной оценки в рамках установления возможности разработки единой промышленной политики ЕАЭС.

Обзор литературы

Развитие стран ЕАЭС и, в частности, их металлургической отрасли представляет научный интерес для российских и зарубежных исследователей. Тем не менее, в научной литературе авторы, как правило, либо оценивают экономику интеграционного объединения в совокупности, отмечая преимущества кооперации (Мясникович, Ковалев, 2022; Strielkowski et al., 2023), либо акцентируют внимание на экономике одной из стран ЕАЭС. В частности, в научной литературе отмечается отсутствие металлургического производства полного цикла в Республике Армения (Федоровская, 2020; Melkumyan, Arakelyan, 2022); отсутствие собственной сырьевой базы в Республике Беларусь (Айзберг и др., 2017; Драгун, Курбиева, 2016); а также отсутствие диверсификации товарной структуры экспорта Кыргызской Республики (Молдобаев, Усенгазиев, 2016). С другой стороны, Республика Казахстан и Российская Федерация обладающие достаточно развитой сырьевой базой (Адно, 2021; Черашев, 2021), производят продукцию низкого уровня передела (Жалелева, Пастернак, Жалелева, 2020) и встречают ограничения на внешних рынках (Кучерявенко, 2023). Иными словами, исследования, посвященные металлургической отрасли стран ЕАЭС, упускают из внимания преимущества, которые получают государства-члены в рамках функционирующего интеграционного объединения.

Вместе с тем хотя экономический потенциал ЕАЭС остается нереализованным в полной мере (Пак, Андропова, 2024; Кривогуз, Фесенко, 2022), некоторые авторы ищут перспективы экономического сотрудничества государств-членов вне рамок интеграционного объединения, в частности с Китайской Народной Республикой (Kembayev, 2018; Nurdavletova, Aspandiyar, Abdrakhmanov, 2024). Тем не менее, поскольку Китайская Народная Республика обладает избыточными производственными мощностями (Fukuяama et al., 2021), экономика ЕАЭС может оцениваться китайскими производителями прежде всего с точки зрения потенциального рынка сбыта. В этой связи углубление промышленного сотрудничества в рамках ЕАЭС (Гурский, 2023; Pomerlyan, Belitski, 2023), включая формирование единой промышленной политики (Голодова, Лазырин, 2024) и обмен

технологиями (Alzhanova, Dnisev, Alzhanova, 2023) представляется более соответствующим национальным интересам стран ЕАЭС.

Проблемы металлургической отрасли каждой из стран ЕАЭС находят отражение в их нормативных правовых актах, определяющих стратегию развития отрасли. В этой связи автор широко использованы ресурсы правовой информации ЕАЭС и каждой из стран его участниц. Наличие общих положений в национальных стратегиях стран ЕАЭС рассматривалось в качестве признака, подтверждающего возможность формирования единой промышленной политики.

Результаты

Формирование и функционирование Евразийского экономического союза (ЕАЭС) оказало положительное влияние на состояние экономики государств-членов (Strielkowski et al., 2023). Металлургическая промышленность активно развивается во всех странах ЕАЭС и занимает не менее 21 % от стоимости производимой продукции в отраслях обрабатывающей промышленности ЕАЭС¹. Таким образом, металлургическая промышленность является одной из ключевых сфер экономики ЕАЭС.

Учитывая возможности интеграционного объединения, промышленное сотрудничество стран ЕАЭС должно быть более активным (Pomerlyan, Belitski, 2023). Тем не менее, в соответствии со статьей 92 Договора о ЕАЭС от 29 мая 2014 г.², промышленная политика в рамках ЕАЭС формируется государствами-членами по основным направлениям промышленного сотрудничества. При этом реализуют программы по развитию промышленности государства-члены самостоятельно. Иными словами, несмотря на имеющийся потенциал развития промышленного сотрудничества (Кривогуз, Фесенко, 2022), в современных условиях единая промышленная политика ЕАЭС в сфере металлургии может быть представлена исключительно общими или рекомендованными подходами к ее формированию. В этой связи необходимо установить, сопоставимы ли национальная политика в сфере металлургической промышленности и экономическое состояние отрасли в каждой из стран ЕАЭС для возможной реализации единой политики на уровне интеграционного объединения.

Металлургия Республики Армения представлена, прежде всего, предприятиями цветной металлургии, в частности производствами по переработке молибдена и меди. Такая специализация объясняется соответствующей сырьевой базой страны. При этом металлургические предприятия составляют основу

¹ Объем промышленной продукции по виду экономической деятельности «Обрабатывающая промышленность» (в текущих ценах; в долларах США) // Евразийская экономическая комиссия. URL: https://eec.eaeunion.org/comission/department/dep_stat/union_stat/current_stat/industry/series/ (дата обращения: 20.09.2024).

² Договор о Евразийском экономическом союзе // Правовой портал ЕАЭС. URL: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/0003610/itia_05062014 (дата обращения: 20.09.2024).

экспорта страны и являются одним из ключевых источников формирования государственного бюджета³.

Несмотря на высокий уровень обеспеченности сырьевыми ресурсами, металлургия Республики Армения демонстрирует спад экономических показателей. Прежде всего, на развитие отрасли оказывает влияние ужесточение экологических требований к производственным процессам. Так, в 2018 г. был закрыт единственный в стране медеплавильный завод (Федоровская, 2020). Закрытие завода привело к изменению структуры экспорта в сторону реализации продукции более низких уровней передела и сократило возможности организации металлургического производства полного цикла. Тем не менее, потребность Республики Армения в развитии производства меди не вызывает сомнений (Melkumyan, Arakelyan, 2022).

Направление поддержки металлургической промышленности со стороны государства в Республике Армения определено положениями Программы мероприятий деятельности Правительства Республики Армения на 2021–2026 гг., утвержденной Постановлением Правительства Республики Армения от 18 ноября 2021 г. № 1902-L⁴. В рамках комплексной работы по развитию экономики в части металлургической промышленности власти страны ожидаемо подчеркивают важность организации медеплавильного производства, соответствующего современным экологическим требованиям. Медеплавильное производство, как следует из Программы, должно стать ключевым предприятием целого промышленного кластера, выпускающего продукцию с высоким уровнем добавленной стоимости. Развитие металлургии Республики Армения, определенной в качестве одной из 5 приоритетных отраслей промышленности, согласно принятому нормативному правовому акту, должно сопровождаться привлечением иностранных инвестиций, реализацией экспортного потенциала предприятий, повышением конкурентоспособности их продукции, а также совершенствованием производственных процессов.

Ключевой характеристикой металлургической промышленности Республики Беларусь является отсутствие собственной экономически рентабельной ресурсной базы (Айзберг и др., 2017) и широкое использование в производственных процессах лома металлов. При этом несмотря на указанные особенности сырьевого обеспечения, белорусские предприятия металлургического комплекса выпускают и трубную, и метизную, и прокатную продукцию (Драгун, Курбиева, 2016), а основным экспортным направлением до введения санкций 2022 г. были страны Европейского союза.

Компетенции по использованию вторичного сырья коррелируют с идеями о модернизации отрасли в соответствии с новыми экологическими требовани-

³ Информационные списки налогоплательщиков // Комитет государственных доходов Республики Армения. URL: <https://www.src.am/am/getMenusContents/120> (дата обращения: 02.09.2024).

⁴ Программа мероприятий деятельности Правительства Республики Армения на 2021–2026 гг. // Правительство Республики Армения. URL: <https://www.gov.am/files/docs/4739.pdf> (дата обращения: 21.09.2024).

ями, что находит отражение и в Программе социально-экономического развития Республики Беларусь на 2021–2025 гг., утвержденной Указом Президента Республики Беларусь от 29 июля 2021 г. № 292⁵, и в Национальной стратегии устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2030 г., одобренной Президиумом Совета Министров Республики Беларусь⁶. Модернизация металлургической отрасли, сопряженная с оптимизацией энергоемких процессов и выпуском новой продукции с высоким уровнем добавленной стоимости, должна повысить конкурентоспособность белорусской металлургической продукции на внешних рынках.

Кроме того, особое внимание власти Республики Беларусь уделяют вопросам реализации производимой продукции. Так, продажа металлургической продукции на внутреннем рынке страны осуществляется в рамках долгосрочного сотрудничества наиболее крупных предприятий различных отраслей промышленности. В этой связи в стратегических документах Республики Беларусь, определяющих вектор развития металлургии, отмечена необходимость выстраивания стабильных сбытовых цепочек и кооперации предприятий металлургического комплекса в рамках ЕАЭС.

Республика Казахстан, напротив, обладает значительными запасами некоторых руд металлов, в частности хрома, марганца, железа и цинка. Месторождения, как правило, содержат сразу несколько руд металлов, но содержание полезных элементов в рудах невысокое (Адно, 2021). На наш взгляд, это также может оказывать влияние на специализацию металлургических предприятий страны, прежде всего, на выпуске продукции низких уровней передела, на которое обращают внимание некоторые исследователи (Жалелева, Пастернак, Жалелева, 2020). Кроме того, Республика Казахстан обладает хорошим опытом привлечения иностранных инвестиций и потенциалом развития сотрудничества с Китайской Народной Республикой.

Однако потенциальное сотрудничество Китайской Народной Республики с некоторыми странами ЕАЭС, включая Республику Казахстан, вызывает справедливые опасения партнеров по ЕАЭС (Kembayev, 2018). Возможные преимущества от сопряжения ЕАЭС с китайской инициативой «Пояс и путь» (Nurdavletova, Aspandiyar, Abdrakhmanov, 2024) также влекут за собой угрозы торговой экспансии китайских производителей, что ставит под удар национальные экономики стран ЕАЭС. В этой связи важно укреплять кооперационные связи внутри ЕАЭС, что, в отличие от сотрудничества с Китайской Народной Республикой, будет выгодно всем или большинству национальных производителей ЕАЭС.

⁵ Программа социально-экономического развития Республики Беларусь на 2021–2025 гг. // Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь. URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=P32100292> (дата обращения: 21.09.2024).

⁶ Национальной стратегии устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2030 г. // Министерство экономики Республики Беларусь. URL: <https://economy.gov.by/uploads/files/NSUR2030/Natsionalnaja-strategija-ustojchivogo-sotsialno-ekonomicheskogo-razvitija-Respubliki-Belarus-na-period-do-2030-goda.pdf> (дата обращения: 21.09.2024).

Национальный план развития Республики Казахстан до 2029 г., утвержденный Указом Президента Республики Казахстан от 30 июля 2024 г. № 611⁷, в части, касающейся металлургической отрасли, ставит целью стимулирование геологоразведочных работ, модернизацию материально-технической базы и развитие производства продукции с высоким уровнем добавленной стоимости, что полностью соответствует наименее развитым аспектам отрасли. Власти Республики Казахстан также уделяют внимание кадровой обеспеченности отрасли, контролю за рекультивацией закрытых месторождений и повышению инвестиционной привлекательности отрасли, предлагая изменения в налоговое законодательство.

Иными словами, планирование развития металлургической отрасли в Республике Казахстан включает не только вопрос модернизации и совершенствования технологических процессов, но и более рутинные задачи. Тем не менее, поскольку металлургия является драйвером экономического развития других отраслей, указанные задачи являются значимыми для всей экономики. В частности, государственное финансирование профессиональной подготовки кадров представляет собой вопрос стимулирования как металлургической отрасли, для которой ведется подготовка специалистов, так и образовательной сферы, являющейся непосредственным исполнителем такой подготовки. Таким образом, стратегию развития Республики Казахстан следует рассматривать в качестве детализированного программного документа, а не декларации приоритетов в промышленности.

Металлургия Кыргызской Республики представлена прежде всего производством золота. Хотя в стране имеются немногочисленные месторождения и других цветных и редких металлов, продажа золота приносит до половины совокупных экспортных доходов бюджету Кыргызской Республики. Низкий уровень диверсификации товарной структуры экспорта осложняется нестабильностью производства золота, вызванного условиями его добычи, а также низким содержанием полезных элементов (Молдобаев, Усенгазиев, 2016).

В таких условиях вполне ожидаемо, что часть положений Плана мероприятий Кабинета Министров Кыргызской Республики по реализации Национальной программы развития Кыргызской Республики до 2026 г., утвержденного Постановлением Кабинета Министров Кыргызской Республики от 25 декабря 2021 г. № 352⁸, посвящена развитию сегмента металлургии, связанного преимущественно с производством золота. В частности, власти Кыргызской Республики ставят цели по строительству новых производственных линий

⁷ Национальный план развития Республики Казахстан до 2029 г. // Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/U2400000611> (дата обращения: 21.09.2024).

⁸ План мероприятий Кабинета Министров Кыргызской Республики по реализации Национальной программы развития Кыргызской Республики до 2026 г. // Кабинет Министров Кыргызской Республики. URL: https://www.gov.kg/storage/2022/02/files/program/16/plan_meropriyatiy_kabinetov_ministrov_kyrgyzskoy_respubliki_po_realizatsii_natsionalnoy_programmy_razvitiya_kyrgyzskoy_respubliki_do_2026_goda.doc (дата обращения: 21.09.2024).

по переработке золота, увеличению объемов производства товара, предназначенного для экспорта, а также цифровизации финансовых потоков.

Необходимо отметить, что помимо производства золота ставятся также задачи по развитию сегментов, связанных с оловом, вольфрамом, ртутью и металлической сурьмой. Особый блок в стратегических документах Кыргызской Республики занимают цели по совершенствованию условий и требований к проведению геологоразведочных работ.

Металлургия Российской Федерации представлена достаточно широким перечнем выпускаемой продукции, который обусловлен хорошей ресурсной и материально-технической базой. В то же время отмечается зависимость отрасли от импорта ряда отдельных видов металлов, включая марганец, хром, титан и литий (Черашев, 2021). В условиях применяемых в отношении российской металлургии внешнеторговых ограничений (Кучерявенко, 2023) зависимость от импорта указанных металлов, а также использование на производстве преимущественно иностранного металлургического оборудования сдерживает развитие не только отрасли, но и всей экономики страны.

Государственное видение будущего российской металлургии отражено в Стратегии развития металлургической промышленности Российской Федерации на период до 2030 г., утвержденной распоряжением Правительства Российской Федерации от 28 декабря 2022 г. № 4260-р⁹. Согласно указанному документу, особое внимание должно уделяться спросу на внутреннем рынке, развитию инструментов государственных закупок металлургической продукции, повышению ее качества и доли добавленной стоимости. Кроме того, властями ставится вопрос о переориентации экспортных потоков, импортозамещению, а также соответствия производственных процессов экологическим требованиям. В Российской Федерации, как и в Республике Казахстан, отмечена важность подготовки квалифицированных кадров для стабильного развития отрасли.

Таким образом, металлургическая отрасль в странах ЕАЭС обладает национальными особенностями, которые формируются в зависимости от сырьевой и материально-технической обеспеченности экономики. Не меньшее влияние на развитие отрасли, учитывая экспортную ориентированность стран ЕАЭС, оказывает внешнеэкономическая конъюнктура, в т.ч. необходимость поиска новых рынков сбыта. При этом, как видно из проведенного анализа основных положений национальных стратегий развития отрасли, формирование единой промышленной политики ЕАЭС в сфере металлургии представляется реалистичным.

В частности, страны ЕАЭС, согласно их национальным стратегиям развития, единогласны в необходимости повышения энергоемкости и экологической эффективности металлургических производств. В изученных нормативных правовых актах неоднократно ставился вопрос о важности подготовки квали-

⁹ Стратегия развития металлургической промышленности Российской Федерации на период до 2030 г. // Правительство России. URL: <http://government.ru/docs/all/145440/> (дата обращения: 21.09.2024).

фицированных кадров, об условиях геологоразведочных работ и обслуживании закрытых месторождений. Страны ЕАЭС подчеркивают важность реализации потенциала внутреннего рынка, поддержки экспортных продаж, производства продукции с высокой долей добавленной стоимости и привлечения инвестиций. Указанные положения являются общими для стран ЕАЭС и могут служить основой для формирования единой промышленной политики в сфере металлургии.

Указанное заключение подтверждается наличием Соглашения о сотрудничестве государств — участников СНГ в горно-металлургической отрасли от 28 октября 2016 г.¹⁰, согласно которому стороны выступают за координацию усилий по развитию металлургической отрасли, реализации производимой продукции на внешних рынках и устранению внутренних ограничений.

Как отмечено ранее, современная законодательная база позволяет формировать единую промышленную политику в рамках ЕАЭС исключительно в виде рекомендаций или общих принципов: реализация промышленной политики относится к компетенции национальных властей. Тем не менее, учитывая наличие сопоставимых положений в национальных стратегиях, формирующих основу их промышленной политики, в рамках интеграционного объединения также приняты решения о координации деятельности стран в отрасли. В частности, Коллегией ЕЭК принята Рекомендация от 22 февраля 2022 г. № 6 «О перспективных направлениях промышленного сотрудничества в сфере технологического развития и производства новых видов продукции черной и цветной металлургии в рамках Евразийского экономического союза»¹¹, согласно которой государствам-членам рекомендовано проработать вопрос стимулирования кооперации предприятий отрасли в рамках интеграционного объединения.

Практическим следствием указанной Рекомендации Коллегии ЕЭК можно назвать развитие в ЕАЭС промышленной кооперации. Так, с 2024 г. в ЕАЭС действует механизм софинансирования кооперационных проектов в сфере промышленности¹². Размер субсидирования ставок по кредитам и займам, выдаваемым на развитие промышленности в рамках таких проектов, определяется в пределах 10% от суммы платежей по антидемпинговым, компенсационным и специальным защитным пошлинам. Ключевым условием для участия в конкурсе на получение финансирования является сотрудничество в рамках такого проекта предприятий из трех и более стран ЕАЭС. Учитывая национальные особенности металлургической промышленности в странах ЕАЭС, в т.ч. их сы-

¹⁰ Соглашение о сотрудничестве государств — участников СНГ в горно-металлургической отрасли от 28 октября 2016 г. // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001201711220002> (дата обращения: 21.09.2024).

¹¹ О перспективных направлениях промышленного сотрудничества в сфере технологического развития и производства новых видов продукции черной и цветной металлургии в рамках Евразийского экономического союза // Правовой портал ЕАЭС. URL: https://docs.eaunion.org/docs/ru-ru/01131258/err_01032022_6_doc.pdf (дата посещения: 20.09.2024).

¹² Об утверждении Положения об отборе совместных кооперационных проектов в отраслях промышленности и оказании финансового содействия при их реализации государствами — членами Евразийского экономического союза // Правовой портал ЕАЭС. URL: https://docs.eaunion.org/docs/ru-ru/01241916/err_03112023_3_doc.pdf (дата посещения: 20.09.2024).

рьевую обеспеченность, материально-техническую оснащенность и уровень технологического развития, поддержка промышленной кооперации металлургических предприятий может способствовать достижению цели по увеличению объемов производства продукции с высокой долей добавленной стоимости, отраженной в национальных стратегиях всех стран ЕАЭС.

Возможность формирования единой промышленной политики ЕАЭС в сфере металлургии должна обеспечиваться балансом национальных интересов государств-членов и общих целей интеграционного объединения. Промышленная кооперация позволит укрепить интеграционные связи между предприятиями ЕАЭС и реализовать конкурентные преимущества стран, заключающиеся в их сырьевой обеспеченности, материально-технической оснащенности или технологическом опыте. Промышленное сотрудничество стран ЕАЭС является одним из факторов, определяющих конкурентоспособность интеграционного объединения на мировом рынке (Мясникович, Ковалев, 2022).

Основными направлениями промышленной политики ЕАЭС могут стать, например, меры поддержки производителей, снижение барьеров на внутреннем рынке ЕАЭС, а также научно-технологическое и инновационное развитие экономики (Пак, Андропова, 2024). В перспективе одним из элементов промышленного сотрудничества должен стать обмен технологиями в рамках ЕАЭС (Alzhanova, Dnishev, Alzhanova, 2023). Такая промышленная политика станет основой для формирования общих подходов к защите национальных производителей ЕАЭС. В условиях возросшего количества применяемых в мире протекционистских мер, конкуренции за рынки сбыта и избыточных производственных мощностей в металлургии (Fukuyama et al., 2021) защита национальных производителей обладает стратегической важностью для экономического развития стран ЕАЭС, что, в свою очередь, еще раз подтверждает значимость формирования единой промышленной политики.

Обсуждение

В Основных направлениях промышленного сотрудничества в рамках ЕАЭС до 2030 г. металлургия также определена в качестве приоритетной отрасли экономики¹³. Сотрудничество предполагается развивать в трех направлениях: реализация потенциала внутреннего рынка ЕАЭС, укрепление промышленно-технологического сотрудничества участников интеграционного объединения и сотрудничество на экспортных рынках.

Утверждение указанных Основных направлений может трактоваться, в частности, как нежелание стран ЕАЭС переходить к полноценной единой промышленной политике. Такая позиция объясняется тем, что в случае формирова-

¹³ О проекте решения Евразийского межправительственного совета «Об Основных направлениях промышленного сотрудничества в рамках Евразийского экономического союза до 2030 года» // Правовой портал ЕАЭС. URL: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01045578/err_06092024_71 (дата посещения: 20.09.2024).

ния единой промышленной политики полномочия национальных органов власти будут ограничены в связи с необходимостью учета интересов других стран интеграционного объединения. Страны ЕАЭС могут быть не готовы передать часть своих полномочий на наднациональный уровень (Голодова, Лазырин, 2024). Тем не менее, на наш взгляд, важно отметить, что потенциальная выгода от объединения усилий по реализации единой промышленной политики может оказаться выше возможных потерь, учитывая имеющийся потенциал развития кооперационных связей и внутреннего рынка ЕАЭС. Согласованная политика ЕАЭС позволит повысить целостность промышленного комплекса (Гурский, 2023).

Утверждение Основных направлений сотрудничества представляет собой прежде всего возможность дополнительного стимулирования развития национальных экономик государств – членов ЕАЭС, но не замену для полноценной единой промышленной политики. В этой связи актуальным остается вопрос о том, какой объем полномочий страны ЕАЭС готовы передать на наднациональный уровень с целью реализации всеобъемлющей единой промышленной политики интеграционного объединения.

Заключение

Таким образом, проведенный анализ подтвердил возможность формирования единой промышленной политики ЕАЭС в сфере металлургии. Во-первых, сырьевая обеспеченность стран ЕАЭС, а также структура разведанных запасов руд металлов позволяют выделить в каждой из стран интеграционного объединения перспективное направление развития отрасли, которое не будет угрожать экономической безопасности партнеров по ЕАЭС. Во-вторых, национальные стратегии государств-членов не только имеют общий вектор на повышение конкурентоспособности металлургической продукции, но и содержат практически идентичные положения, которые могут составить основу единой промышленной политики ЕАЭС. В-третьих, возможность реализации единой политики подтверждается наличием действующих международных соглашений и реализуемых рекомендаций по развитию отрасли внутри ЕАЭС. Наконец, в 2024 г. страны ЕАЭС начали применение единого механизма поддержки кооперационных проектов, укрепляющих интеграционные связи.

На наш взгляд, формирование единой промышленной политики ЕАЭС в сфере металлургии зависит от интенсивности интеграционных процессов. Отмечая металлургию в качестве одной из приоритетных отраслей промышленности ЕАЭС, стороны только подтверждают готовность к сотрудничеству в указанной сфере.

Список литературы

Адно Ю. Горно-металлургический комплекс Казахстана: проблемы и перспективы развития // Россия и новые государства Евразии. 2021. № 2 (51). С. 99–114. <https://doi.org/10.20542/2073-4786-2021-2-99-114> EDN: ALUYJZ

- Айзберг Р.Е., Березко О.А., Гарецкий Р.Г., Грибик Я.Г., Карabanов А.К., Кудельский А.В., и др.* Минерально-сырьевые ресурсы Беларуси: состояние и перспективы освоения // Геология и минерально-сырьевые ресурсы запада Восточно-европейской платформы: проблемы изучения и рационального использования: материалы международной научной конференции. Минск, 2017. С. 74–83. EDN: YLDQPI
- Голодова Ж.Г., Лазырин М.С.* Диспропорции развития промышленности стран ЕАЭС и анализ возможности формирования единой промышленной политики // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2024. Т. 14. № 1А. С. 9–17. <https://doi.org/10.34670/AR.2024.54.85.001> EDN: QKXSWB
- Гурский В.Л.* Теоретические основы формирования общей стратегии развития промышленности государств — членов ЕАЭС // Известия Национальной академии наук Беларуси. Серия гуманитарных наук. 2023. Т. 68. № 1. С. 61–71. <https://doi.org/10.29235/2524-2369-2023-68-1-61-71> EDN: EVJNOE
- Драгун Н.П., Курбиева И.Ю.* Современное состояние и тенденции развития черной металлургии в странах ЕАЭС // Литье и металлургия. 2016. № 1. С. 76–81. EDN: VVGSDP
- Жалелева С.З., Пастернак А.А., Жалелева Р.З.* Оценка позиций металлургического комплекса Казахстана в условиях глобальной конкуренции // Вестник университета «Туран». 2020. № 3. С. 65–70. <https://doi.org/10.46914/1562-2959-2020-1-3-65-70> EDN: ZBBIBB
- Кривогуз М., Фесенко Д.* Промышленная политика стран ЕАЭС: вместе или врозь? // Россия и новые государства Евразии. 2022. № 1. С. 9–26. <https://doi.org/10.20542/2073-4786-2022-1-9-26> EDN: OOTHCA
- Кучерявенко Д.М.* Развитие металлургического промышленного производства в России // Вестник университета. 2023. № 12. С. 93–100. <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2023-12-93-100> EDN: GBNNLH
- Молдобаев Э.С., Усенгазиев У.У.* Состояние и перспективы развития металлургии в Кыргызстане // Известия Кыргызского государственного технического университета им. И. Раззакова. 2016. № 1 (37). С. 367–371. EDN: WMGQRV
- Мясникович М.В., Ковалев В.С.* Евразийский экономический союз: переосмысливая суверенный путь развития // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2022. Т. 16. № 2. С. 11–17. <https://doi.org/10.22394/2073-2929-2022-02-11-17> EDN: LWCUPI
- Пак А.Ю., Андропова И.В.* Единая промышленная политика Союзного государства Белоруссии и России как инструмент обеспечения экономической безопасности // Проблемы рыночной экономики. 2024. № 1. С. 98–111. <https://doi.org/10.33051/2500-2325-2024-1-98-111> EDN: NSCRRC
- Федоровская И.* Армения: первые итоги экономической политики администрации Пашиняна // Россия и новые государства Евразии. 2020. № 1. С. 137–145. <https://doi.org/10.20542/2073-4786-2020-1-137-145> EDN: YIJKJH
- Черашев Д.В.* Перспективы сотрудничества России и развивающихся стран в горно-металлургическом комплексе // Российский внешнеэкономический вестник. 2021. № 12. С. 69–88. <https://doi.org/10.24412.2072-8042-2021-12-69-88> EDN: WVFAJD
- Alzhanova F.G., Dnishev F.M., Alzhanova A.Y.* Industrial policy in the EAEU countries: challenges and solutions for Kazakhstan in the competition and intellectual property law // Eurasian Journal of Economic and Business Studies. 2023. Vol. 67. № 2. P. 108–120. <https://doi.org/10.47703/ejeb.v2i67.247> EDN: OWQHDX
- Fukuyama H., Liu H., Song Y., Yang G.* Measuring the capacity utilization of the 48 largest iron and steel enterprises in China // European Journal of Operational Research. 2021. Vol. 288. № 2. P. 648–665. <https://doi.org/10.1016/j.ejor.2020.06.012>
- Kembayev Z.* Development of China-Kazakhstan cooperation: building the silk road of the twenty-first century? // Problems of Post-Communism. 2018. Vol. 67. № 3. P. 204–216. <https://doi.org/10.1080/10758216.2018.1545590>

- Melkumyan M., Arakelyan A. Possibilities of constructing a copper smelter in the Republic of Armenia // *Messenger of Armenian State University of Economics*. 2022. № 1. P. 67–77. https://doi.org/10.52174/1829-0280_2022.1-67
- Nurdavletova S.M., Aspandiyar S., Abdrakhmanov K.A. Analysis of the existing and potential risks and threats of the implementation of connection of the EAEU and the BRI // *International Relations and International Law Journal*. 2024. Vol. 106. № 2. P. 51–61. <https://doi.org/10.26577/IRILJ.2024.v106.i2-05> EDN: PGWKRI
- Pomerlyan E., Belitski M. Regional integration and economic performance: evidence from the Eurasian Economic Union // *Eurasian Geography and Economics*. 2023. Vol. 65. № 5. P. 627–655. <https://doi.org/10.1080/15387216.2022.2163414>
- Strielkowski W., Kulagovskaya T., Panaedova G., Smutka L., Kontsevaya S., Streimikiene D. Post-soviet economics in the context of international trade: opportunities and threats from mutual cooperation // *Economic Research*. 2023. Vol. 36. № 1. P. 2021–2044. <https://doi.org/10.1080/1331677X.2022.2094444>

References

- Adno, Y. (2021). Mining and metallurgical complex of Kazakhstan: Problems and prospects of development. *Russia and New States of Eurasia*, (2), 99–114. (In Russ.). <https://doi.org/10.20542/2073-4786-2021-2-99-114> EDN: ALUYJZ
- Aizberg, R., Berezko, O., Garetsky, R., Gribik, J., Karabanov, A. et al. (2017). Mineral resources of Belarus: State and prospects of development. *Geology and mineral resources of the west of the East European Platform: Problems of study and rational use: a collection of the international conference* (pp. 74–83). Minsk. (In Russ.). EDN: YLDQPJ
- Alzhanova, F.G., Dnishev, F.M., & Alzhanova, A.Y. (2023). Industrial policy in the EAEU countries: Challenges and solutions for Kazakhstan in the competition and intellectual property law. *Eurasian Journal of Economic and Business Studies*, 67(2), 108–120. <https://doi.org/10.47703/ejeb.v2i67.247> EDN: OWQHxD
- Cherashev, D. (2024). Prospects for cooperation in mining and metals industry between Russia and developing countries. *Russian Foreign Economic Journal*, (12), 69–88. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412.2072-8042-2021-12-69-88> EDN: WVFAJD
- Dragun, N., & Kurbiyeva, I. (2016). Current state and tendencies of development of ferrous metallurgy in the EAEU countries. *Litiyo i Metallurgiya*, 82(1), 76–81. (In Russ.). EDN: VVGSDf
- Fedorovskaya, I. (2020). Armenia: first results of the economic policy of Pashinyan's administration. *Russia and New States of Eurasia*, 46(1), 137–145. (In Russ.). <https://doi.org/10.20542/2073-4786-2020-1-137-145> EDN: YIJKJH
- Fukuyama, H., Liu, H., Song, Y., & Yang, G. (2021). Measuring the capacity utilization of the 48 largest iron and steel enterprises in China. *European Journal of Operational Research*, 288(2), 648–665. <https://doi.org/10.1016/j.ejor.2020.06.012>
- Golodova, Zh.G., & Lazyrin, M.S. (2024). Disproportions in the development of industry in the EAEU countries and analysis of the possibility of forming a unified industrial policy. *Economics: Yesterday, Today and Tomorrow*, 14(1A), 9–17. (In Russ.). <https://doi.org/10.34670/AR.2024.54.85.001> EDN: QKXSWB
- Hursky, V.L. (2023). Theoretical foundations for the formation of a common strategy for the development of the industry of the EAEU member states. *Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Humanitarian Series*, 68(1), 61–71. (In Russ.). <https://doi.org/10.29235/2524-2369-2023-68-1-61-71> EDN: EVJNOE
- Kembayev, Z. (2018). Development of China-Kazakhstan cooperation: Building the Silk Road of the twenty-first century? *Problems of Post-Communism*, 67(3), 204–216. <https://doi.org/10.1080/10758216.2018.1545590>

- Krivogouz, M., & Fesenko, D. (2022). Industrial policy of the EAEU countries: Together or apart? *Russia and New States of Eurasia*, 54(1), 9–26. (In Russ.). <https://doi.org/10.20542/2073-4786-2022-1-9-26> EDN: OOTHCA
- Kucheryavenko, D. (2023). Metallurgical industrial production development in Russia. *Vestnik Universiteta*, (12), 93–100. (In Russ.). <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2023-12-93-100> EDN: GBNNLH
- Melkumyan, M., & Arakelyan, A. (2022). Possibilities of constructing a copper smelter in the Republic of Armenia. *Messenger of Armenian State University of Economics*, (1), 67–77. https://doi.org/10.52174/1829-0280_2022.1-67
- Moldobaev, E., & Usengaziev, U. (2016). State and prospects of development of metallurgy in Kyrgyzstan. *Izvestiya KSTU named after I. Razzakov*, 37(1), 367–371. (In Russ.). EDN: WMGQRV
- Myasnikovich, M.V., & Kovalev, V.S. (2022). The Eurasian economic union: Rethinking the sovereign path of development. *Eurasian integration: economics, law, politics*, 16(2), 11–17. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2073-2929-2022-02-11-17> EDN: LWCUPI
- Nurdavletova, S.M., Aspandiyar, S., & Abdrakhmanov, K.A. (2024). Analysis of the existing and potential risks and threats of the implementation of connection of the EAEU and the BRI. *International Relations and International Law Journal*, 106(2), 51–61. <https://doi.org/10.26577/IRILJ.2024.v106.i2-05> EDN: PGWKRI
- Pak, A., & Andronova, I. (2024). The common industrial policy of the Union State of Belarus and Russia as an economic security tool. *Market economy problems*, (1), 98–111. (In Russ.). <https://doi.org/10.33051/2500-2325-2024-1-98-111> EDN: NSCRRC
- Pomerlyan, E., & Belitski, M. (2023). Regional integration and economic performance: evidence from the Eurasian Economic Union. *Eurasian Geography and Economics*, 65(5), 627–655. <https://doi.org/10.1080/15387216.2022.2163414>
- Strielkowski, W., Kulagovskaya, T., Panaedova, G., Smutka, L., Kontsevaya, S., & Streimikiene, D. (2023). Post-soviet economics in the context of international trade: opportunities and threats from mutual cooperation. *Economic Research*, 36(1), 2021–2044. <https://doi.org/10.1080/1331677X.2022.2094444>
- Zhaleleva, S., Pasternak, A., & Zhaleleva, R. (2020). The assessment of the position of the metallurgical complex of Kazakhstan in the context of global competition. *Bulletin of Turan University*, (3), 65–70. (In Russ.). <https://doi.org/10.46914/1562-2959-2020-1-3-65-70> EDN: ZBBIBB

Сведения об авторе / Bio note

Миадзель Виктор Сергеевич, главный специалист-эксперт отдела импорта Департамента защиты внутреннего рынка, Евразийская экономическая комиссия, Российская Федерация, 115114, Москва, ул. Летниковская, д. 2, стр. 1, стр. 2. ORCID: 0009-0001-1315-1874. E-mail: myadzel.v@ya.ru

Viktor S. Miadzel, Chief Specialist-Expert of the Import Department of the Department of Internal Market Protection of the Eurasian Economic Commission, 2 Letnikovskaya st., bldg. 1, 2, Moscow, 115114, Russian Federation. ORCID: 0009-0001-1315-1874. E-mail: myadzel.v@ya.ru

ECONOMIES OF DEVELOPED
AND DEVELOPING COUNTRIES

ЭКОНОМИКА РАЗВИТЫХ И РАЗВИВАЮЩИХСЯ СТРАН

DOI: 10.22363/2313-2329-2025-33-2-285-303

EDN: AROVGN

UDC 330.4, 339.9

Research article / Научная статья

**Institutional performance and its impact
on economic growth in ASEAN countries:
trend and panel data analysis**Setyo Wira Rizki , Nikolay I. Didenko *Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University, Saint Petersburg, Russian Federation* rizki.sv@edu.spbstu.ru

Abstract. This study is conducted to expect how deep the institutional impact is on economic growth in ASEAN and recommend it as a reference for enchanting policies that can strengthen economic growth. This research will investigate and determine the institutional indicators that are significant to economic growth. The study also put additional variables expected contribute to economic development, such as import and export as predictive variables. The study implies trend analysis used to reveal the performance of institutions and panel data analysis applied to determine the most significant WGI indicators for ASEAN economic growth. Trend visualization indicates Singapore and Brunei Darussalam performed the best score in almost entire institutional indicators. Thus, panel analysis discloses that export, import, and regulatory quality are selected as the most significant variables in economic growth. The regulatory quality is an indicator of institutional strength reflecting the observation of the government's capacity to advance inclusive policies to encourage the enlargement of the private sector. The decision is made by considering p-value is less than alpha value and rejecting null hypothesis. The alpha value representing an error probability is selected to make a decision. In brief, it recommends policymakers in developing regulations and executing more effective policies to promote private sector development. The result provides the comparatively modest R-squared value of 0.25247. In upcoming research, the R-squared value can be enhanced by including more independent variables. That additional variables expected can support regulatory quality such as interest rates and investment. Lastly, this study provides the latest insight of the economic development picture in ASEAN after challenging time of the Covid-19.

Keywords: world government indicators, WGI, trend visualization, panel analysis, regulatory quality

© Rizki S.W., Didenko N., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Authors' contribution. Rizki Setyo Wira — research concept and design, data collection, data analysis, wrote the paper; Didenko N.I. — research concept, supervision, result correction. All authors have read and agreed to the published version of the manuscript.

Conflicts of interest. The authors declare no conflict of interest.

Article history: received 10 January 2025; revised 15 February 2025; accepted 11 March 2025.

For citation: Rizki, S.W., & Didenko, N. (2025). Institutional performance and its impact on economic growth in ASEAN countries: trend and panel data analysis. *RUDN Journal of Economics*, 33(2), 285–303. <https://doi.org/10.22363/2313-2329-2025-33-2-285-303>

Институциональная эффективность и ее влияние на экономический рост в странах АСЕАН: анализ тенденций и панельных данных

С.В. Ризки , Н.И. Диденко

*Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Санкт-Петербург,
Российская Федерация*

 rizki.sv@edu.spbstu.ru

Аннотация. Настоящее исследование направлено на оценку степени институционального воздействия на экономический рост в странах АСЕАН и формирование рекомендаций для разработки политических мер, способствующих его стимулированию. Основная цель исследования заключается в идентификации ключевых институциональных показателей, оказывающих статистически значимое влияние на экономическое развитие. В качестве дополнительных переменных, предположительно связанных с экономическим прогрессом, включены объемы импорта и экспорта. Методологическая база исследования включает анализ динамики (трендовый анализ) для оценки эффективности институтов, а также панельный регрессионный анализ, направленный на определение наиболее значимых индикаторов Всемирного индекса управления (WGI) в контексте экономического роста АСЕАН. Визуализация трендов продемонстрировала, что Сингапур и Бруней-Даруссалам стабильно занимают лидирующие позиции по большинству институциональных метрик. Результаты панельного анализа выделили экспорт, импорт и качество регулирования (regulatory quality) как статистически значимые детерминанты экономического роста. Качество регулирования, отражающее способность государства формировать инклюзивные политики для стимулирования частного сектора, интерпретируется как ключевой институциональный фактор. Статистическая значимость переменных подтверждена на основе критерия p -value ($p < \alpha$), что обусловило отклонение нулевой гипотезы. Уровень значимости α установлен в соответствии с общепринятыми стандартами эконометрического анализа. Исследование рекомендует органам власти акцентироваться на совершенствовании нормативно-правовой базы и внедрении адресных мер для поддержки частного сектора. Коэффициент детерминации ($R^2 = 0.25247$) указывает на умеренную объяснительную силу модели, что предполагает ее дальнейшую оптимизацию за счет включения дополнительных независимых переменных. В частности, учет таких факторов, как процентные ставки и объемы инвестиций, может повысить точность прогнозирования влияния качества регулирования. Заключительная часть работы предоставляет актуальный анализ постпандемического экономического ландшафта АСЕАН, сформированного после кризиса, вызванного COVID-19.

Ключевые слова: Всемирные индикаторы управления, WGI, графический анализ динамики, панельный анализ, качество регулирования

Вклад авторов. Ризки С.В. — концепция и дизайн исследования, сбор данных, анализ данных, написание статьи; Диденко Н. — концепция исследования, руководство, коррекция результатов. Все авторы одобрили окончательную версию статьи.

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов. Все авторы одобрили окончательную версию статьи.

История статьи: поступила в редакцию 10 января 2025 г.; доработана после рецензирования 15 февраля 2025 г.; принята к публикации 11 марта 2025 г.

Для цитирования: *Rizki S.W., Didenko N.* Institutional performance and its impact on economic growth in ASEAN countries: trend and panel data analysis // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика. 2025. Т. 33. № 2. С. 285–303. <https://doi.org/10.22363/2313-2329-2025-33-2-285-303>

Introduction

Adam Smith, Karl Marx, and John Maynard Keynes are the most dominant economists with three distinct ideas about economic philosophy emerged as global references to the field (Bowden, 2020; O'Donnell, 2022). The concept of sustainable growth regarding some theorists such as Adam Smith and Karl Marx acknowledged the boundaries of growth and demands on the environment and the Stockholm conference represented the concept of sustainable growth expanding to the present involving a number of important growths (Klarin, 2018). Adam Smith investigated the dynamics of national wealth and the well-being of individuals and society (Ucak, 2015). Adam Smith considered that government policy constituted a component of the market mechanism's control systems, even though Adam Smith had a twofold and opposing thought about the role of government or institutions in a country's economy (Davies, 2015; Smith, Smith, 1997). Karl Marx expected that capitalism would lead to internal conflicts, causing to its demise and replacement by a new system as socialism. In a socialist economic system, the government has an important role in regulating a country's economic activities (Davies, 2015; Muldoon, 2022). John Maynard Keynes initiated a revolution in economic thought on the importance of government intervention through public policy to regulate employment and price stability (Commendatore, 2003; Ferrari-Filho, Conceição, 2005). Refer to those investigation and study of several literatures, it can be concluded that these great economists stated the importance of government intervention in a country's economy.

Government policies in the economy stimulates an encouraging effect on economic growth, (Haug et al., 2020; Hussien, 2023; Kuznets, 1977; Salman et al., 2019). The government's role in economic growth performance is very necessary to promote economic growth involving several economic segments through fiscal policy and government spending (Sidek, Asutay, 2020). Several studies exploring the impact of institutional performance on economic growth, accomplished in concerning the various countries as the object, have been conducted in the last years. For instance, research investigating institutional performance impact on economic development in European Union (EU) revealed that reputable institutions representing greater opportunity of economic independence and better governance towards to advanced economic growth in the EU countries, although the effect of institutions on economic growth is fluctuated over time (Bernardelli, Próchniak, Witkowski, 2021).

Another previous research, investigating economic growth as of institutional performance impact in China, disclosed that China's high-quality economic development is effectively strengthened by the institutional environment (Zhao, 2024).

To enrich and continue existing research on the impact of institutional performance towards to economic growth, the researchers attempt to investigate the performance of institutions expected to contribute on economic development in Association of Southeast Asian Nations (ASEAN) countries. The ASEAN is one of the regional organizations that has experienced an optimistic economic growth in recent years. In 2022, ASEAN economy achieved a nominal GDP of US\$3.6 trillion, placement the 5th largest in the world. Nominal GDP of ASEAN per capita attained at US\$5395, a noteworthy 37.6% increase from 2015. ASEAN economy improved by 5.7%, sustaining an average annual growth rate of 4.4% during 2010–2022. The top 3 of largest PDP per capita (US\$) is achieved by Singapore, Brunei Darussalam and Malaysia. During 2010–2022, ASEAN GDP growth rates reached between 3.5–6.1%. The highest rate is attained in 2012. The lowest rate is conquered in 2020 due to COVID-19 effect. The COVID-19 indicated a slowing impact of economic growth on various ASEAN countries. The most obvious risk is a continued economic slowdown, as measured by GDP, especially since most of ASEAN countries continue to experience negative growth (D'Aloia, Gugler, 2024).

Researchers conduct a couple approach to figure out how significantly institutional performance contributes to economic growth. Those are data visualization and panel data analysis. The data visualization is implemented to provide a trend outlook of institution performance in each ASEAN member country and deliver more straightforward information to understand at a glance. Data visualization, applied in numerous fields, is an important aspect of data analysis (Liang et al., 2022). It can simplify information and provide a comprehensive overview. By considering of observation objects involving data of several countries and periods, this research framework is strongly appropriate to basic concept of panel data approach. The panel analysis, two-dimensional statistical method, is generally applied in various research fields such as economics, social sciences, and humanities (Aparicio, Urbano, Audretsch, 2016). The basic concept of panel data analysis in this study is a combination of time series data and cross section data represented by observation data in 22 years periods and ten member countries of ASEAN.

In this panel data analysis, GDP per capita is selected as the dependent variable representing economic growth in ASEAN. Independent variables include import, and world government indicators (WGI) representing institutional performance as independent variables affecting economic growth. The GDP is a comprehensive measure of a country's complete economic activity. Imports and exports are important components of the expenditure method for calculating GDP. Several studies have revealed that exports and imports can be used as indicators that have a positive impact on economic growth. In this study, researchers involved exports and imports as independent variables with a measure that more feasible to understand quantitatively. This procedure needs hypothesis as following,

- H0: export, import and institutional performance indicators have no impact on economic growth.

- H1: export, import and institutional performance indicators have impact on economic growth.

The alpha value is selected to assess the probability of error that researchers determine in making a decision to reject or support the null hypothesis. H0 will be rejected if p-value smaller than alpha. This research purposes to disclose the performance of six institutional indicators of in a time-series trend visualization and panel data analysis. This study practices data from 2002 to 2022, where in this period there was a time when the world struggled with the COVID-19 pandemic in 2020. So that the involvement of data in 2020 can provide different results and insights from the previous studies.

Materials and methods

The World Bank released several institutional indicators manifested in the WGI, that will be used for the analysis of the impact of institutions on economic growth in ASEAN. The WGI is a valuable instrument for representatives, researchers, and experts concerned in comparative governance and institutional analysis (Gallego-álvarez, Rodríguez-Rosa, Vicente-Galindo, 2021; Handoyo, 2023; Sadaf et al., 2018). The WGI establishes a widespread dataset that assess the quality of public authority at the national level. The WGI structure refers to six key governance indicators: political stability and absence of violence, government effectiveness, regulatory quality, rule of law, control of corruption and voice and account. Effective management contributes to countries' economic growth, human capital development, and social integration. The WGI is beneficial to assist researchers and analysts discover general trends in concerning of government performance across countries and over time.

There are some researches investigating about institutional performance. For instance, a study examining empirically the significant institutional performance on investment flows in developing countries disclosed that Singapore is the one ASEAN country that has good governance and high government effectiveness (Buracom, 2014). Later, a study measuring the effectiveness of government performance on socioeconomic development in ASEAN countries found that ASEAN countries restraining public spending growth outperform countries with relatively large governments (Sagarik, 2017).

Several methods and approaches are applied in economy field study such as panel analysis. Panel data analysis is very prevalent in the fields of economics and econometrics. For example, a study examining several intrinsic variables and extrinsic variables, including corruption and armed conflict, on economic growth in ASEAN with panel data affords the result that corruption and armed conflict have a statistically significant and negative connection with economic growth in ASEAN countries (Aziz, Sundarasan, 2015).

Thus, a study investigating the role of institutions on economic growth in ASEAN countries from 1995 to 2017 applied a dynamic panel estimator revealed that institutional strength plays a significant and positive role in economic growth (Haini, 2020). In addition, research investigating the impact of institutions on economic growth in ASEAN with panel data of 10 member countries in the period 2002–2018

resulted that voice and accountability, regulatory quality, and the rule of law have a significant influence on economic growth (Sari, Prastyani, 2021).

1. Trend graph visualization. The WGI has been used since 1996 with six governance indicators by hundreds of countries around the world. Cumulative indicators are constructed with hundreds of individual underlying variables derived from a variety of data sources that reflect opinions about governance from a diverse range of qualified and expert respondents. The WGI reflects comparisons of governance across countries and over time (Kaufmann, Kraay, Mastruzzi, 2011). To reveal institutional performance in simply technique, researchers conducted a visualization method in this study.

There are several guidelines for effective data visualization in scientific publications purposing to transfer information effectively to readers and enhance communication of research outcomes (Midway, 2020). Efficient and effective data visualization techniques aim to discover more interesting visualizations building on reference visualizations (Qin et al., 2020). In general, data visualization can be simplified into three stages such as collecting data, recognizing patterns and understanding the data.

Table 1 displays a description of the institutional performance indicators that will be used as independent variables in this study.

Table 1

Type of WGI indicators

WGI indicators	Definition
Political stability and absence of violence	It measures the supposed probability of political variability and/or politically driven violence, counting terrorism. The value is between about –2.5 to 2.5.
Government effectiveness	It reveals the insights of the public and civil services quality and the its detachment level from political demands, the policy development quality and the legitimacy of the government's assurance to implementing policies. The value is reaching about –2.5 to 2.5.
Regulatory quality	It reflects an observation of the government capacity to develop and enforce comprehensive policies and regulations facilitating and promoting private expansion. The score is ranging around –2.5 to 2.5.
Rule of law	It discloses assessments of the agent's confidence and trust level instead in the society regulations, the agreement implementation quality, assets rights, the police and courts, and the possibility of crime and violence. The score is approaching between –2.5 and 2.5.
Corruption Control	It investigates understandings of the degree to which public authority is utilized for private advantage, involving minor and significant corruption types of government authority by privileged interests. The score is ranging from –2.5 to 2.5.
Voice and Accountability	It represents acuties about the level of citizen participation in selecting a government with freedom of appearance, association independence, and an unrestricted media. The score is ranging from –2.5 to 2.5.

Source: World Bank¹.

¹ World Bank. Retrieved July 12, 2024 from <https://www.worldbank.org/en/publication/worldwide-governance-indicators>

2. Panel data method. The use of panel data model analysis is popular in economics and econometric. The core advantage of panel data analysis is considering and controlling for individual effects and heterogeneity as well as time. It can provide valuable insight into the relationships between independent and dependent variables. The data structure consists of a time-series of annual data over 21 years and a cross-section of data from 10 ASEAN member countries.

The use of statistical application and software is needed to simplify complex data calculations and provide accurate results. Excel application is used to display the trends of the variables used in this study. A statistical software commonly used by statistics researchers in data analysis is R Studio. It is an open-source software with some advantages such as the legality of using safe software and updating packages. R Studio is a low-risk software for conducting and analyzing data improving its services continually (Henningsen, Henningsen, 2019).

The calculation involves GDPC as dependent variable and export, import, political stability, government effectiveness, regulatory quality, rule of law, corruption control, and voice and accountability as independent variables. The more detail information is represented in Table 2 as following.

Table 2

List of dependent and independent variables

Name of variables	Denotation of variables
<i>GDPC</i>	GDP per Capita
<i>Exp</i>	representing total value of goods and services provided to the rest of the world (%GDP)
<i>Imp</i>	representing total value of goods and services provided to the rest of the world (%GDP)
<i>PSAV</i>	political stability with score between -2.5 to 2.5
<i>GE</i>	government effectiveness with score between -2.5 to 2.5
<i>RQ</i>	regulatory quality with score between -2.5 to 2.5
<i>RL</i>	rule of law with score between -2.5 to 2.5
<i>CC</i>	corruption control with score between -2.5 to 2.5
<i>VA</i>	voice and accountability with score between -2.5 to 2.5

Source: compiled by S.W. Rizki, N.I. Didenko.

There are several stages of data analysis in panel data analysis. The stages procedure is directed as following,

- i. *Data standardization* is needed before accomplishment calculations because of the differences in measurement scales of the data to be used.

The standardization technique aims to simplify comparisons between data originating from variables with different scales. The most common approach to standardization is to use the Z-score by formula as following:

$$Z = \frac{X - \bar{X}}{\sigma},$$

where X = real value of data; \bar{X} = average value of data; σ = deviation standard of data; A positive Z-score value indicates that the data is above the mean and a negative value indicates that the data is below the mean.

- ii. *Chow test* is conducted to find out whether the panel data regression technique with the fixed effect method is better than the panel data model regression without dummy variables or the common effect method. The null hypothesis is the same intercepts, or in other words the right model for panel data regression is common effect, and the alternative hypothesis is that the intercepts are not the same or the right model for panel data regression is fixed effect. Therefore, the hypothesis can be represented as following,

H0: common effect model

H1: fixed effect model

- iii. *Hausman test* is led to determine whether there are random effects in the panel data model. The random effects suppose that the entity with the errors does not correlate with the predictive variables. Thus, the hypothesis can be denoted as following,

H0: random effect

H1: fixed effect

- iv. *Breusch-Pagan Lagrange Multiplier test* is directed to assess whether there is a time or individual effect or even none in the model. The Breusch Pagan method for the random effect significance test is based on the residual value. The Lagrange Multiplier test is not conducted if the Chow test and the Hausman test indicate that the most appropriate model is the fixed effect approach. This test is needed if Chow test and the Hausman test indicate common effect and random effect model. Thus, the hypothesis can be denoted as following,

H0: no time or individual effect

H1: time or individual effect

An alpha value symbolizing an error probability is selected for all hypothesis to make a decision. If p-value is smaller than alpha, so the null hypothesis will be rejected. Formula of panel data regression is presented as following

$$GDPC_{it} = \theta_0 + \theta_1 \text{Exp}_{it} + \theta_2 \text{Imp}_{it} + \theta_3 \text{PSAV}_{it} + \theta_4 \text{GE}_{it} + \theta_5 \text{RQ}_{it} + \\ + \theta_6 \text{RL}_{it} + \theta_7 \text{CC}_{it} + \text{VA}_{it} + e_{it},$$

where $\theta_0, \theta_1, \theta_2, \theta_3, \theta_4, \theta_5, \theta_6, \theta_7$ are parameter coefficient and e_{it} is error.

Institutional performance on trend

The WGI has a very important role in supporting the economic growth of a country. It can be a reference in determining government policies having an impact on improving the progress of society and the economic growth of a country. Researchers summarize the trends of the six institutional indicators performance in 10 ASEAN member countries in the period 2002–2022 pointing to describe the state of public governance in ASEAN countries.

Figure 1 shows Singapore and Brunei Darussalam have the highest score around 1 which means those countries has strong political stability. It describes that the mentioned countries have the best quality of public services and credibility to implement and commit government’s policies. Myanmar, Philippines, Indonesia, Thailand and Cambodia gained mostly negative score indicating low political stability during 21 years. Myanmar’s score has decreased in the last years around –2.2 in 2022. The political situation in Myanmar is very unstable and a state of military emergency is still in effect

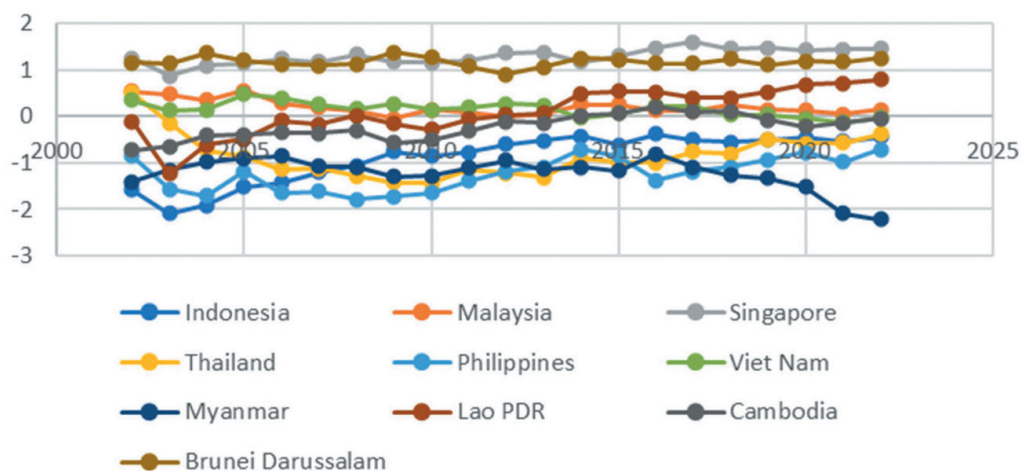

Figure 1. Trend of political stability score in ASEAN countries in 2002–2022

Source: Worldwide Government Indicators².

Figure 2 explains that Singapore has the strongest government effectiveness with score about 2 followed by Brunei Darussalam and Malaysia with score round 1. Thailand, Philippines, Viet Nam and Indonesia are in the medium level at around 0. Cambodia and Lao PDR gained round –1. The last, Myanmar reached the weakest score approximately –2.

Figure 3 shows that Singapore gained the highest score around 2, in the meantime Myanmar has the weakest score. It represents that government of Singapore

² Worldwide Government Indicators. Retrieved July 29, 2024 from <https://data.worldbank.org/indicator/PV.EST?skipRedirection=true&view=map>

have the strongest capability to formulate and implement comprehensive policies and regulations that permit and encourage private sector expansion and indicating that Myanmar has weak abilities for private sector development. Brunei Darussalam, Malaysia, Thailand, Philippines, Cambodia, Viet Nam, Indonesia and Lao PDR reached score between -1 and 1 . This means that these eight countries have done quite well in attracting the private sector to support economic growth but are still struggling to expand private sector growth

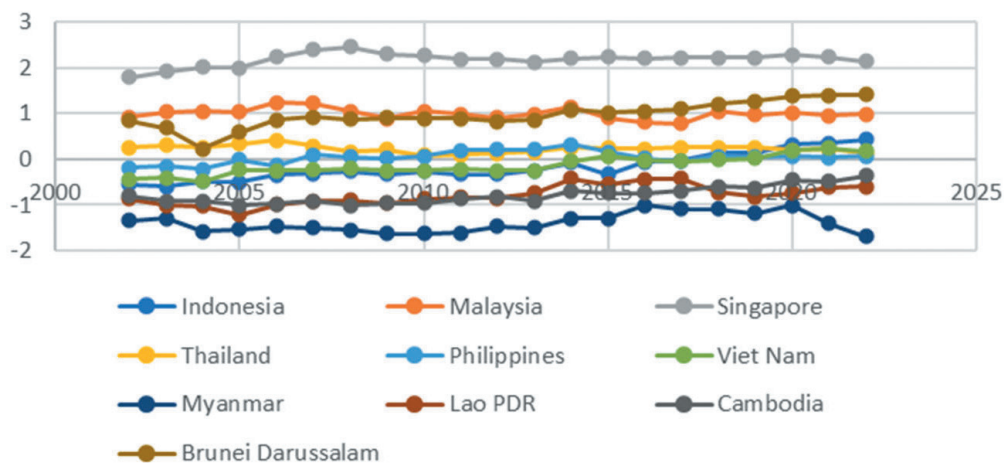

Figure 2. Trend of government effectiveness score in ASEAN countries in 2002–2022
 Source: Worldwide Government Indicators³.

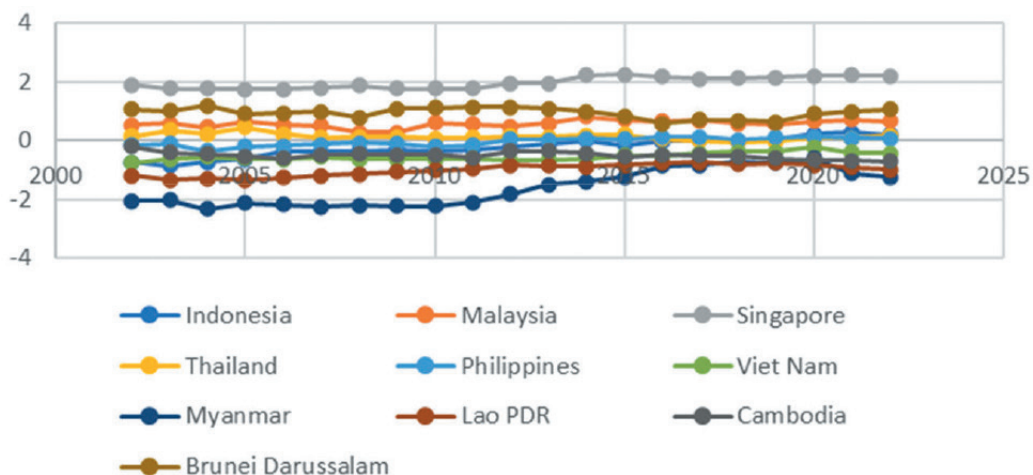

Figure 3. Trend of regulatory quality score in ASEAN countries in 2002–2022
 Source: Worldwide Government Indicators⁴.

³ Worldwide Government Indicators. Retrieved July 29, 2024 from <https://data.worldbank.org/indicator/GE.EST?skipRedirection=true&view=map>

⁴ Worldwide Government Indicators. Retrieved July 29, 2024 from <https://data.worldbank.org/indicator/GE.EST?skipRedirection=true&view=map>

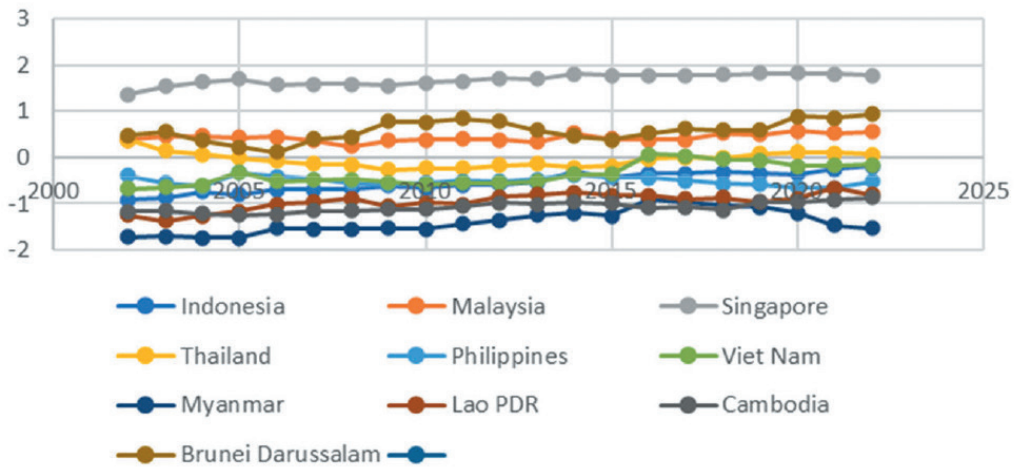

Figure 4. Trend of rule of law score in ASEAN countries in 2002–2022
 Source: Worldwide Government Indicators⁵.

Figure 4 signifies that Singapore has the strongest score on the rule of law, meaning Singapore has a strong belief in following the rules of society and the courts, and a low incidence of crime and violence. Malaysia and Brunei Darussalam reached positive score near 1. Thailand, Philippines, Indonesia and Viet Nam have score between -1 and 0 . Lao PDR, Cambodia and Myanmar are in the lowest level under -1 , which means the level of public compliance to the law is very low. It implements that there are a high probability of crime and violence

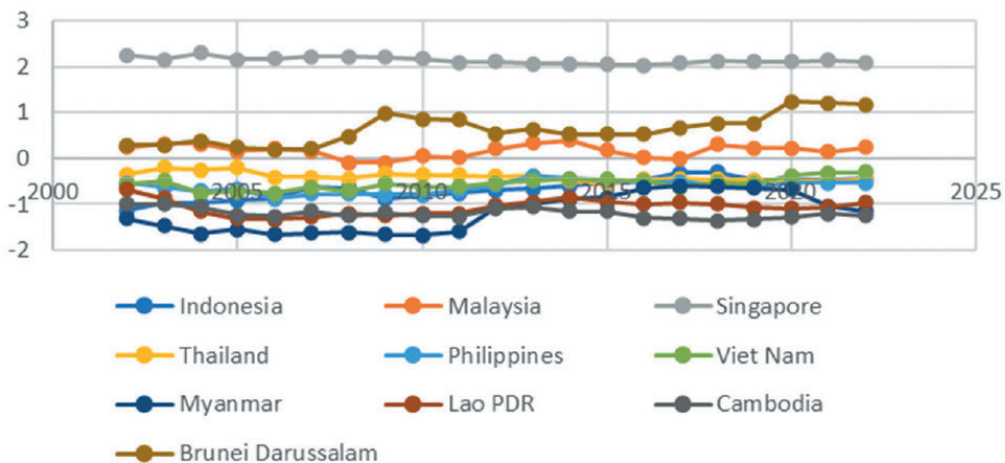

Figure 5. Trend of corruption control score in ASEAN countries in 2002–2022
 Source: Worldwide Government Indicators⁶.

⁵ Worldwide Government Indicators. Retrieved July 29, 2024 from <https://data.worldbank.org/indicator/RL.EST?skipRedirection=true&view=map>

⁶ Worldwide Government Indicators. Retrieved July 29, 2024 from <https://data.worldbank.org/indicator/CC.EST?skipRedirection=true&view=map>

Figure 5 reflects that Singapore government has the best capability to control corrupt behaviour. Malaysia and Brunei Darussalam have a fairly good ability to control corruption levels with scores above zero. The remaining countries performs under 0. Myanmar touched the lowest score at the 1st decade. It acclaims that those countries must conduct evaluations in order to improve control and reduce the level of corruption

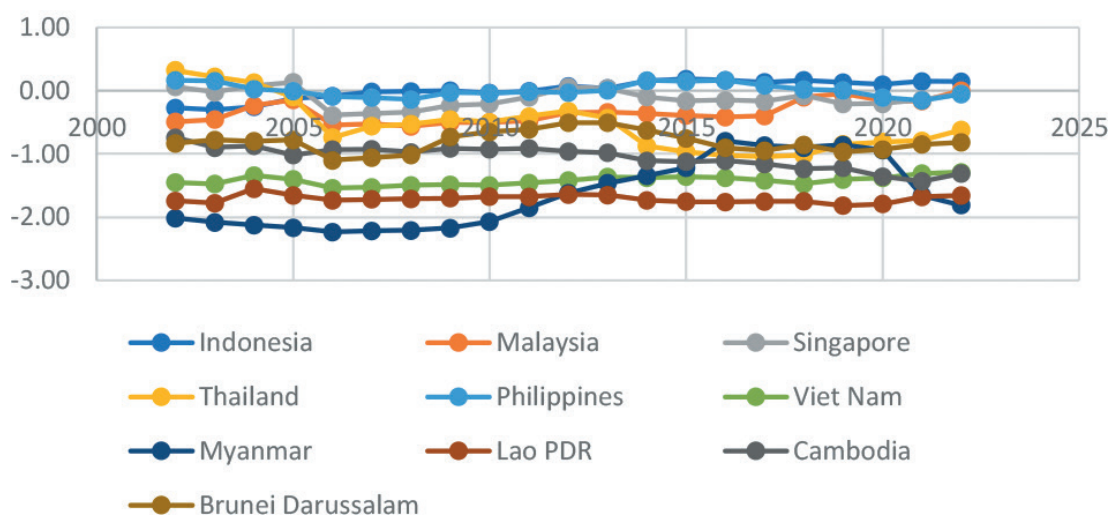

Figure 6. Trend of voice and accountability score in ASEAN countries in 2002–2022

Source: Worldwide Government Indicators⁷.

Figure 6 presents almost all countries has score between 0 and –2. It means that public participation in government, freedom of expression, freedom of association, and freedom of the media are low. Indonesia and Philippine are the two countries that have most affordable scores although it is a fairly low assessment with values around zero

Panel data analysis of institutional performance in ASEAN countries

To summarize the overall information from the data in a simple form, descriptive statistics are needed. The descriptive statistics are used to obtain a glimpse of information about the profile of government quality in ASEAN countries. The descriptive statistics can assist readers to understand several highlights and simplify information from the large data. The simple information of descriptive statistics is represented in Table 3 as following.

⁷ Worldwide Government Indicators. Retrieved July 29, 2024 from <https://data.worldbank.org/indicator/VA.EST?skipRedirection=true&view=map>

Table 3

Descriptive statistics of dependent and independent variables

Variables	GDPС, \$	Export, % GDP	Import, % GDP	PSAV	GE	RQ	RL	CC	VA
Mean	10597.06	64.30	58.6	-0.149	0.117	-0.033	-0.216	-0.271	-0.760
Std. Dev.	17692.77	50.42	42.57	0.932	1.015	1.004	0.892	1.001	0.681
Min	36.99	0.1	0.1	-2.212	-1.684	-2.349	-1.736	-1.673	-2.230
Max	85623.75	229	208.3	1.599	2.470	2.252	1.838	2.301	0.320
Obs.	210	210	210	210	210	210	210	210	210

Source: compiled by S.W. Rizki, N.I. Didenko.

Table 3 represents a simple form of governance conditions in ASEAN countries expressed in numerical form. The descriptive analysis reveals an extreme difference between minimum and maximum values in all variables. In this case, the minimum GDPС value is \$36.99 and the maximum is \$85623.75, it confirms that there is a very significant difference in prosperity between ASEAN countries. Data of export and import represent a structure of demand of export and imports (% of GDP at current market prices) of goods and services from 10 ASEAN member countries completed 21 years. The maximum and minimum values of export and import revealed an extreme difference of those values. It reinforces the indications of a large prosperity gap between ASEAN member countries.

This situation is quite relevant with a sharp difference exist between the maximum and minimum values of the WGI. It implies a very significant difference in government performance in each ASEAN member country. The biggest difference is in regulatory quality and the smallest is in voice and accountability.

Table 4

Correlation between independent variables

Variables	Export	Import	PSAV	GE	RQ	RL	CC	VA
Export	1							
Import	0.7251	1						
PSAV	-0.2434	-0.1239	1					
GE	0.0931	0.0971	0.2738	1				
RQ	-0.0207	0.0059	0.2109	0.3429	1			
RL	0.0169	0.0043	0.3802	0.5499	0.4591	1		
CC	0.0424	0.2434	0.0715	0.4060	0.4476	0.3061	1	
VA	-0.0207	0.0562	-0.0165	-0.0223	0.4334	0.3397	0.4658	1

Source: compiled by S.W. Rizki, N.I. Didenko.

Table 4 confirms that the strongest correlation between export and import gained coefficient value around 0.725151 and the weakest correlation between rule of law and import earned coefficient value about 0.004301. The strongest anti-correlation between political stability and absence of violence and export is round -0.243421 .

Table 5

Result of special test of significance

Test	Statistics	p-value
Chow test	F statistic F = 41.746; df1 = 20; df2 = 181	2.2e-16
Hausman test	Hausman test chisq = 0.00046684; df = 8	1
	LM test – two-ways effects chisq = 214.66; df = 2	2.2e-16
Breusch Pagan test	LM test – Individual effect chisq = 209.41; df = 1	2.2e-16
	LM test – time effects chisq = 5.2424, df = 1	0.02204

Source: compiled by S.W. Rizki, N.I. Didenko.

Table 5 represents several tests involved in panel regression analysis. Firstly, The Chow test is conducted to choose the better model between a common effect (as null hypothesis) or fixed effect method (as alternative hypothesis). It resulted that H_0 rejected (or H_1 accepted) because $p - value = 2.2e - 16 > 0.05$. It means that the fixed effect method is better than the common effect method with a 95% confidence level.

Secondly, The Hausman test is needed to determine whether there are random effects supposing the unit with the errors does not correlate with the independent variables. The results revealed that it failed to reject H_0 because $p - value = 1 > 0.05$. It means that the random effect method is a better method to use when compared to the fixed effect method with a 95% confidence level.

Lastly, because the Hausman test disclosed that the model has a random effect, it is continued with the Breusch Pagan test to determine whether there is a time or individual effect or even none in the model. Based on the results of the Breusch Pagan test all p-value less than α , it concludes that in the random effect model there are two-way effects such as cross-section and time effects. The results of the Hausmann test and the Breusch-Pagan test conclude that the model to be estimated is a random effect data model with cross-section and time effects. In brief, this research conducted a fixed model having random effect with cross-section and time effects. Then a significance test of the variables in the model is carried out in Table 6 as following.

Table 6

Result of panel regression

Variables	Estimated coefficients	Std. Error	z-value	Pr (> z)
Intercept	0.0029714	0.0841461	0.0353	0.9718
Export	0.2333809	0.0541044	4.3135	1.607e-05 ***
Import	-0.3132212	0.0550479	-5.6900	1.271e-08 ***
PSAV	-0.0404423	0.0414292	-0.9762	0.3290
GE	0.0007504	0.0515786	0.0145	0.9884
RQ	0.2142237	0.0450639	4.7538	1.997e-06 ***
RL	0.0185307	0.0531348	0.3487	0.7273
CC	-0.0431136	0.0505659	-0.8526	0.3939
VA	-0.0382610	0.0497207	-0.7695	0.4416

R-Squared: 0.25247
Adjusted R-Squared: 0.22272

Significance codes: 0 '***' 0.001 '**' 0.01 '*' 0.05 '.' 0.1 ' ' 1
Source: compiled by S.W. Rizki, N.I. Didenko.

The panel analysis equation by putting estimated coefficients to formula equation can be written as following,

$$\begin{aligned}
 \text{GDPC}_{it} = & 0.0029714 + 0.2333809\text{Exp}_{it} - 0.3132212\text{Imp}_{it} - 0.0404423\text{PSAV}_{it} + \\
 & + 0.0007504\text{GE}_{it} + 0.2142237\text{RQ}_{it} + 0.0185307\text{RL}_{it} - \\
 & - 0.0431136\text{CC}_{it} - 0.0382610\text{VA}_{it} + e_{it},
 \end{aligned}$$

where *i* denotes countries in ASEAN and *t* denotes years. The Table 6 gives the results for the previous hypothesis as following

- H0: export, import and institutional performance indicators have no impact on economic growth.
- H1: export, import and institutional performance indicators have impact on economic growth.

By taking an alpha value as 0.05, H0 will be rejected if p-values less than 0.05. Based on the overall test results on Table 6, it was obtained that the p-value of the export, import and RQ variables are 1.607e-05, 1.271e-08 and 1.997e-06, respectively. Those are less than alpha 0.05, which means that the null hypothesis is rejected and alternative hypothesis is accepted. It reveals that the export per capita, import per capita and RQ variables have impact on economic growth under 95 percent confidence level. Thus, simultaneously, those independent variables have a significant effect on GDPC. The value of adjusted R-Square is 0.22272. It means that the independent variables, namely the export, import and RQ variables, are able

to explain the dependent variable, that is GDPC, by 22.272%, while the remaining 77.278% is explained by other factors not mentioned in the model. R-Squared measures how much deviation in the model, the greater the R-Square means the deviation in the model is less which indicates the model is better. In this study, R square is 0.25247, and this is relatively small. To increase the R square value, more independent variables can be added in further research.

Discussion

Singapore achieved the highest scores in five institutional indicators: political stability and absence of violence, government effectiveness, regulatory quality, rule of law, and corruption control, meanwhile Indonesia and the Philippines scored the highest in voice and Accountability. Brunei Darussalam and Malaysia ranked high in the five indicators following Singapore. Thailand, the Philippines, Indonesia, and Vietnam maintained a relatively high level in almost every indicator. Cambodia, Lao PDR, and Myanmar continue to struggle with governance indicator assessment. Myanmar attained the lowest level in all indicators. This is due to the unstable political situation and an effect of military emergency state. The existence of a fairly large gap in institutional performance assessment scores has caused a very significant difference in welfare between ASEAN countries. The important objective of ASEAN's formation to realize supporting economic growth, cultural development, and social progress in the regional area is facing a big challenge until present. It needs to be a more effective and strict policy to achieve the joint goal.

Panel data analysis reveals that export, import, and RQ contributing significantly to ASEAN economic growth, with an adjusted R-square value of 0.25247. This value is fairly insufficient, as it is less than 0.5. The result indicates that the export, import, and regulatory quality variables can explain 22.272% of the dependent variable, GDPC, with the remaining 77.278% explained by factors not identified in the model. Refers to the results of this panel data analysis, we know that the quality of regulation has a significant impact on economic growth. These results recommend that policy makers be more active in formulating regulations and implementing more optimal policies to encourage the development of the private sector. By considering the relatively slight R-squares value as 0.25247, it can be improved by adding independent variables in further research. The independent variables that can be added can refer to additional variables that can support regulatory quality such as interest rates and investment.

Conclusion

According to the researcher's point of view, ASEAN has unique and interesting characteristics and descriptions to be used as research study material. There are several opinions from economic experts regarding the impact of population on economic growth, on the one hand several experts and studies state that the number of residents can have a positive impact on economic growth. However, some opinions are still not sure whether the number of residents has a positive impact on economic growth. In this

study, observations in the ASEAN region provide clues that Singapore and Brunei with the smallest area and population performed very impressive economic growth with per capita income significantly above on the average GDP per capita of other ASEAN countries. In addition, these two countries have the smallest land area compared to ASEAN countries. The large area should be able to provide large natural resources that can be used as production materials and can increase export value and ultimately have a positive impact on economic growth as reflected in GDP per capita. The connecting line that could be taken from this situation is that government performance plays a very important role in managing natural resources and improving the quality of the population. From this point of view, several policies, related to how to utilize natural resources optimally and strive to improve human quality, is need to improve. Further research could involve the human development index and education quality to measuring success in efforts to build the quality of human life. In addition, interest rate and investment can be considering to be independent variables as a parameter of natural resource processing and management stimulator.

This study only limits two quantitative variables, which have an impact on economic growth, namely exports and imports, as complementary variables of the institutional performance variable. In further research, other variables can be involved, such as Foreign Direct Investment between ASEAN countries as a manifestation of economic cooperation. The researcher also suggests that further research involve the Human Development Index as one of the independent variables. The addition of suggested variables is expected to provide a more detailed description of the research results and can be used as a consideration for making policies that can support economic development in ASEAN.

References

- Aparicio, S., Urbano, D., & Audretsch, D. (2016). Institutional factors, opportunity entrepreneurship and economic growth: Panel data evidence. *Technological Forecasting and Social Change*, 102, 45–61. <https://doi.org/10.1016/j.techfore.2015.04.006>
- Aziz, M.N., & Sundarasan, S.D.D. (2015). The impact of political regime and governance on ASEAN economic growth. *Southeast Asian Economies*, 32(3), 375–389. <https://doi.org/10.1355/ae32-3e>
- Bernardelli, M., Próchniak, M., & Witkowski, B. (2021). Time stability of the impact of institutions on economic growth and real convergence of the EU countries: Implications from the hidden Markov models analysis. *Equilibrium. Quarterly Journal of Economics and Economic Policy*, 16(2), 285–323. <https://doi.org/10.24136/eq.2021.011> EDN: SRONEJ
- Bowden, B. (2020). Economic foundations: Adam Smith and the classical school of economics. In *The Palgrave Handbook of Management History* (pp. 345–365). Springer International Publishing. https://doi.org/10.1007/978-3-319-62114-2_20
- Buracom, P. (2014). ASEAN Economic performance, institutional effectiveness, and foreign direct investment. *Asian Affairs (UK)*, 41(3), 108–126. <https://doi.org/10.1080/00927678.2014.936801>
- Commendatore, P. (2003). On the post Keynesian theory of growth and “Institutional” distribution. *Review of Political Economy*, 15(2), 193–209. <https://doi.org/10.1080/0953825032000064887> EDN: DWUWUF

- D'Aloia, F., & Gugler, P. (2024). Impact of Covid-19 on the economic growth of ASEAN countries: Convergence or divergence? *International Journal of Global Business and Competitiveness*. <https://doi.org/10.1007/s42943-024-00098-2> EDN: IUEGJX
- Davies, W. (2015). The return of social government: From 'socialist calculation' to 'social analytics.' *European Journal of Social Theory*, 18(4), 431–450. <https://doi.org/10.1177/1368431015578044>
- Ferrari-Filho, F., & Conceição, O.A.C. (2005). The concept of uncertainty in post Keynesian theory and in institutional economics. *Journal of Economic Issues*, 39(3), 579–594. <https://doi.org/10.1080/00213624.2005.11506835>
- Gallego-álvarez, I., Rodríguez-Rosa, M., & Vicente-Galindo, P. (2021). Are worldwide governance indicators stable or do they change over time? A comparative study using multivariate analysis. *Mathematics*, 9. <https://doi.org/10.3390/math9243257> EDN: FDYVUR
- Haini, H. (2020). Examining the relationship between finance, institutions and economic growth: evidence from the ASEAN economies. *Economic Change and Restructuring*, 53(4), 519–542. <https://doi.org/10.1007/s10644-019-09257-5> EDN: DMDRNP
- Handoyo, S. (2023). Worldwide governance indicators: Cross country data set 2012–2022. *Data in Brief*, 51. <https://doi.org/10.1016/j.dib.2023.109814> EDN: VAIKFU
- Haug, N., Geyrhofer, L., Londei, A., Dervic, E., Desvars-Larrive, A., Loreto, V., Pinior, B., Thurner, S., & Klimek, P. (2020). Ranking the effectiveness of worldwide COVID-19 government interventions. *Nature Human Behaviour*, (4), 1303–1312. <https://doi.org/10.1038/s41562-020-01009-0> EDN: GOIRBP
- Henningsen, A., & Henningsen, G. (2019). Analysis of panel data using R. In *Panel Data Econometrics: Theory* (pp. 345–396). Elsevier. <https://doi.org/10.1016/B978-0-12-814367-4.00012-5>
- Hussen, M.S. (2023). Institutional quality and economic growth in Sub-Saharan Africa: a panel data approach. *Journal of Economics and Development*, 25(4), 332–348. <https://doi.org/10.1108/JED-11-2022-0231> EDN: OYQCBO
- Kaufmann, D., Kraay, A., & Mastruzzi, M. (2011). The worldwide governance indicators: Methodology and analytical issues. *Hague Journal on the Rule of Law*, 3(2), 220–246. <https://doi.org/10.1017/S1876404511200046> EDN: XBFMMS
- Klarin, T. (2018). The concept of sustainable development: From its beginning to the contemporary issues. *Zagreb International Review of Economics and Business*, 21(1), 67–94. <https://doi.org/10.2478/zireb-2018-0005>
- Kuznets, S. (1977). *Two Centuries of Economic Growth: Reflections on U.S. Experience*.
- Liang, J., Yin, Z., Yang, J., Li, Y., Xu, M., Li, J., Yang, M., & Niu, L. (2022). Bibliometrics and visualization analysis of research in the field of sustainable development of the blue economy (2006–2021). *Frontiers in Marine Science*, 9. <https://doi.org/10.3389/fmars.2022.936612> EDN: TPJCHS
- Midway, S.R. (2020). Principles of effective data visualization. *Patterns*, 1 (9). <https://doi.org/10.1016/j.patter.2020.100141> EDN: KUNXLE
- Muldoon, J. (2022). A socialist republican theory of freedom and government. *European Journal of Political Theory*, 21(1), 47–67. <https://doi.org/10.1177/1474885119847606>
- O'Donnell, R. (2022). Keynes and Smith, opponents or allies? Part I: Keynes on Smith. *Review of Political Economy*, 34(1), 69–92. <https://doi.org/10.1080/09538259.2021.1882185> EDN: OZPRCD
- Qin, X., Luo, Y., Tang, N., & Li, G. (2020). Making data visualization more efficient and effective: a survey. *VLDB Journal*, 29(1), 93–117. <https://doi.org/10.1007/s00778-019-00588-3> EDN: TZIDRA
- Sadaf, R., Oláh, J., Popp, J., & Máté, D. (2018). An investigation of the influence of the worldwide governance and competitiveness on accounting fraud cases: A cross-country perspective. *Sustainability (Switzerland)*, 10 (3). <https://doi.org/10.3390/su10030588>

- Sagarik, D. (2017). Size of Government, Effectiveness and Socioeconomic Development: A Comparative Analysis of ASEAN Countries. *Journal of Comparative Asian Development*, 16(2), 91–112. <https://doi.org/10.1080/15339114.2017.1334565>
- Salman, M., Long, X., Dauda, L., & Mensah, C.N. (2019). The impact of institutional quality on economic growth and carbon emissions: Evidence from Indonesia, South Korea and Thailand. *Journal of Cleaner Production*, 241. <https://doi.org/10.1016/j.jclepro.2019.118331>
- Sari, V.K., & Prastyani, D. (2021). the impact of the institution on economic growth: An evidence from ASEAN. *Jurnal Ekonomi Pembangunan*, 19(1), 17–26. <https://doi.org/10.29259/jep.v19i1.12793> EDN: NVKWHG
- Sidek, N.Z.M., & Asutay, M. (2020). Do government expenditures and institutions drive growth? Evidence from developed and developing economies. *Studies in Economics and Finance*, 38(2), 400–440. <https://doi.org/10.1108/SEF-10-2019-0412> EDN: QUKUFY
- Smith, V.L., & Smith, A. (1997). The two Faces of Adam Smith. *Distinguished Guest Lecturer. Southern Economic Journal* 1998, 65(1), 20.
- Ucak, A. (2015). Adam Smith: the inspirer of modern growth theories. *Procedia — Social and Behavioral Sciences*, 195, 663–672. <https://doi.org/10.1016/j.sbspro.2015.06.258>
- Zhao, J. (2024). How do innovation factor allocation and institutional environment affect high-quality economic development? Evidence from China. *Journal of Innovation and Knowledge*, 9(2). <https://doi.org/10.1016/j.jik.2024.100475> EDN: CGAWYV

Bio notes / Сведения об авторах

Setyo Wira Rizki, PhD Student, Institute of Industrial Management, Economics and Trade, Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University, 29 B Polytechnicheskaya St., Saint Petersburg, 195251, Russian Federation. ORCID: 0000-0003-0829-9767. E-mail: rizki.sv@edu.spbstu.ru

Ризки Сетьо Вира, аспирант, институт промышленного менеджмента, экономики и торговли, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Российская Федерация, 195251, Санкт-Петербург, ул. Политехническая, д. 29 Б. ORCID: 0000-0003-0829-9767. E-mail: rizki.sv@edu.spbstu.ru

Nikolay I. Didenko, Doctor of Economics, Professor, Institute of Industrial Management, Economics and Trade, Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University, 29 B Polytechnicheskaya st., Saint Petersburg, 195251, Russian Federation. ORCID: 0000-0001-8540-7034. SPIN-код: 3512-5410. E-mail: didenko.nikolay@mail.ru

Диденко Николай Иванович, доктор экономических наук, профессор, Институт промышленного менеджмента, экономики и торговли, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Российская Федерация, 195251, Санкт-Петербург, ул. Политехническая, д. 29 Б. ORCID: 0000-0001-8540-7034. SPIN-код: 3512-5410. E-mail: didenko.nikolay@mail.ru

DOI: 10.22363/2313-2329-2025-33-2-304-318

EDN: ARNYAK

УДК 332.1

Научная статья / Research article

Роль столиц и крупнейших городов в экономическом развитии стран БРИКС

Г.Е. Попов¹ , В.Н. Холина¹ ✉, М. Петрович^{1, 2} ¹Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация²Институт географии Йована Цвиича Сербской академии наук и искусств, Белград,
Сербия✉ kholina_vn@pfur.ru

Аннотация. Столицы и ключевые региональные центры играют важную, а иногда и определяющую, роль в экономическом развитии всех стран мира. Концентрация населения, штаб-квартир компаний, банков, с одной стороны, становится драйвером экономического развития, а с другой — порождает диспропорции, тормозящие устойчивое развитие. Масштабы экономики агломераций и мегалополисов стран БРИКС (Бразилия, Россия, Индия, Китай, ЮАР, Эфиопия, Иран, ОАЭ и Египет — организация, на долю которой приходится около 40 % от общей численности населения Земли и 1/3 от мирового ВВП) впечатляют и сопоставимы с целыми странами. Цель исследования — изучение вклада столиц и пяти крупнейших городов стран БРИКС в социально-экономические показатели страны за 2000–2020 гг. Для сравнительного анализа рассчитаны коэффициенты динамики численности населения и концентрации городского населения, их показатели ВВП. Выявлено, что страны БРИКС демонстрируют существенные различия в показателях, обусловленные историческими, географическими, социально-экономическими и другими факторами. Выделено 3 группы стран по характеру динамики роли столиц и пяти крупнейших городов за 2000–2020 гг.: возрастание (Россия, ЮАР и Китай); снижение (ОАЭ, Эфиопия и Иран); отсутствие изменений (Бразилия, Египет и Индия). Полученные результаты вносят вклад в углубление научного понимания процессов и взаимосвязи между пространственным развитием и экономическим ростом в странах с формирующимися рынками и развивающихся странах.

Ключевые слова: страны БРИКС, экономическое развитие, урбанизация, региональные центры, агломерация

Вклад авторов. Вклад авторов равнозначен на всех этапах исследования и написания статьи.

Благодарности. Исследование выполнено в рамках проекта № 060509-0-000 системы грантовой поддержки РУДН.

© Попов Г.Е., Холина В.Н., Петрович М., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 1 ноября 2024 г.; доработана после рецензирования 7 января 2024 г.; принята к публикации 18 февраля 2025 г.

Для цитирования: Попов Г.Е., Холина В.Н., Петрович М. Роль столиц и крупнейших городов в экономическом развитии стран БРИКС // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика. 2025. Т. 33. № 2. С. 304–318. <https://doi.org/10.22363/2313-2329-2025-33-2-304-318>

The role of capitals and major cities in the economic development of the BRICS countries

Georgii E. Popov¹ , Veronika N. Kholina¹ , Marko Petrovich^{1,2}

¹RUDN University, Moscow, Russian Federation

²Geographical Institute “Jovan Cvijici” of the Serbian Academy of Sciences and Arts (SASA), Belgrade, Serbia

 kholina_vn@pfur.ru

Abstract. Capitals and key regional centers play an important, and in some countries a determining, role in the economic development of all countries in the world. The concentration of population, company headquarters and banks, on the one hand, becomes a driver of economic development, but on the other hand, it generates disproportions that become a brake on sustainable development. The scale of the economies of agglomerations and megalopolises of the BRICS countries (Brazil, Russia, India, China, South Africa, Ethiopia, Iran, UAE and Egypt — an influential organization that accounts for about 40% of the total population of the Earth and 1/3 of the world GDP) is impressive and comparable to entire countries. This paper aims to examine the role of the capitals and the five largest cities of the BRICS countries in the socio-economic performance of the countries over the period 2000–2020. For the comparative analysis of the role of capitals and largest cities in economic development were used the calculations the coefficients of population dynamics and urban population concentration in the five largest cities and the capital and their role in the economy. The analysis showed that the BRICS countries demonstrate significant differences in the indicators, which is due to historical, geographical, socio-economic and other factors. The authors identified 3 groups of countries by the nature of the dynamics of the role of capitals over 2000–2020: countries where the role in the socio-economic development of the capital and the five largest cities: increased (Russia, South Africa and China); decreased (UAE, Ethiopia and Iran); did not change (Brazil, Egypt and India). The results contribute to the scientific understanding of the processes and the relationship between spatial development and economic growth in emerging markets and developing countries.

Keywords: BRICS countries, economic development, urbanization, regional centers, agglomeration

Authors' contribution. The authors contributed equally to these research and article.

Acknowledgements. This research has been supported by the RUDN University Scientific Projects Grant System, project № 060509-0-0-000.

Conflicts of interest. The authors declare no conflict of interests.

Article history: received 1 November 2024; revised 7 January 2025; accepted 18 February 2025.

For citation: Popov, G.E., Kholina, V.N., & Petrovich, M. (2025). The role of capitals and major cities in the economic development of the BRICS countries. *RUDN Journal of Economics*, 33(2), 304–318. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2313-2329-2025-33-2-304-318>

Введение

Столицы государств традиционно являются ключевыми центрами экономической активности. Концентрируя значительные финансовые, производственные, инвестиционные и человеческие ресурсы, столичные регионы играют определяющую роль в экономическом развитии национальной экономики (Сергунин, Гао, 2018).

Столицы как центры государственного управления отличаются высоким уровнем развития транспортной, коммунальной, цифровой и социальной инфраструктуры. Это создает благоприятные условия для роста деловой активности, инвестиций и повышения производительности труда. Концентрация «точек роста» в столичных регионах обеспечивает синергетический эффект для экономического развития. Отметим, что главенствующая роль столиц должна сочетаться с устойчивым пространственным развитием, оно способствует оптимальному распределению ресурсов и возможностей между регионами, что в свою очередь ведет к увеличению общего экономического потенциала стран и политико-экономических объединений.

Членство в БРИКС формирует для стран-участниц существенные конкурентные преимущества, расширяя их возможности для ускоренного в т.ч. экономического роста и развития в долгосрочной перспективе (Вергун, 2013).

Целью данного **исследования** является анализ роли пяти крупнейших городов (включая столицу) в экономическом развитии стран БРИКС за 2000–2020 гг. На основе сопоставления данных о динамике ВВП, численности населения и доле валового городского продукта столиц в ВВП стран БРИКС были выделены группы стран со схожей динамикой показателей, выявлены причины и последствия для устойчивого социально-экономического развития, а также ключевые тенденции в изменении роли столиц и крупнейших городов в национальных экономиках и различия в моделях пространственного развития.

Обзор литературы

Межгосударственное объединение БРИКС является предметом исследований для международных организаций, таких как МФВ¹ и Всемирный Банк², ученых-экономистов России и других стран — членов объединения;

¹ Is the emerging world still emerging? URL: <https://www.imf.org/external/pubs/ft/fandd/2021/06/jim-oneill-revisits-brics-emerging-markets.htm> (дата обращения: 16.07.2024).

² Is the emerging world still emerging? URL: <https://www.imf.org/external/pubs/ft/fandd/2021/06/jim-oneill-revisits-brics-emerging-markets.htm> (дата обращения: 16.07.2024).

с 2010 г. выпускается сборник социально-экономических показателей для каждой страны БРИКС³.

Большинство исследований по тематике БРИКС посвящено изучению экономик стран организации, возможностям, перспективам и целям их взаимодействия, а также влиянию институциональных факторов на них (Терещенко, 2012; Денисова, 2022; Далдеган, де Бобра, 2023).

Особое место занимают работы, исследующие место БРИКС в мировой экономике, взаимодействие объединения с другими странами, в т.ч. США и ЕС (Попова, 2018; Макаревич, 2015; Александрова, Орлов, 2015). Также авторы рассматривают роль БРИКС в многополярном мире, в т.ч. с политической точки зрения (Попова, 2017; Толорая, Чуков, 2016). Некоторые исследователи рассматривают возможности интеграционных процессов в рамках БРИКС (Вергун, 2013), другая группа научных работ посвящена предпосылкам к созданию и мотивам вступления в организацию (Сергунин, Гао, 2018).

Следует отметить, что анализу процессов урбанизации, пространственному развитию в странах БРИКС посвящено сравнительно небольшое количество исследований. Однако процессы урбанизации и особенности размещение населения и экономической активности по территории стран оказывает непосредственное влияние на национальные экономики, что, в свою очередь, сказывается на возможностях для сотрудничества членов организации и месте БРИКС в мире (Римашевская, Доброхлеб, 2016; Обура, 2024). Особенности взаимодействия стран БРИКС и G7, в частности, посвящены работы Камина и Лангхаммера (Kamin, Langhammer, 2024).

С расширением БРИКС в 2024 г. особую важность приобрела задача исследования интеграционных возможностей новых государств — членов в объединении, а также условий для развития организации^{4,5}.

Методы исследования

Для анализа роли 5 крупнейших городов (включая столицы) в национальных экономиках стран — членов БРИКС применены аналитические методы обработки статистических данных, предоставляемых национальными базами.

Проведен сравнительный анализ таких показателей, как ВВП, ВВП на душу населения, численность населения, уровень урбанизации и классификация стран по уровню дохода (по данным Всемирного банка⁶), а также дан-

³ In 2017, services were the main driver of economic growth in BRICS. URL: <https://datatopics.worldbank.org/world-development-indicators/stories/services-drive-economic-growth.html> (дата обращения: 17.09.2024).

⁴ БРИКС. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12879> (дата обращения: 16.07.2024).

⁵ РСМД БРИКС. URL: <https://russiancouncil.ru/search/index.php?tags=БРИКС> (дата обращения: 16.07.2024).

⁶ Строители платформ: что мешает созданию единого платежного механизма стран БРИКС. URL: <https://www.forbes.ru/mneniya/523569-stroiteli-platform-cto-mesaet-sozdaniu-edinogo-plateznogo-mehanizma-stran-briks> (дата обращения: 16.07.2024).

ные сайта Городское население⁷, где представлена динамика численности населения столиц и 5 крупнейших городов БРИКС за 2000–2020 гг. Рассчитаны коэффициенты динамики численности населения и концентрации городского населения в пяти крупнейших городах и в столице. На основе полученных расчетов составлена авторская типология стран БРИКС по роли столицы и крупнейших городов в развитии национальных экономик. Это позволило выявить ключевые тенденции в изменении роли столиц и крупнейших городов в национальных экономиках и типологические особенности каждой группы для прогнозирования трендов.

С использованием данных Всемирного банка и национальных статистических баз^{8, 9, 10} рассчитана динамика доли валового городского продукта столиц стран БРИКС за 2000–2020 гг. В случаях, когда национальная статистика не представляла данные, они были получены экспертным путем (путем перемножения ВВП на душу населения на численность населения городского поселения).

Результаты исследования

Межгосударственная организация БРИКС создана в 2006 г. и объединила крупные страны: Бразилию, Россию, Индию, Китай и ЮАР, с 2024 г. присоединились Эфиопия, Иран, Египет и ОАЭ. Страны-члены сильно отличаются друг от друга по уровню и качеству жизни и базовым макроэкономическим показателям (Терещенко, 2012). В БРИКС входят как страны с уровнем дохода выше среднего по классификации Всемирного банка — это Бразилия, Россия, ЮАР, ОАЭ и Китай (54 % от населения, 58 % от территории) с высоким уровнем урбанизации и наиболее высоким ВВП из всех стран-членов блока, так и страны с уровнем дохода ниже среднего — Индия, Египет, Иран (43 % от населения, 35 % от территории). К странам с низким уровнем дохода относится Эфиопия (3 % от населения, 7 % от территории) (табл. 1.)

Рассмотрим динамику ключевых показателей по странам-членам БРИКС за 2000–2020 гг. Так, по характеру прироста численности населения в столице за 2000–2020 гг. выделено четыре группы: с максимальным приростом (от 80 %), высоким (от 41 до 80 %), умеренным (от 24 до 40 %) и низким (ниже 24 %).

Первую группу составляют столицы с максимальным приростом населения — Пекин и Абу-Даби. Столь высокие темпы роста обусловлены активными процессами урбанизации, значительным притоком мигрантов, а также интенсивным социально-экономическим развитием. Подобная динамика создает серьезную нагрузку на городские системы и требует тщательного стратегического планирования дальнейшего развития городов.

⁷ WorldBank. URL: <https://www.worldbank.org/en/home> (дата обращения: 16.07.2024).

⁸ City population. URL: <https://citypopulation.de> (дата обращения: 16.07.2024).

⁹ IBGE. URL: <https://www.ibge.gov.br/en/> (дата обращения: 16.10.2024).

¹⁰ FCSC URL: <https://uaestat.fcsc.gov.ae/en> (дата обращения: 16.07.2024).

Таблица 1

Изменение численности населения в 5 крупнейших городах стран БРИКС, 2000–2020 гг.

Страна	Суммарная численность населения 5 крупнейших городов (включая столицу), млн чел.		Относительное изменение суммарной численности населения 5 крупнейших городов (включая столицу), %
	2000	2020	
Бразилия	22,2	27,6	24
Египет	16,3	21,2	30
Индия	54,7	65,9	20
Иран	14,5	16,8	16
Китай	43,9	87,9	100
ОАЭ	3,1	6,7	115
Россия	18,8	23,1	22
Эфиопия	3,5	5,6	60
ЮАР	13,0	16,7	28

Источник: составили Г.Е. Попов, В.Н. Холина, М. Петрович на основе данных City population. URL: <https://citypopulation.de> (дата обращения: 16.07.2024).

Table 1

Population Change in the 5 Largest Cities of the BRICS Countries, 2000–2020

Country	Total population of the 5 largest cities (including the capital), mln people		Relative change in the total population of the 5 largest cities (including the capital), %
	2000	2020	
Brazil	22.2	27.6	24
Egypt	16.3	21.2	30
India	54.7	65.9	20
Iran	14.5	16.8	16
China	43.9	87.9	100
UAE	3.1	6.7	115
Russia	18.8	23.1	22
Ethiopia	3.5	5.6	60
South Africa	13.0	16.7	28

Source: compiled by G.E. Popov, V.N. Kholina, M. Petrovich based on the data: City population. URL: <https://citypopulation.de> (date of access: 16.07.2024).

Во вторую группу входят столицы с высоким приростом населения — Претория и Бразилиа. Данная тенденция отражает общие закономерности концентрации населения в столицах развивающихся стран, обусловленные процессами урбанизации.

К третьей группе относятся города с умеренным приростом населения — Каир, Москва, Дели, Аддис-Абеба. Более сдержанные, но все же заметные темпы роста в этих агломерациях свидетельствуют о более сбалансированном характере процессов урбанизации.

Тегеран продемонстрировал самые низкие темпы прироста населения среди столиц БРИКС, что связано со спецификой демографической политики, введенными с 1956 г. государственными мерами, ограничивающими строительство в городской черте: затрудняется создание новых жилых кварталов, что приводит к нехватке жилья, кроме того, потенциальных жителей отталкивает высокий уровень загрязнения воздуха. Правительство Ирана проводит политику, направленную на регулирование рождаемости, что непосредственно оказывает влияние на прирост населения¹¹.

Анализ данных позволяет выделить несколько групп стран с различными темпами роста суммарной численности населения пяти крупнейших городов — с максимальным относительным изменением суммарной численности населения (от 100 %), высоким (от 28 до 100 %), умеренным (от 20 до 28 %) и низким (ниже 20 %).

Наиболее высокие темпы характерны для Китая и Объединенных Арабских Эмиратов, где за 2000–2020 гг. данный показатель увеличился на 100 и 115 % соответственно. Такая динамика свидетельствует об интенсивных миграционных процессах и быстром экономическом развитии, обуславливающих концентрацию населения в ведущих городских центрах. В Китае активное развитие городской инфраструктуры и создание новых рабочих мест в мегаполисах привлекают мигрантов из сельских районов. В ОАЭ, благодаря нефтяным доходам, наблюдается приток иностранных рабочих, что в свою очередь способствует высоким темпам роста.

Группу с высокими темпами роста суммарной численности населения 5 крупнейших городов составляют Эфиопия, Египет и ЮАР. Это отражает ускоренные тенденции урбанизации в данных странах, связанные с социально-экономическими трансформациями и привлекательностью крупных городов для трудовых мигрантов из периферийных районов и высокими коэффициентами рождаемости (табл. 2).

В Эфиопии в стратегических программах развития заложены механизмы стимулирования планомерной урбанизации во всех регионах¹² (НПК, план 2016 г.). Помимо расширения существующих городов в результате активного государственного жилищного строительства и реализации других проектов развития инфраструктуры, программы направлены на преобразование тысяч деревень в городские центры.

В Египте и ЮАР процессы урбанизации активизировались благодаря экономическим реформам и инвестициям в городскую инфраструктуру, что делает города более привлекательными для жизни; экономический рост притягивает трудовых мигрантов как из соседних стран, так и из внутренних районов.

¹¹ Iran at a glance. URL: <https://irandataportal.syr.edu/iran-at-a-glance> (дата обращения: 26.11.2024).

¹² Проведение гибкой архитектурной и градостроительной политики в регионах, переживающих стремительную урбанизацию: пример Эфиопии. URL: <https://www.un.org/ru/chronicle/article/21911> (дата обращения: 16.07.2024).

Таблица 2

Доля столицы и 5 крупнейших городов в населении стран-членов БРИКС, 2000 и 2020 гг.

Страна	Доля в населении страны, %				Относительное изменение доли в населении страны, процентные пункты	
	столицы		5 крупнейших городов включая столицу		столицы	5 крупнейших городов включая столицу
	2000	2020	2000	2020		
Бразилия	1,2	1,5	13	14	0,3	1
Египет	10,6	9,4	23	21	-1,2	-2
Индия	1,2	1,3	5	5	0,1	0
Иран	11,1	10,0	21	19	-1,0	-2
Китай	0,8	1,3	3	6	0,5	3
ОАЭ	16,3	12,7	77	71	-3,7	-6
Россия	7,1	8,9	13	16	1,8	3
Эфиопия	3,7	3,7	5	5	0	0
ЮАР	2,6	3,4	29	32	0,8	3

Источник: составили Г.Е. Попов, В.Н. Холина, М. Петрович на основе данных: City population. URL: <https://citypopulation.de> (дата обращения: 16.07.2024).

Table 2

Share of the capital and 5 largest cities in the population of BRICS member countries, 2000 and 2020

Country	Share of the country's population, %				Relative change in the share of the country's population, percentage points	
	capitals		5 largest cities including the capital		capitals	5 largest cities including the capital
	2000	2020	2000	2020		
Brazil	1.2	1.5	13	14	0.3	1
Egypt	10.6	9.4	23	21	-1.2	-2
India	1.2	1.3	5	5	0.1	0
Iran	11.1	10.0	21	19	-1.0	-2
China	0.8	1.3	3	6	0.5	3
UAE	16.3	12.7	77	71	-3.7	-6
Russia	7.1	8.9	13	16	1.8	3
Ethiopia	3.7	3.7	5	5	0	0
South Africa	2.6	3.4	29	32	0.8	3

Source: compiled by G.E. Popov, V.N. Kholina, M. Petrovich based on the data: City population. URL: <https://citypopulation.de> (date of access: 16.07.2024).

Умеренный рост суммарной численности населения пяти крупнейших городов наблюдается в Бразилии, России и Индии.

В России и Бразилии, где активная индустриализация и урбанизация начались более 100 лет назад, ныне наблюдается умеренный рост городского населения, главным образом, за счет миграций село — город. Растущее население Индии сталкивается с проблемами инфраструктуры и качества жизни в городах.

Наконец, Иран демонстрирует наименьший рост суммарной численности населения крупнейших городов — всего 16 %. Это свидетельствует о менее интенсивных процессах урбанизации, чем в других странах БРИКС. Высокий уровень безработицы и отсутствие привлекательных условий для жизни также способствуют низкому приросту населения (Кожанов, 2023).

Анализ выявил важнейшую тенденцию: общая численность и доля городского населения растет преимущественно за счет столиц. Максимальная доля городского населения, сосредоточенного в крупнейших городах, отмечена в ОАЭ. Это связано в значительной степени с природно-климатическими условиями и закономерностями размещения городов на побережье и в оазисах. Однако за последние 20 лет доля столицы — Абу-Даби в численности населения страны сократилась на 3,6 %, при этом доля крупнейших 5 городов снизилась на 6 процентных пунктов. Экономика ОАЭ постепенно переходит к более диверсифицированной структуре, что создает новые возможности в других регионах.

Столицы и крупнейшие города Бразилии, России и ЮАР продолжают оставаться драйверами экономического развития, численность населения растет благодаря экономическим возможностям, развитой инфраструктуре и высокому качеству жизни. Крупные города, такие как Москва, Бразилиа и Претория, предлагают разнообразные рабочие места и высокие заработные платы, что привлекает мигрантов как внешних, так и внутренних (табл. 3).

В Китае доля населения Пекина и 5 крупнейших городов составила всего 1,3 и 6 % соответственно от населения страны, при этом за исследуемый период данные показатели возросли лишь на 0,5 и 3 %.

Схожая ситуация наблюдалась в Индии и Эфиопии, где доля населения столицы и 5 крупнейших городов была незначительной (0,2 и 0 % соответственно), а рост этих показателей был еще меньше.

На следующем этапе исследования проанализировали концентрацию городского населения в пяти крупнейших городах стран БРИКС в динамике за 2000–2020 гг. для выявления динамики темпов роста концентрации городского населения и сравнения данных процессов в исследуемых странах.

Анализ показателя численности населения в целом и затем численности городского населения позволяет создать целостную картину демографической ситуации в стране и выявить ключевые факторы, влияющие на ее социально-экономическое развитие, определить как крупнейшие города развиваются в сравнении с другими городами стран, выявить причины и последствия.

Таблица 3

Концентрация городского населения в 5 крупнейших городах, 2000 и 2020 гг.

Страна	Концентрация городского населения в 5 крупнейших городах, %		Относительное изменение, процентные пункты
	2000	2020	
Бразилия	16	16	0
Египет	52	48	-4
Индия	18	17	-1
Иран	32	25	-7
Китай	10	10	0
ОАЭ	96	82	-14
Россия	18	21	3
Эфиопия	32	23	-9
ЮАР	51	51	0

Источник: составили Г.Е. Попов, В.Н. Холина, М. Петрович на основе данных: City population. URL: <https://citypopulation.de> (дата обращения: 16.07.2024).

Table 3

Concentration of urban population in the 5 largest cities, 2000 and 2020

Country	Concentration of urban population in the 5 largest cities, %		Relative change, percentage points
	2000	2020	
Brazil	16	16	0
Egypt	52	48	-4
India	18	17	-1
Iran	32	25	-7
China	10	10	0
UAE	96	82	-14
Russia	18	21	3
Ethiopia	32	23	-9
South Africa	51	51	0

Source: compiled by G.E. Popov, V.N. Kholina, M. Petrovich based on the data: City population. URL: <https://citypopulation.de> (date of access: 16.07.2024).

Анализ показал, что наибольшая концентрация городского населения в 5 крупнейших городах наблюдалась в ОАЭ, однако за исследуемый период она сократилась на 14 процентных пунктов. Наименьшее значение показателя в 2000 г. было зафиксировано в Китае — 10 %, и за 20 лет доля не изменилась. Наибольшее сокращение доли населения в крупнейших городах отмечается в Иране и Эфиопии — на 7 и 9 процентных пунктов соответственно.

Данные свидетельствуют о процессах децентрализации экономического развития, которая повлекла за собой снижение концентрации населения в ведущих городских агломерациях. Это связано с целенаправленными усилиями по стимулированию экономической активности в малых и средних городах, а также сельских районах. В случае ОАЭ непосредственное влияние на развитие городов оказывают природные условия, города в стране расположены на побережье или в оазисах, при этом основная часть страны — пустынные районы, непригодные для проживания.

В Китае относительно стабильная доля населения в столице и 5 крупнейших городах указывает на более сбалансированно протекающий процесс урбанизации, что является результатом реализации политики пространственного развития (Андреева, Вотинцева, Чэнь, 2015).

Рассмотрев данные о темпах роста ВВП по ППС и доле валового городского продукта (ВГП) столиц в странах БРИКС за период 2000–2020 гг., отметим, что страны с наибольшими темпами роста ВВП по ППС — это Китай (1114 %), Эфиопия (1207 %), Россия (474 %) и Индия (470 %); рост ВВП для некоторых стран может быть обусловлен увеличением цен на сырьевые товары, например для России и Бразилии, даже если их население не растет столь же быстро (табл. 4).

Таблица 4

Изменение ВВП и доли столиц в ВВП, 2000–2020 гг.

Страна	Относительное изменение ВВП страны 2000–2020 гг., %	Столица	Доля ВГП от ВВП страны 2000, %	Доля ВГП от ВВП страны 2020, %	Относительное изменение, процентные пункты
Бразилия	126	Бразилиа	3,6	3,2	–0,4
Египет	284	Каир	27,6	28,0	0,4
Индия	470	Дели	6,5	5,8	–0,7
Иран	119	Тегеран*	28,0	23,0	–5,0
Китай	1114	Пекин	3,3	3,5	0,2
ОАЭ	235	Абу-Даби*	20,0	13,0	–7,0
Россия	474	Москва	20,0	21,0	1,0
Эфиопия	1207	Аддис-Абеба*	4,0	3,0	–1
ЮАР	123	Претория	2,5	3,0	0,5

Примечание. *Ввиду отсутствия статистики для некоторых стран ВГП столиц БРИКС был рассчитан путем перемножения ВВП на душу населения в целом по стране на численность населения столицы.

Источник: составили Г.Е. Попов, В.Н. Холина, М. Петрович на основе данных: City population. URL: <https://citypopulation.de> (дата обращения: 16.07.2024), GDP per capita (current US\$). URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.PCAP.CD?skipRedirection=true> (дата обращения: 16.07.2024).

Table 4

Change in GDP and in Share of Capitals in GDP, 2000–2020

Country	Relative change in the country's GDP 2000–2020, %	Capital	Share of GCP in GDP of the country 2000, %	Share of GCP in the country's GDP 2020, %	Relative change, percentage points
Brazil	126	Brasilia	3.6	3.2	-0.4
Egypt	284	Cairo	27.6	28.0	0.4
India	470	Delhi	6.5	5.8	-0.7
Iran	119	Tehran*	28.0	23.0	-5.0
China	1114	Beijing	3.3	3.5	0.2
UAE	235	Abu Dhabi*	20.0	13.0	-7.0
Russia	474	Moscow	20.0	21.0	1.0
Ethiopia	1207	Addis Ababa*	4.0	3.0	-1.0
South Africa	123	Pretoria	2.5	3.0	0.5

Note. *In the absence of statistics for some countries, the GCP of BRICS capitals was calculated by multiplying the GDP per capita of the country as a whole by the population of the capital city.

Source: compiled by G.E. Popov, V.N. Kholina, M. Petrovich on the basis of the following data: City population. URL: <https://citypopulation.de> (date of reference: 16.07.2024), GDP per capita (current US\$). URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.PCAP.CD?skipRedirection=true> (date of access: 16.07.2024).

Несмотря на высокие темпы роста ВВП ряда стран, динамика изменения доли столицы в ВВП была незначительной: 1 процентный пункт для Москвы, 0,2...0,5 процентных пунктов для Пекина, Претории и Каира. Абу-Даби продемонстрировал максимальное сокращение доли ВВП — на 7 процентных пунктов. Эти данные свидетельствуют о том, что главной тенденцией пространственного развития в странах БРИКС является развитие не только столицы, но и других крупнейших городов. Это подтверждает тенденцию к пространственной диверсификации экономической активности и децентрализации развития, о которой писал Г. Ахтер, отмечая, что «концентрация экономической деятельности в крупных городах может быть ограничена из-за растущих издержек и дефицита ресурсов» (Ächter, 1998).

Рассмотренные изменения в соотношении ВВП столиц и ВВП стран могут быть объяснены с точки зрения пространственной экономики. Ключевыми факторами, влияющими на эти процессы, стали инвестиции в инфраструктуру и развитие регионов, диверсификация экономической базы, эффективная политика регионального развития и технологические изменения. Это же подтверждают идеи классика пространственной экономики Альфреда Вебера о том, что размещение производства определяется не только рынками сбыта, но и издержками, в т.ч. транспортными и трудовыми (Weber, 1929).

Заключение

Проведенное исследование динамики показателей экономического развития стран БРИКС за период 2000–2020 гг. позволило выявить ключевые тенденции в изменении роли столиц и крупнейших городов в национальных экономиках.

Результаты анализа свидетельствуют о том, что страны БРИКС демонстрируют различные модели пространственного развития и различающуюся динамику роли столичных и крупных городов, вследствие различной степени развитости экономики, разного состава населения и географического положения.

Так, в России, ЮАР и Китае наблюдается усиление концентрации экономической активности в столицах и крупнейших городах на фоне роста ВВП. Это отражает важную роль, которую играют ведущие городские агломерации в экономическом развитии этих стран.

В то же время в ОАЭ, Эфиопии и Иране, несмотря на высокие темпы экономического роста, доля столиц и крупнейших городов в ключевых экономических показателях снижается. Подобные тенденции направлены на снижение рисков, связанных с чрезмерной концентрацией экономической активности в столичных регионах.

Особый интерес представляет группа стран, таких как Бразилия, Египет и Индия, где роль столиц и крупнейших городов в экономическом развитии остается относительно стабильной. Это указывает на более сбалансированный подход к пространственному развитию в данных государствах. Можно сделать вывод о том, что почти каждая страна стремится сбалансировано развивать свою территорию, однако не у каждой это получается.

Важно отметить, что высокие темпы роста ВВП в странах БРИКС не всегда коррелируют с увеличением доли столиц и крупнейших городов в этом показателе. Следовательно, экономическое развитие происходит не только в ведущих городских центрах, но и в других регионах.

Страны блока демонстрируют различную направленность в развитии своих крупнейших городов и столиц и изменении их роли в национальных экономиках, что, однако, не мешает строить эффективное сотрудничество для ускорения темпов экономического роста.

Список литературы

- Александрова Е.Н., Орлов В.И.* Роль и перспективы развития стран БРИКС в глобальной экономике // Теория и практика общественного развития. 2015. № 8. С. 36–38. EDN: TWSGSL
- Андреева М.Ю., Вотинцева Л.И., Чэнь Л.* Пространственные экономические системы Китая: эмпирические оценки приоритетных моделей // ВЭПС. 2015. № 3. С. 7–11. EDN: ULQYMV
- Вергун А.Н.* Сотрудничество стран БРИКС как новый формат интеграционного процесса // Вестник МГИМО. 2013. № 5 (32). С. 153–161. EDN: RFXJEB
- Далдеган У., де Борба В.* Концепция развития БРИКС: анализ проектов, финансируемых НБР // Вестник международных организаций. 2023. Т. 18. № 4. С. 7–33. <https://doi.org/10.17323/1996-7845-2023-04-01> EDN: LBEAVP
- Денисова Д.Э.* БРИКС: вчера, сегодня, завтра // Гуманитарные и политико-правовые исследования. 2022. № 2 (17). С. 40–54. <https://doi.org/10.24411/2618-8120-2022-2-40-54> EDN: CJZMFD

- Кожанов Н.А. Между развитием, ростом и выживанием: о некоторых особенностях модели социально-экономического развития Ирана на современном этапе // *Международная аналитика*. 2023. Т. 14. № 1. С. 72–91. <https://doi.org/10.46272/2587-8476-2023-14-1-72-91> EDN: JXLDQQ
- Макаревич Д.А. Страны БРИКС в мировой экономике. Перспективы развития // *Управление экономическими системами: электронный научный журнал*. 2015. № 10 (82). С. 9–26. EDN: USJXFT
- Обура Ж.-К.О. Роль БРИКС в Африке: результаты и ожидания // *Евразийская интеграция: экономика, право, политика*. 2024. Т. 18. № 2. С. 107–116. <https://doi.org/10.22394/2073-2929-2024-02-107-116> EDN: LDOLPE
- Попова Н.В. Перспективы развития объединения «БРИКС плюс» // *Россия и современный мир*. 2018. № 2 (99). С. 110–118. <https://doi.org/10.31249/rsm/2018.02.08> EDN: USVYLS
- Попова Н.В. Страны БРИКС в формирующемся многополярном мире // *Россия и современный мир*. 2017. № 4 (97). С. 155–162. EDN: ZXXYMR
- Римашевская Н.М., Доброхлеб В.Г. Динамика структуры населения в странах БРИКС // *На родонаселение*. 2016. № 4 (74). С. 31–38. EDN: XRZXKV
- Сергунин А.А., Гао Ф. БРИКС как предмет изучения теории международных отношений // *Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика*. 2018. № 4. С. 55–73. <https://doi.org/10.17323/1996-7845-2018-04-03> EDN: MOFOQB
- Терещенко Д.С. Экономический рост в странах БРИКС: роль и влияние институциональных факторов // *Мир экономики и управления*. 2012. № 3. С. 86–96. EDN: PUAHMF
- Толорая Г.Д., Чуков Р.С. Рассчитывать ли на БРИКС? // *Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика*. 2016. № 2. С. 97–112. EDN: WCDMHD
- Ächter G. *Spatial Aspects of Economic Growth*. Mohr Siebeck, 1998.
- Kamin K., Langhammer R. BRICS+: a Wake-Up Call for the G7? *Cuadernos Económicos de ICE*. 2024. P. 133–146. <https://doi.org/10.32796/cice.2024.107.7802>
- Weber A. *Theory of the location of industries*. University of Chicago Press, 1929.

References

- Ächter, G. (1998). *Spatial aspects of economic growth*. Mohr Siebeck.
- Aleksandrova, E.N., & Orlov, V.I. (2015). Role and prospects of development of the Brics countries in the global economy. *Theory and practice of social development*, (8), 36–38. (In Russ.). EDN: TWSGSL
- Andreeva, M. Yu., Votintseva, L.I., & Chen, L. (2015). Spatial economic systems of China: empirical estimates of priority models. *VEPS*, (3), 7–11. (In Russ.). EDN: ULQYMV
- Daldegan, W., & de Borba, V. (2023). The development concept in BRICS: An analysis of projects financed by the NDB. *International Organisations Research Journal*, 18(4), 7–33. <https://doi.org/10.17323/1996-7845-2023-04-01> EDN: LBEAVP
- Denisova, D.E. (2022). BRICS: yesterday, today, tomorrow. *Humanitarian and political and legal studies*, (2), 40–54. <https://doi.org/10.24411/2618-8120-2022-2-40-54> EDN: CJZMFD
- Kamin, K., & Langhammer, R. (2024). BRICS+: a Wake-Up Call for the G7? *Cuadernos Económicos de ICE*, 133–146. <https://doi.org/10.32796/cice.2024.107.7802>
- Kozhanov, N.A. (2023). Between development, growth and survival: on some features of the model of socio-economic development of Iran at the present stage. *International Analytics*, 14(1), 72–91. (In Russ.). <https://doi.org/10.46272/2587-8476-2023-14-1-72-91> EDN: JXLDQQ
- Makarevich, D.A. (2015). The BRICS countries in the world economy. *Development Prospects*. *UEKS*, (10), 9–26. (In Russ.). EDN: USJXFT
- Obura, J.-C. (2024). The Role of BRICS in Africa: Results and expectations. *Eurasian integration: economics, law, politics*, 18(2), 107–116. <https://doi.org/10.22394/2073-2929-2024-02-107-116> EDN: LDOLPE

- Popova, N.V. (2018). Prospects for the development of the BRICS Plus association. *RSM*, (2), 110–118. (In Russ.). <https://doi.org/10.31249/rsm/2018.02.08> EDN: USVYLS
- Popova, N.V. (2017). The BRICS countries in the emerging multipolar world. *RSM*, (4), 155–162. (In Russ.). EDN: ZXXYMR
- Rimashevskaya, N.M., & Dobrokhleb, V.G. (2016). Dynamics of the population structure in the BRICS countries. *Population*, (4), 31–38. (In Russ.). EDN: XRZXKV
- Sergunin, A.A., & Gao, F. (2018). BRICS as a subject of study of the theory of international relations. *Bulletin of International Organisations: education, science, new economy*, (4), 55–73. (In Russ.). <https://doi.org/10.17323/1996-7845-2018-04-03> EDN: MOFOQB
- Tereshchenko, D.S. (2012). Economic growth in the BRICS countries: the role and influence of institutional factors. *World of Economics and Management*, (3), 86–96. (In Russ.). EDN: PUAHMF
- Toloraya, G.D., & Chukov, R.C. (2016). Whether to count on BRICS? *Bulletin of International Organisations: Education, Science, New Economy*, (2), 97–112. (In Russ.).
- Vergun, A.N. (2013). Cooperation of the BRICS countries as a new format of the integration process. *Bulletin of MGIMO*, (5), 153–161. (In Russ.). EDN: RFXJEB
- Weber, A. (1929). *Theory of the Location of Industries*. University of Chicago Press.

Сведения об авторах / Bio notes

Георгий Евгениевич Попов, лаборант-исследователь кафедры региональной экономики и географии, Российский университет дружбы народов, Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6. ORCID: 0009-0000-9896-5238. E-mail: geo2967@yandex.ru

Georgii E. Popov, Laboratory Assistant-Researcher, Department of Regional Economics and Geography, RUDN University, 6 Miklukho-Maklaya St., Moscow, 117198, Russian Federation. ORCID: 0009-0000-9896-5238. E-mail: geo2967@yandex.ru

Вероника Николаевна Холина, кандидат географических наук, доцент, заведующая кафедрой региональной экономики и географии, Российский университет дружбы народов, Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6. ORCID: 0000-0003-2565-6244. SPIN-код: 5021-7870. E-mail: kholina_vn@pfur.ru

Veronika N. Kholina, PhD in Geography, Associate Professor, Department of Regional Economics and Geography, RUDN University, 6 Miklukho-Maklaya St., Moscow, 117198, Russian Federation. ORCID: 0000-0003-2565-6244. SPIN-код: 5021-7870. E-mail: kholina_vn@pfur.ru

Марко Добрица Петрович, PhD, ведущий исследователь департамента социальной географии, Институт географии Йована Цвичича Сербской академии наук и искусств, Сербия, 11000, Белград, ул. Джуре Лакшика, д. 9; доцент кафедры региональной экономики и географии, Российский университет дружбы народов, Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6. ORCID: 0000-0002-6561-0307. SPIN-код: 5834-7283. E-mail: m.petrovic@gi.sanu.ac.rs

Marko D. Petrovic, PhD (Geosciences), Leading Researcher, Social Geography Department, Geographical Institute “Jovan Cvijici” of the Serbian Academy of Sciences and Arts (SASA), 9 Djure Jakšicia st., Belgrade, 11000, Serbia; Associate Professor, Department of Regional Economics and Geography, RUDN University, 6 Miklukho-Maklaya St., Moscow, 117198, Russian Federation. ORCID: 0000-0002-6561-0307. SPIN-код: 5834-7283. E-mail: m.petrovic@gi.sanu.ac.rs

ИННОВАЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ ЭКОНОМИКЕ INNOVATIONS IN THE MODERN ECONOMY

DOI: 10.22363/2313-2329-2025-33-2-319-333

EDN: AOXFGX

УДК 339.9 (045)

Научная статья / Research article

Использование инструментария OSINT в структуре реализации санкционного давления со стороны ЕС и США в отношении российского нефтегазового сектора

Д.А. Медведев , А.Е. Малых *РГУ нефти и газа (НИУ) имени И.М. Губкина, Москва, Российская Федерация* Medvedev.d@gubkin.ru

Аннотация. Актуальность темы исследования обусловлена беспрецедентным санкционным давлением на российский бизнес и совершенствованием инструментов санкционной политики западными странами, а именно ЕС и США. Наряду с традиционными финансовыми, блокирующими и секторальными санкциями ключевую роль заняли «умные» санкции, позволяющие наиболее точно воздействовать на страну-мишень, запрещая взаимодействие с определенными юридическими или физическими лицами, ущерб которым, с позиции страны-субъекта односторонних санкций, повлечет за собой наибольший вред адресату санкций. В таком контексте представляется важным оценить вклад методов конкурентной разведки на основе открытых источников данных (OSINT) с целью введения санкций в отношении компаний нефтегазовой отрасли Российской Федерации — капиталоемкой отрасли, требующей значительных инвестиций, в т.ч. с привлечением заемных средств и иностранного капитала. Отметим, что реализация санкционного давления представляет угрозу внешнеэкономической деятельности нефтегазовых компаний России, в т.ч. проведению трансграничных сделок и бесперебойному функционированию совместных предприятий. На основании литературного обзора предложена авторская трактовка термина «OSINT (разведка по открытым источникам данных)». Цель исследования — комплексный анализ подходов к методологии OSINT и ее использования в санкционной политике ЕС и США против нефтегазового сектора России. На основании данных из научных трудов российских и зарубежных ученых, статистических и экспертных данных проведен компаративный анализ использования технологии OSINT с целью введения санкций. Освещена вариативность применения инструментов OSINT институтами США и ЕС в части санкционной политики. Представлены правовые основания имплементации таких методов в соответствии

© Медведев Д.А., Малых А.Е., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

с нормативными правовыми актами государств. Разработаны рекомендации по минимизации риска имплементации методов OSINT с последующим санкционным листингом для компаний нефтегазового сектора России, включающие в себя как организационные, так и правовые и экономические меры на корпоративном уровне.

Ключевые слова: OSINT, санкционная политика, нефтегазовый сектор, санкционный комплаенс, Европейский Союз, США, минимизация санкционных рисков

Вклад авторов. Медведев Д.А. — поиск и анализ литературы, подготовка материалов на английском языке, написание текста, выявление особенностей использования OSINT в США; Малых А.Е. — поиск и анализ литературы, выявление особенностей использования OSINT в ЕС, написание текста.

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 30 декабря 2024 г.; доработана после рецензирования 20 февраля 2025 г.; принята к публикации 10 марта 2025 г.

Для цитирования: *Медведев Д.А., Малых А.Е.* Использование инструментария OSINT в структуре реализации санкционного давления со стороны ЕС и США в отношении российского нефтегазового сектора // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика. 2025. Т. 33. № 2. С. 319–333. <https://doi.org/10.22363/2313-2329-2025-33-2-319-333>

Use of OSINT tools in the structure of the implementation of sanctions pressure by the EU and the USA against the Russian oil and gas sector

Dmitriy A. Medvedev , Anastasia E. Malykh

Gubkin University, Moscow, Russian Federation

 Medvedev.d@gubkin.ru

Abstract. The relevance of the research topic is due to unprecedented sanctions pressure on Russian business and the improvement of sanctions policy tools by Western countries, namely the EU and the United States. Currently, along with traditional financial, blocking and sectoral sanctions, smart sanctions play a key role, allowing the most targeted impact on the target country, prohibiting interaction with certain legal entities or individuals, the damage to which, from the position of the subject country of unilateral sanctions, will entail the greatest harm to the addressee of sanctions. In this context, it is important to assess the contribution of open-source competitive intelligence (OSINT) to sanction companies in the Russian oil and gas industry, which is a capital-intensive industry requiring significant investments, including leveraged and foreign capital. It should be highlighted that the implementation of sanctions pressure poses a threat to the foreign economic activity of Russian oil and gas companies, including the conduct of cross-border transactions and the smooth functioning of joint ventures. Based on the literature review, the author's interpretation of the term "OSINT". The purpose of this study is a comprehensive analysis of approaches to the OSINT methodology and its use in the EU and US sanctions policy against the Russian oil and gas sector. The study was carried out using data from scientific papers of domestic and foreign scientists, statistical and expert data, on the basis of which a comparative analysis of the use of OSINT technology was carried out in order to impose sanctions. The study highlights the variability in the use of OSINT tools by US and EU institutions in terms of sanctions

policy, presents the legal grounds for the implementation of such methods in accordance with the regulatory legal acts of states. In addition, the authors developed recommendations to minimize the risk of implementing OSINT methods with subsequent sanctions listing for companies in the Russian oil and gas sector, including both organizational and legal and economic measures at the corporate level.

Keywords: OSINT, sanctions policy, oil and gas sector, sanction compliance, European Union, USA, minimizing sanctions risks

Authors' contribution. Medvedev D.A. — search and analysis of literature, preparation of materials in English, writing of the text, identification of the features of using OSINT in the USA; Malykh A.E. — search and analysis of literature, identification of the features of using OSINT in the EU, writing of the text.

Conflicts of interest. The authors have no conflicts of interest to declare.

Article history: received 30 December 2024; revised 20 February 2025; accepted 10 March 2025.

For citation: Medvedev, D.A., & Malykh, A.E. (2025). Use of OSINT tools in the structure of the implementation of sanctions pressure by the EU and the USA against the Russian oil and gas sector. *RUDN Journal of Economics*, 33(2), 319–333. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2313-2329-2025-33-2-319-333>

Введение

В современных международных отношениях односторонние ограничительные меры представляют собой инструмент влияния на страны-адресаты таких мер, а также являются методом достижения политических целей и неотъемлемой частью современной политики ЕС и США (Медведев, Малых, 2022). Кроме того, немаловажным аспектом в части введения односторонних санкций является использование открытых данных с целью санкционного листинга, достаточность и обоснованность доказательств участия определенного физического или юридического лица в деятельности, которая подпадает под ограничения. Подчеркнем, что применение OSINT (конкурентной разведки по открытым данным) в санкционной политике против российского нефтегазового сектора подразумевает под собой значительные риски для компаний отрасли и их многочисленных контрагентов, включая попадание в списки вторичных санкций по правилу 50 %, которое распространяется на юридические лица, прямо или косвенно контролируемые подсанкционным лицом. Учитывая направленность западной политики на повсеместное использование инструментария OSINT, риски утечки корпоративной информации в открытый доступ, необходимо разрабатывать и применять на корпоративном уровне соответствующие меры, препятствующие получению конфиденциальной информации о компании неуполномоченными лицами. **Цель исследования** заключается в разработке соответствующих рекомендаций для компаний нефтегазового сектора в связи с риском имплементации инструментария OSINT с последующим санкционным листингом. Рассмотрены применение инструментов OSINT с целью введения

блокирующих и секторальных санкций в отношении российского нефтегазового сектора, механизм выявления связанных с данной сферой лиц с использованием поиска данных по открытым источникам, а также правовые основы применения в законодательстве ЕС и США.

Обзор литературы

Применение технологий OSINT становится все более актуальным с точки зрения обеспечения национальной безопасности, осуществления корпоративной и бизнес-разведки, контртеррористической деятельности, и, в частности, противодействия киберпреступности; OSINT трактуется как «комплекс разведывательно-аналитических средств и методов извлечения сведений из общедоступных ресурсов сети Интернет» (Матросова, Кислицин, 2022).

Подчеркнем, что, наряду с отсутствием единого определения для OSINT, эксперты подразумевают под OSINT и «приемы разведки, суть которых заключается в поиске, сборе и анализе информации на основе открытых источников», а методы технологий OSINT разделяют на активные (анкетирование и опрос, прослушивание разговоров без прямого контакта с объектом, наружное наблюдение), пассивные (сбор информации из открытых источников, пассивное наблюдение, использование различных баз данных) и атакующие (ориентированы на максимально возможный сбор сведений об объекте) (Фаниев, 2023).

Обратим внимание на различия в дефинициях OSINT, приводимых Л.Д. Матросовой, И.А. Кислициным и П.А. Фаниевым: в первом определении средства и методы OSINT направлены только на извлечение сведений из открытых источников, а во втором — еще и на поиск и анализ получаемых данных, что подразумевает под собой более широкий спектр инструментов данной технологии.

В подтверждение необходимости более широкого определения для термина «OSINT (разведка по открытым источникам данных)» выступает исследование, по результатам которого выявлено, что специалистам по OSINT, в первую очередь, следует определить перед собой достижимую цель и последовательную цепочку задач, необходимых для ее достижения. Это приведет к формированию определенной стратегии, подходящих инструментов и структурированию поиска важной информации для основной цели (Lebid, Stepanov, Nazarov, 2023).

Помимо этого, в экспертном сообществе рассматривается разведка по открытым источникам применительно к сфере ее использования (например, OSINT в IT-отрасли, правоохранительной деятельности, области защиты критической инфраструктуры от кибератак). При этом, в качестве результата OSINT называют информацию специфического характера, обработанную и проанализированную для получения ответа на определенный вопрос, включая проверку лояльности авторизованных пользователей и обслуживающего персонала опре-

деленных информационных систем вместе с использованием методов социальной инженерии (Акапьев, Савотченко, 2024).

Также авторы научных работ указывают несколько этапов технологии: разработка плана мероприятия и постановка цели, настройка оборудования, необходимого для реализации, поиск и сбор информации, анализ данных и архивирование оборудования (Русанов, Дорофеев, 2023). По иной классификации этапов OSINT, в их число включается также этап подготовки заключения и результатов разведки по открытым источникам данных (Фаниев, 2023).

По итогам обзора профильной научной литературы предлагается следующая трактовка определения OSINT: OSINT — *концепция конкурентной разведки, при которой поиск, сбор, обработка и анализ информации, а также ее использование для целей субъекта производится с помощью инструментария и методов на основании открытых источников данных*. Отметим, что в данном определении круг целей субъекта использования OSINT подлежит расширительному толкованию.

Методы исследования

Исследование подходов к определению и этапам проведения разведки по открытым источникам осуществлен нами на основании научных работ авторов, указанных в обзоре литературы выше, за период с 2022 по 2023 г. В свою очередь, анализ использования технологии OSINT в санкционной политике проведен с использованием нормативно-правовой базы ЕС и США с 2014 по 2024 г., научных работ и исследований российских и зарубежных авторов 2022–2024 гг., статистических данных 2022–2025 гг. Определение рекомендаций к санкционному комплаенсу на корпоративном уровне для российского нефтегазового бизнеса проведен по результатам комплексного анализа роли OSINT в санкционном листинге ЕС и США и актуальных исследований российских и зарубежных ученых.

Нами использован политико-правовой анализ документов системы стратегического планирования США и применен структурно-функциональный подход для исследования распределения задач среди профильных структур, вовлеченных в санкционный листинг. Составление соответствующих классификаций и перечней источников OSINT и инструментов проводилось на базе традиционных формально-логических методов.

Исследование подходов к определению и содержанию Open Source Intelligence (OSINT)

При проведении комплексного изучения применения технологии конкурентной разведки на основе открытых источников данных с целью введения санкций необходимо обратиться к дефиниции и содержанию OSINT, используемой наднациональными институтами ЕС и организа-

циями США, а также экспертным сообществом. Отметим, что в данный момент международно-правовая регламентация понятия и содержания OSINT отсутствует, а толкование объекта OSINT наряду с использованием определенной методологии находится в ведении субъектов ее применения за исключением ограничений, которые могут быть предусмотрены национальным законодательством в сфере получения, обработки, хранения и передачи персональных данных.

Так, согласно опубликованной в марте 2024 г. открытой Стратегией OSINT на период с 2024 по 2026 г. Бюро разведки и исследований Государственного департамента США (далее — Стратегия), OSINT представляет собой «разведывательные данные, которые получены исключительно из общедоступных или коммерческих источников информации касательно определенных приоритетов, требований или пробелов в разведывательных данных»¹. С позиции Стратегии такая информация собирается специалистами для принятия решений в области национальной безопасности. Кроме того, согласно дополнению к Стратегии, информация из открытых источников является бесценным ресурсом, который обогащает аналитические оценки, стимулирует разведывательную дипломатию и предоставляет американским дипломатам по всему миру более широкий доступ к материалам Бюро разведки и исследований на более низких уровнях классификации².

Рассмотрим позицию Европейского союза относительно использования OSINT по данным Бюро публикаций Европейского союза: OSINT — практика сбора и анализа информации из открытых источников, для получения оперативных данных³. Такие данные могут быть использованы как для обеспечения национальной безопасности и правоохранительной деятельности, так и для целей бизнес-аналитики. Более того, Бюро публикаций отмечает и практический потенциал применения инструментов OSINT для военных целей, в частности в ходе специальной военной операции на Украине с целью отслеживания местонахождения российской военной техники.

В данном контексте важно подчеркнуть, что использование западными странами технологии OSINT представляет угрозу национальной безопасности Российской Федерации. Более того, о необходимости применения инструментов OSINT в ответ на недружественные концепции отмечают и российские ученые. Так, Г.М. Федоров говорит о необходимости изучения западных научных трудов, касающихся международных отношений и России в частности (Ворожеина и др., 2023), а ученый А.П. Клемешев называет OSINT наиболее перспективным направлением в контексте мониторинга геополитической безопасности России (Ворожеина и др., 2023).

¹ IC OSINT Strategy 2024–2026, USA. URL: https://www.dni.gov/files/ODNI/documents/IC_OSINT_Strategy.pdf (дата обращения: 15.11.2024).

² Open Source Intelligence Strategy, 2024. URL: <https://www.state.gov/wp-content/uploads/2024/05/INR-Open-Source-Intelligence-Strategy.pdf> (дата обращения: 15.11.2024).

³ What is OSINT: Open-source intelligence? URL: <https://data.europa.eu/en/publications/datastories/what-osint-open-source-intelligence> (дата обращения: 15.11.2024).

Бюро публикаций ЕС, в отличие от Бюро разведки и исследований Государственного департамента США, представляет классификацию источников данных для сбора в рамках OSINT, а именно:

- общественные медиа ресурсы (газеты, журналы, телевидение);
- Интернет (онлайн-публикации, блоги, дискуссионные площадки, социальные медиа);
- публичные государственные ресурсы (публичные правительственные отчеты, бюджеты, пресс-конференции, слушания и выступления);
- профессиональные и академические публикации (журналы, конференции, научные статьи и тезисы);
- коммерческие данные (коммерческие изображения, деловые и финансовые оценки, базы данных);
- неофициальная литература (технические отчеты, патенты, деловые документы, неопубликованные работы и информационные бюллетени).

Необходимо отметить, что в качестве проблематики использования OSINT ЕС называет уникальность собранных и переработанных для OSINT данных, в связи с чем не представляется возможным сравнить полученную информацию с объективной реальностью. Этот факт несет риск неопределенной надежности данных из-за возможного манипулирования результатом обработки заинтересованными лицами, поэтому, с точки зрения Бюро публикаций, понимание и измерение качества данных является ключевым фактором⁴.

Подчеркнем, что подход Соединенных Штатов Америки представляется более комплексным в сравнении с Европейским союзом за счет правовой регламентации использования инструментов OSINT, обозначения национальных целей в данной области и ориентированность на достижение результата, сотрудничества с партнерами, союзниками, представителями различных сфер бизнеса, академическим сообществом и неправительственными организациями. Однако в официальных документах США отсутствуют указание на использование OSINT в бизнес-аналитике, а также закрытый перечень источников информации, так же как и в практике Европейского союза.

Согласно данным Business Research Company, OSINT представляет собой процесс выявления, сбора, обработки, оценки и представления информации, полученной из общедоступных источников, таких как телевидение и радио, социальные сети и веб-сайты, в разведывательных целях. Также, важно отметить, что объем рынка разведанных с открытым исходным кодом значительно увеличился. По прогнозам экспертов, увеличение на 23 % (с 14,85 млрд долл. в 2024 г. до 18,27 млрд долл. в 2025 г.), а в период до 2029 г. превысит порог в 49 млрд долл.⁵, что обуславливает актуальность использования технологии OSINT во многих сферах, в т.ч. в санкционном регулировании и комплаенсе.

⁴ What is OSINT: Open-source intelligence? URL: <https://data.europa.eu/en/publications/datastories/what-osint-open-source-intelligence> (дата обращения: 15.11.2024).

⁵ Open Source Intelligence Global Market Report 2025. URL: <https://www.thebusinessresearchcompany.com/report/open-source-intelligence-global-market-report> (дата обращения: 15.11.2024).

Применение инструментария OSINT в санкционной политике ЕС и США против нефтегазовой отрасли России

Санкционная политика Запада в отношении Российской Федерации на фоне украинского кризиса берет свое начало в 2014 г., после присоединения Крыма к России, и ставит своей целью стратегически важные направления деятельности государства. Так, в связи с началом специальной военной операции в 2022 г., такие ограничения направлены на причинение максимально возможного ущерба нефтегазовой отрасли Российской Федерации (Медведев, Малых, 2022).

В этом ключе важно привести статистические данные по объему санкционных ограничений за период с 2022 г. по начало 2025 г. в отношении отдельных стран. Так, по мнению сетевого издания X-Compliance⁶, доля российских лиц от общего числа фигурантов санкций составила 32 % за период с 21.02.2022 по 03.02.2025 г., кроме того, доля США и ЕС в числе инициаторов таких ограничений составила 30 % (5563) и 14 % (2534) соответственно.

Что касается использования инструментария OSINT для выявления нарушений санкционного законодательства западных стран и, вследствие того, включения компаний-нарушителей в санкционные списки, эксперты подчеркивают большой потенциал применения технологии для поиска бенефициарных владельцев тех или иных организаций. В статье «Как использовать OSINT для выявления связей с организациями, находящимися под санкциями» отмечается роль корпоративной документации как ключевого ресурса, позволяющего выявить связи и совпадения организации с подсанкционным лицом⁷. Приводится пример технологических решений Blackdot и Videris, которые содержат подробную информацию из корпоративных источников, данные из различных СМИ, в т.ч. негативные, представляя информацию в формате визуализации для исследования. Также с помощью программного обеспечения пользователи могут сопоставлять информацию из интернет-источников, корпоративных ресурсов, списков подсанкционных, политически значимых лиц и списков наблюдения.

Более того, западные исследователи Йонас Монтенарх и Саймон Марсден, поддерживающие подход введения санкций в отношении России, отмечают возможности специального программного обеспечения для выявления нарушений санкционного законодательства с помощью методов статистического анализа, оценки количества полученных результатов значений индикаторов от низкого до высокого риска непрозрачности структуры собственности и бенефициарных владельцев, оценки фактора риска подставной компании с бенефициаром, являющимся подсанкционным лицом.

⁶ Санкции против России: актуальная статистика. URL: <https://x.compliance.ru/statistics?yclid=m6rzomm22q875376020> (дата обращения: 15.11.2024).

⁷ How to Use OSINT to Identify Connections to Sanctioned Entities. URL: <https://blackdotsolutions.com/blog/osint-for-sanctions-screening/> (дата обращения: 15.11.2024).

В таком анализе данных были использованы официальные и общедоступные источники информации, включая реестр зарегистрированных компаний в Великобритании, а также реестр зарегистрированных зарубежных организаций. Также, авторы отмечают, что, в соответствии с полученными данными выявлены 3 категории записей:

- случаи с очень высокой вероятностью уклонения от санкционных ограничений;
- случаи с высоким уровнем подозрений в уклонении от санкций;
- случаи, представляющие интерес для общих непрозрачных практик (Montenarh, Marsden, 2024).

Установление в санкционном законодательстве США и ЕС положений об обмене информацией между компетентными органами может являться реализацией Стратегии OSINT на период с 2024 по 2026 г. Бюро разведки и исследований Госдепа США, предусматривающей такое взаимодействие с партнерами наряду с созданием единых баз данных. Так, Регламент Совета ЕС № 269/2014 устанавливает блокирующие санкции в отношении определенных лиц. В соответствии со ст. 2 Регламента Совета ЕС № 269/2014 все денежные средства и экономические ресурсы в юрисдикции ЕС, которые принадлежат непосредственно таким лицам, контролируются ими либо связанными с ними организациями, замораживаются. Отметим, что в список таких лиц были включены, в т.ч. некоторые нефтегазовые компании России. Также п. 3 ст. 3 данного Регламента обязывает указать в Приложении № 1 в списке подсанкционных лиц подробные сведения, позволяющие их идентифицировать, включая псевдонимы, дату и место рождения, гражданство, номер паспорта и удостоверения личности, пол, известный адрес, должность или специальность⁸. Иными словами, перечисленные данные, например, связанная с псевдонимом социальная информация, являются объектом для анализа разведки по открытым источникам.

Регламент Совета ЕС № 692/2014 запрещает инвестиции в Республику Крым и город Севастополь, импорт в Европейский союз товаров, произведенных на данных территориях, предоставлять финансирование или финансовую помощь, страхование и перестрахование, связанное с таким импортом, а также экспорт товаров и технологий таким лицам или для использования на данных территориях, в т.ч. в сфере энергетики, поиска, разведки и добычи нефти, газа и минеральных ресурсов⁹. При этом в ст. 2 (е) отмечается, что компетентные органы (а именно, Еврокомиссия и страны-члены ЕС) информируют друг друга о принимаемых мерах и обмениваются любой имеющейся информацией.

⁸ Council Regulation (EU) № 269/2014 // EU Official Journal. 17.03.2014. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A02014R0269-20230728> (дата обращения: 15.11.2024).

⁹ Council Regulation (EU) No 692/2014 // EU Official Journal. 06.10.2022. URL: <https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2014/692/2022-10-06> (дата обращения: 15.11.2024).

Помимо этого, Регламент Совета ЕС № 833/2014 устанавливает запрет на продажу, поставку, передачу или экспорт отдельных технологий, относящихся к глубоководной разведке и добычи нефти, к разведке и добыче арктической нефти, проектам по добыче сланцевой нефти в России. Как указано в ст. 3 этого Регламента, требуется предварительное разрешение на такую деятельность вне зависимости от места происхождения технологий, если экспорт или передача ресурсов происходит в пользу любого физического или юридического лица, учрежденного в России, а также любого лица в другой стране, если использование технологии предполагается в России¹⁰.

В отношении санкционного законодательства США важно отметить Указ Президента США № 13662, устанавливающий секторальные и блокирующие санкции в отношении лиц, взаимодействующих с субъектами таких ограничений в части определенных сфер экономической деятельности, включая энергетический сектор, финансовые услуги, металлургию, горнодобывающую промышленность, а также связанные с ними секторы производства, оказания материальной помощи, поддержки, нахождения во владении подсанкционного лица или под его контролем, а также действий от его имени¹¹. Кроме того, секция 7 документа закрепляет, что по причине наличия возможности мгновенного перевода денежных средств и активов предварительное уведомление лица о включении в санкционный список не предполагается. В санкционный список по программе UKRAINE-EO13662 были включены компании нефтегазового сектора России.

Важно отметить, что в Регламентах Совета ЕС и Указах Президента США не излагается механизм выявления нарушителей ограничительных мер, а лишь устанавливается обмен информацией между компетентными органами, что обозначает риски неправомерного включения субъектов санкционных режимов и оставляет для таких лиц только возможность обжалования введения таких мер в судах ЕС, США и в рамках административного пересмотра включения в санкционные программы. Помимо того, эксперты отмечают коллективный характер введения санкционных ограничений в Европейском Союзе, и, наоборот, единоличный характер ограничительных мер в США (Кумалагов, Хамхоева, Яровой, 2023).

В связи с введением вышеуказанных санкционных ограничений OFAC и Советом ЕС, для российского бизнеса, в частности для нефтегазовых компаний и связанных отраслей, приоритетным направлением является управление санкционными рисками при взаимодействии с контрагентами. Так, для внутрикорпоративного управления важно отметить внедрение системы санкцион-

¹⁰ Council Regulation (EU) No 833/2014 // EU Official Journal. 01.10.2023. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A020> (дата обращения: 15.11.2024).

¹¹ Executive Order (E.O.) 13662, «Blocking Property of Additional Persons Contributing to the Situation in Ukraine» / Federal Register/Vol. 79, No. 56/Monday, March 24, 2014/Presidential Documents, USA. URL: <https://ofac.treasury.gov/media/5961/download?inline> (дата обращения: 15.11.2024).

ного комплаенса, который, по мнению И.В. Ершовой и Е.Е. Еньковой, включает в себя принятие комплаенс-политики организации, создание структурного подразделения комплаенс-контроля, применение автоматизированных систем выявления санкционных рисков, включение специальных оговорок в договорные документы с контрагентами с целью учета санкционных рисков (Ершова, Енькова, 2022).

Более того, в части санкционных оговорок А.П. Зотова и В.С. Жук подчеркивают, что санкционная оговорка может быть включена в договор как заверение об обстоятельствах. В таком случае контрагент должен был знать на момент заключения договора о существенном характере предоставления данных компании (Зотова, Жук, 2022). Данное положение защищает компанию в случае указания недостоверной информации о санкционном статусе контрагента. Кроме того, санкционная оговорка может предусматривать приостановление действия договора в момент включения контрагента в санкционный список, уведомление компании о включении контрагента в санкционный список и возмещение соответствующих убытков по договору, а также расторжение или изменение договора в связи с существенным изменением обстоятельств (реализацией санкционного риска), прекращение договора с подсанкционным лицом в связи с невозможностью его исполнения.

Некоторые эксперты подчеркивают, что санкционные ограничения как правовой феномен являются форс-мажором, тем самым освобождают контрагента от ответственности за ненадлежащее исполнение обязательств по договору или за неисполнение таковых (Коваленко, Платунова, 2024). Однако важно подчеркнуть, что ввиду неопределенности судебной практики относительно признания санкционного события в качестве форс-мажора, ученые отмечают, что следует отразить данное положение непосредственно в договоре, а также указать последствия наступления санкционного случая (Пшеничная, 2024).

Подчеркнем, что в условиях экстерриториальности санкционных ограничений, а именно вторичного санкционного риска, эксперты выделяют несколько правовых стратегий, позволяющих компании на организационно-правовом уровне предотвратить воздействие ограничительных мер на деятельность организации в целом. Среди них: изменение корпоративных цепочек в контексте реорганизации компании и (или) создания дочерних предприятий в нейтральных юрисдикциях, осуществление деятельности в дружественных юрисдикциях, лоббирование интересов бизнеса на международном уровне, внедрение инновационных технологий и стратегии импортозамещения, международный арбитраж, сотрудничество с иностранными юридическими компаниями, диверсификация портфеля активов и направлений деятельности компании (Плотников, 2024).

Важно отметить, что методом минимизации санкционных рисков может выступать уменьшение количества публикуемой информации о компании, включая предоставление бухгалтерской, финансовой и иных видов

отчетности. Так, Г.П. Почивалова приводит данные, согласно которым на динамику раскрытия информации повлияли ограничения, введенные в связи с Постановлением Правительства РФ № 5 от 12.01.2018 г. и Положением Банка России от 27 марта 2020 г. № 714-П, а именно 80 из 210 подсанкционных юридических лиц, акции которых допущены к организованным торгам, закрыли свою отчетность, а половина компаний из списка ограничила ее раскрытие (Почивалова, 2023). На данном этапе также важно осуществлять эффективную поддержку систем информационной безопасности для предотвращения утечек корпоративной информации и проводить мероприятия в рамках законодательства о коммерческой тайне. Подчеркнем, что таким образом становится возможным минимизировать санкционный риск для аффилированных лиц.

Заключение

На текущий момент отсутствует международно-правовая регламентация определения и содержания методов разведки по данным с открытым исходным кодом (OSINT), как и перечень данных, которые могут быть использованы в рамках рассматриваемой технологии, что предоставляет субъектам такой деятельности, в т.ч. западным компетентным органам, неограниченные ресурсы для получения и обработки данных, которые могут свидетельствовать о возможных нарушениях санкционных программ.

Имплементация OSINT в санкционной политике в отношении нефтегазовой отрасли России стремительно развивается, появляются новые технологии и программы для выявления скрытых бенефициарных владельцев и мониторинга уровня санкционного риска, что влечет за собой политические и экономические риски, а также значительные финансовые издержки для российского бизнеса и иностранных контрагентов.

Среди организационно-правовых стратегий, анализируемых в экспертном сообществе, ключевыми, с нашей точки зрения, являются концепции развития российских инновационных технологий и импортозамещения, поддержание диверсифицированного характера активов компаний, а также инвестирование в новые направления деятельности с потенциалом высокой рентабельности. Помимо этого, представляется актуальным создание в нефтегазовой отрасли обособленных предприятий компаний в дружественных юрисдикциях, осуществление деятельности через которые позволяет снизить санкционный риск.

Наиболее эффективными методами минимизации санкционных рисков для российского нефтегазового бизнеса является выстраивание корпоративных систем комплаенс-контроля и мониторинга, наряду с использованием современных систем выявления уровня санкционного риска и включением санкционных оговорок в договорные документы организации для защиты компании от вероятных нарушений санкционных программ. Кроме того, важный аспект — соблюдение режима корпоративной тайны и поддержание

информационной безопасности компании и ее сотрудников, а также строгое соблюдение характера и количества публикуемой информации о деятельности компании.

Список литературы

- Акапьев В.Л., Савотченко С.Е.* Публично-правовое регулирование обеспечения безопасности объектов критической информационной инфраструктуры // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». 2024. № 3. С. 494–503. <http://doi.org/10.35634/2412-9593-2024-34-3-494-503> EDN: HQZFNB
- Ворожеина Я.А., Клемешев А.П., Комлева Н.А., Дружинин А.Г., Белозеров В.К., Федоров Г.М., Волошенко К.Ю.* Геополитическая безопасность России: к постановке проблемы // Балтийский регион. 2023. Т. 15. № 1. С. 153–169. <http://doi.org/10.5922/2079-8555-2023-1-9> EDN: YGFCOQ
- Ершова И.В., Енькова Е.Е.* Санкционный комплаенс, или внутрифирменное управление рисками от рестрикций // Актуальные проблемы российского права. 2022. Т. 17. № 8 (141). С. 93–103. <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2022.141.8.093-103> EDN: GDBBVN
- Зотова А.П., Жук В.С.* Способы исполнения международных договоров в условиях санкций // Столыпинский вестник. 2022. Т. 4. № 3. С. 1495–1509. EDN: PJOXFH
- Коваленко Е.Ю., Платунова Т.Л.* Исполнение внешнеэкономической сделки в условиях ограничений // Российско-азиатский правовой журнал. 2024. № 4. С. 38–44. [http://doi.org/10.14258/ralj\(2024\)4.7](http://doi.org/10.14258/ralj(2024)4.7) EDN: GVQNAW
- Кумалагов Н.Е., Хамхоева Л.М., Яровой М.А.* Нормативные правовые акты недружественных государств, вводящие санкции против нефтегазового сектора российской федерации (санкционный комплаенс) // Право и государство: теория и практика. 2023. № 1 (217). С. 213–216. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2023_1_213 EDN: LGLHIJ
- Матросова Л.Д., Кислицин И.А.* Инструменты для поиска оперативно-значимой информации по открытым источникам // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2022. № 4 (93). С. 65–72. EDN: НРПЮУ
- Медведев Д.А., Малых А.Е.* Политико-экономические санкции в современных международных отношениях: историко-политологический анализ // Международное сотрудничество евразийских государств: политика, экономика, право. 2022. № 2. С. 84–88. EDN: NIAQVS
- Плотников И.Г.* Правовые стратегии российских компаний в условиях международных санкций // Евразийская адвокатура. 2024. № 5 (70). С. 163–166. https://doi.org/10.52068/2304-9839_2024_70_5_163 EDN: DGRDQT
- Почивалова Г.П.* Изменение информационной прозрачности корпоративного сектора в современных условиях: причины и тенденции // Московский экономический журнал. 2023. Т. 8. № 1. https://doi.org/10.55186/2413046X_2023_8_1_31 EDN: TXLDJH
- Пшеничная Н.Ю.* Модернизация международных коммерческих договоров в современных условиях // Евразийская адвокатура. 2024. № 1 (66). С. 117–126. https://doi.org/10.52068/2304-9839_2024_66_1_117 EDN: SYCQTV
- Русанов С.В., Дорофеев О.В.* Конкурентная разведка в IT-отрасли с применением открытых данных // Инновации и инвестиции. 2023. № 2. С. 115–118. EDN: RJKRXZ
- Фаниев П.А.* Тихая разведка OSINT как способ получения криминалистически значимой информации // Научный портал МВД России. 2023. № 2 (62). С. 82–87. EDN: LGFUUL

- Lebid A.E., Stepanov V.V., Nazarov M.S. Use of the OSINT-technologies for civil society institutions // *International Journal of Media and Information Literacy*. 2023. Vol. 8. № 1. P. 114–121. <http://doi.org/10.13187/ijmil.2023.1.114>
- Montenarh J., Marsden S. Unmasking the oligarchs — using open source data to detect sanctions violations // *Journal of Economic Criminology*. 2024. Vol. 3. P. 100055. <https://doi.org/10.1016/j.jeconc.2024.100055>

References

- Akapev, V.L., & Savotchenko, S.E. (2024). Public legal regulation of the security of critical information infrastructure facilities. *Bulletin of the Udmurt University. Series Economics and Law*, (3), 494–503. (In Russ.). <https://doi.org/10.35634/2412-9593-2024-34-3-494-503> EDN: HQZFBH
- Ershova, I.V., & Enkova, E.E. (2022). Sanctions compliance, or intra-company risk management caused by restrictions. *Actual problems of Russian law*, (8), 93–103. (In Russ.). <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2022.141.8.093-103> EDN: GDBBVN
- Faniev, P.A. (2023). OSINT silent intelligence as a way to obtain criminally significant information. *Scientific Portal of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2(2), 82–87. (In Russ.). EDN: LGFUUL
- Kovalenko, E.Y., & Platunova, T.L. (2024). Execution of a foreign economic transaction under conditions of restrictions. *Russian-Asian Law Journal*, (4), 38–44. (In Russ.). [https://doi.org/10.14258/ralj\(2024\)4.7](https://doi.org/10.14258/ralj(2024)4.7) EDN: GVQHAW
- Kumalagov, N.E., Khamkhoeva, L.M., & Yarovoy, M.A. (2023). Regulatory legal acts of unfriendly states imposing sanctions against the oil and gas sector of the Russian Federation (sanctions compliance). *Law and State: theory and practice*, (1), 213–216. (In Russ.). http://doi.org/10.47643/1815-1337_2023_1_213 EDN: LGLHIJ
- Lebid, A.E., Stepanov, V.V., & Nazarov, M.S. (2023). Use of the OSINT-technologies for civil society institutions. *International Journal of Media and Information Literacy*, 8(1), 114–121. <https://doi.org/10.13187/ijmil.2023.1.114>
- Matrosova, L.D., & Kislicin, I.A. (2022). Tools for searching operationally significant information from open sources. *Scientific Bulletin of the Orel Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.V. Lukyanov*, (4), 65–72. (In Russ.). EDN: HPIIUY
- Medvedev, D.A., & Malykh, A.E. (2022). Political and economic sanctions in modern international relations: a historical and political analysis. *International cooperation of Eurasian states: politics, economics, law*, (2), 84–88. (In Russ.). EDN: NIAQVS.
- Montenarh, J., & Marsden, S. (2024). Unmasking the oligarchs — using open source data to detect sanctions violations. *Journal of Economic Criminology*, (3), P. 100055. <https://doi.org/10.1016/j.jeconc.2024.100055>
- Plotnikov, I.G. (2024). Legal strategies of Russian companies under international sanctions. *Eurasian advocacy*, (5), 163–166. (In Russ.). https://doi.org/10.52068/2304-9839_2024_70_5_163 EDN: DGRDQT
- Pochivalova, G.P. (2023). Changes in the information transparency of the corporate sector under modern conditions: reasons and trends. *Moscow Economic Journal*, (1), 495–506. (In Russ.). https://doi.org/10.55186/2413046X_2023_8_1_31 EDN: TXLDJH
- Pshenichnaya, N.Yu. (2024). Modernization of international commercial agreements in modern times. *Eurasian Advocacy*, (1), 117–126. (In Russ.). https://doi.org/10.52068/2304-9839_2024_66_1_117 EDN: SYCQTV
- Rusanov, S.V., & Dorofeev, O.V. (2023). Competitive investigation in the IT-industry using open data. *Innovation and investment*, (2), 115–118. (In Russ.). EDN: RJKRXZ

- Vorozheina, Ya.A., Klemeshev, A.P., Komleva, N.A., Druzhinin, A.G., Belozеров, V.K., Fedorov, G.M., & Voloshenko, K.Yu. (2023). Geopolitical security of Russia: remarks on the problem statement. *Baltic Region*, 15(1), 153–169. (In Russ.). <https://www.doi.org/10.5922/2079-8555-2023-1-9> EDN: YGFCOQ
- Zotova, A., & Zhuk, V. (2022). Ways of international contracts performance under sanctions. *Stolypinsky Bulletin*, (3), 1495–1509. (In Russ.). EDN: PJOXFH

Сведения об авторах / Bio notes

Медведев Дмитрий Андреевич, кандидат политических наук, заведующий кафедрой (базовой) международного сотрудничества в сфере обеспечения безопасности, РГУ нефти и газа (НИУ) имени И.М. Губкина, Российская Федерация, 119991, Москва, Ленинский проспект, д. 65, к. 1. ORCID: 0000-0002-8275-5188. SPIN-код: 4642-1510. E-mail: Medvedev.d@gubkin.ru

Dmitriy A. Medvedev — *Cand. Sc. (Politics)*, Head of the Department of (Basic) International Cooperation in the field of Security, Gubkin University, 65 Leninsky Prospekt, bldg. 1, Moscow, 119991, Russian Federation. ORCID: 0000-0002-8275-5188. SPIN-code: 4642-1510. E-mail: Medvedev.d@gubkin.ru.

Малых Анастасия Евгеньевна, инженер Управления стратегического развития, РГУ нефти и газа (НИУ) имени И.М. Губкина, Российская Федерация, 119991, Москва, Ленинский проспект, д. 65, к. 1. ORCID: 0009-0001-3928-3445. SPIN-код: 4061-2888. E-mail: malykh.anastasia@mail.ru

Anastasia E. Malykh, engineer of the Strategic Development Department, Gubkin University, 65 Leninsky Prospekt, bldg. 1, Moscow, 119991, Russian Federation. ORCID: 0009-0001-3928-3445 SPIN-code: 4061-2888. E-mail: malykh.anastasia@mail.ru

DOI: 10.22363/2313-2329-2025-33-2-334-349

EDN: AFNVOG

UDC 330.43, 338.2, 339.5

Research article / Научная статья

Short- and long-term drivers of China's high-tech export leadership: empirical analysis

Svetlana A. Balashova , Ruzana A. Abramian, Nikita V. Lazarev*RUDN University, Moscow, Russian Federation* balashova_sa@pfur.ru

Abstract. It is widely acknowledged that the People's Republic of China has emerged as a major player in the global arena of high-technology product exports. In the preceding 15-year period, high-tech exports have exhibited an average annual growth rate of 6%, though this trend is stochastic in nature. Consequently, the growth rate is not consistent but is acutely responsive to external shocks. The Granger causality test and the Engle — Granger cointegration test are utilised to identify the long-run effects of the variables under consideration. The Error Correction Model (ECM) is employed to estimate the long-run and short-run response to changes in the main drivers. The results demonstrate that despite changes in economic policy and the launch of the Made in China 2025 programme a decade ago, the primary long-term driver of export growth remains foreign capital. While expenditures on research and development (R&D) have shown a tendency to positively influence high-tech exports in the short term, international investment, particularly in the form of foreign direct investment, has a more significant long-term impact on high-tech exports from China. In the short term, a decline in net foreign direct investment inflows is likely to be balanced by an increase in R&D. Nevertheless, in the long term, the impact of accumulated international investment proves to be considerably more significant. New Chinese policy priorities are expected to shift the main driver of high-tech export growth from foreign capital to domestic R&D.

Keywords: China, high-tech export, international investment, stochastic trend, Granger causality, Error correction model

Authors' contribution. Balashova S.A. — research concept and design, data analysis, supervision; Abramian R.A. — data collection, research concept; Lazarev N.V. — data collection, literature review. All authors have read and agreed to the published version of the manuscript.

Conflicts of interest. The authors declare no conflict of interest.

© Balashova S.A., Abramian R.A., Lazarev N.V., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Article history: received 12 December 2024; revised 15 February 2025; accepted 11 March 2025.

For citation: Balashova, S.A., Abramian, R.A., & Lazarev, N.V. (2025). Short- and long-term drivers of China's high-tech export leadership: empirical analysis. *RUDN Journal of Economics*, 33(2), 334–349. <https://doi.org/10.22363/2313-2329-2025-33-2-334-349>

Краткосрочные и долгосрочные факторы лидерства Китая в экспорте высоких технологий: эмпирический анализ

С.А. Балашова , Р.А. Абрамян, Н.В. Лазарев

Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

 balashova_sa@pfur.ru

Аннотация. Широко признано, что Китайская Народная Республика стала крупным игроком на мировой арене экспорта высокотехнологичной продукции. В течение предыдущего 15-летнего периода экспорт высокотехнологичной продукции демонстрировал среднегодовой темп прироста в 6 %, хотя эта тенденция носит стохастический характер. Следовательно, темпы роста не являются постоянными, но остро реагируют на внешние шоки. Тест причинности Грейнджера и тест на коинтеграцию Энгла — Грэнжера использованы для выявления долгосрочных эффектов рассматриваемых переменных. Модель коррекции ошибок (ЕСМ) применена для оценки долгосрочной и краткосрочной реакции высокотехнологичного экспорта на изменения основных факторов. Результаты показали, что, несмотря на изменения в экономической политике и запуск программы «Сделано в Китае 2025» десять лет назад, основным долгосрочным фактором роста экспорта остается иностранный капитал. В то время как расходы на научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы (НИОКР) показали тенденцию к положительному влиянию на экспорт высокотехнологичной продукции в краткосрочной перспективе, международные инвестиции, особенно в форме прямых иностранных инвестиций, оказывают более существенное долгосрочное влияние на экспорт высокотехнологичной продукции из Китая. В краткосрочной перспективе снижение чистого притока прямых иностранных инвестиций, вероятно, будет компенсировано ростом НИОКР. Тем не менее, в долгосрочной перспективе влияние накопленных международных инвестиций проявило себя значительно более существенным. Ожидается, что новые приоритеты китайской политики сместят основной драйвер роста экспорта высокотехнологичной продукции с иностранного капитала на внутренние НИОКР.

Ключевые слова: Китай, экспорт высоких технологий, международные инвестиции, стохастический тренд, причинность по Грейнджеру, модель коррекции ошибок

Вклад авторов. Балашова С.А. — концепция и дизайн исследования, анализ данных, руководство; Абрамян Р.А. — сбор данных, концепция исследования; Лазарев Н.В. — сбор данных, литературный обзор. Все авторы одобрили окончательную версию статьи.

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 12 декабря 2024 г.; доработана после рецензирования 15 февраля 2025 г.; принята к публикации 11 марта 2025 г.

Для цитирования: *Balashova S.A., Abramian R.A., Lazarev N.V.* Short- and long-term drivers of China's high-tech export leadership: empirical analysis // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика. 2025. Т. 33. № 2. С. 334–349. <https://doi.org/10.22363/2313-2329-2025-33-2-334-349>

Introduction

In the context of rapid technological progress, each country is seeking its own strategies to ensure sustainable economic growth. In the modern world, innovation and high technology are becoming key factors in determining the competitiveness of countries in the international arena. This trend is especially evident in the case of China's economic growth, which is rapidly transforming from a producer of low-tech goods to a leading economy capable of developing and implementing advanced technologies (Reshetnikova, Balashova, 2024).

The Chinese economy has undergone massive changes, moving from traditional industries to high-tech sectors. Since the implementation of economic reforms and the opening of the Chinese economy in 1978, the country has consistently achieved growth rates that have exceeded 10%. This transformation can be attributed to the transition from a planned economy to a mixed economy, wherein the market assumes a predominant role in resource allocation. A substantial portion of China's notable economic growth between 1978 and 2000 can be ascribed to these reforms. However, the more recent and accelerated growth observed in 1990th — 2010th has been predominantly driven by exports. For an extended period, the People's Republic of China has pursued policies that have enabled it to acquire, adapt, and disseminate technologies to enhance its export competitiveness (Chandra, 2006). In early 2000th China became the largest recipient of foreign direct investment (FDI) among developing countries. It is well documented that FDI contributed to GDP growth in China in at least two ways: through increased capital formation and higher total factor productivity.

Nevertheless, in recent years, China has sought to reduce its reliance on foreign capital and technology. The Made in China 2025 initiative (MIC 2025), which was originally announced in 2015, is a programme with the objective of modernising China's industrial capabilities. This research-and-development-driven plan is regarded as a critical element in China's sustained growth and competitiveness for the coming decades as it transitions into a developed economy.

Statistical data has indicated that China's export of high-tech products has exhibited a consistent growth trajectory over the past 15 years. Utilising contemporary econometric methodologies, the present study seeks to ascertain whether this trend is deterministic, indicating a heightened resilience to external shocks, or stochastic, implying greater variability. The extensive body of literature dedicated to the subject of China's economic developments has asserted that foreign direct investment has been instrumental in the growth of the high-tech industry within China. The objective of the present study is to assess the impact of research and development (R&D) and foreign investment on the growth of high-tech exports from China, taking into account the rate of economic growth. The Granger causality test and the cointegration test are used to identify the long-run effects of the variables under consideration. The Error Correction Model (ECM) is applied to estimate the long-run and short-run response to changes in the main drivers.

Literature review

The high-tech export of Chinese products has attracted the interest of numerous researchers over the past 20 years. The earliest studies explore how the role of China's high-tech industry in the Asian region has evolved within the context of globalization (Gaulier, Lemoine, Ünal-Kesenci, 2007), as well as the role of high-tech product (HTP) exports and foreign direct investment (FDI) in economic growth (Ekananda, Parlinggoman, 2017), and the relationship between foreign investment and the high-tech sector (Liu, Gao, 2020). In their 2011 work, authors Kelly Liu and Kevin James Daly (Liu, Daly, 2024) examined how China transitioned from low-tech to high-tech production. Subsequent studies have increasingly focused on the high-tech indicator itself, investigating factors influencing China's high-tech industry. Some authors have explored how intellectual property impacts the productivity of Chinese exporters (Lee, Wang, 2023). A significant number of studies have been dedicated to exploring the links between the high-tech sector and R&D. For instance, the efficiency of Chinese R&D was analyzed using firms from Changzhou as a case study (Chen, Zhang, Zheng, 2017). The effectiveness of R&D investments has also been examined both broadly, beyond Changzhou (Han et al., 2017), and at the firm level (Fu, Wu, Tang, 2012). In conjunction with other indicators, specific industries, such as the automotive and electronics sectors, have been studied (Wignaraja, 2012).

More specific indicators were addressed in the work of Stelian Sandu and Bogdan Ciocanel (Sandu, Ciocanel, 2014), who investigated the relationship between R&D and high-tech exports, rather than the high-tech sector as a whole. There is also research that attempts to link broader indicators, such as R&D and the overall export of Chinese products (Kittová, Družbacká, 2023). Approaches to the topic vary; for example, the relationship between R&D and the high-tech sector has been examined using a geographical approach, with Chinese provinces serving as the spatial framework (Han, Feng, 2023). Other researchers have approached the issue from the perspective of sustainability (Hao, Qiu, Cervantes, 2016). Authors of a subsequent publication questioned the applicability of similar models across different countries, proposing a universal framework for empirical research on the links between R&D and the high-tech sector (Rauf, Ma, Jalil, 2023). The impact of R&D on the export competitiveness of HTP has also been explored (Hu, Zhang, Zhu, 2024). However, China is not the only country of interest to researchers. Similar studies have been conducted on select Eastern European countries (Domazet et al., 2021), and comparative analyses have been carried out between developed and developing nations (Bayraktutan, 2018). Researchers Yanying Chen and Yijun Yuan raised an intriguing question: what influences a firm's development strategy (Chen, Yuan, 2007)? Should firms conduct R&D in-house or outsource it? Will these innovations help a company survive in the market (Zhang, Zheng, Ning, 2018)?

In addition to China's high-tech exports, the strategy of China's technological progress has been actively discussed. Researchers have examined the relationship between innovation and imports (Chen, Zhang, Zheng, 2017), as well as the connection between technology transfer and exports (Ma, Rauf, 2020). Some studies have focused not on HTP exports directly, but on related indicators, such as the impact of FDI on organizational innovation (Cheung, 2010), the channels

of innovation diffusion (Liu, Buck, 2007), and how various factors influence innovation (Zhu, Wang, Wang, 2019).

The effects of FDI, mergers, and acquisitions on innovation in the HTP sector have also been analyzed (Liu, Zou, 2008). Some works have addressed not only HTP exports but also the overall export of Chinese products, the influence of FDI on production (Liang, 2008), and other factors, including government policy (Zhang, 2015), as well as the impact of FDI and government intervention. The influence of HTP exports on other indicators has also been examined (Zhang, Zhao, Wang, 2019). An interesting study on stereotypes about the quality of Chinese products has been conducted (Xiong, Qureshi, 2013). Among the most recent works, the impact of the Chinese government’s “dual circulation” strategy on HTP exports has been explored (Shmarlouskaya et al., 2023).

The present study contributes to this vast literature by focusing on the statistical properties of the variables under investigation and by using state-of-the-art econometric techniques to assess the log-run impact of R&D and foreign investment, not limited to FDI, on China’s high-tech exports over the last 15 years.

Data and Methodology

In this study, a deterministic and a stochastic trend model are fitted to data on the export of high-tech products from China between 2007 and 2023 to ascertain the most suitable model to use in analysing this data.

In order to develop a model that illustrates the dynamics of China’s high-tech exports depending on funding sources, the following factors are considered: R&D expenditure, foreign direct investment and international investment position (liabilities). The definition of variables and data sources are given in Table 1.

Table 1

Description of variables

Variable notation	Variable definition	Source
HTECH	High-technology exports (current US\$)	The World Development Indicators, TX.VAL.TECH.CD
FDI	Foreign direct investment, net inflows (BoP, current US\$)	The World Development Indicators, BX.KLT.DINV.CD.WD
XRD	Research and development expenditure (% of GDP), R&D intensity	The World Development Indicators, GB.XPD.RSDV.GD.ZS
GDP	GDP (current US\$)	The World Development Indicators NY.GDP.MKTP.CD
IPL	International Investment Position, Liabilities (current US\$)	IMF Data Warehouse

Source: The World Bank. Retrieved 11 November, 2024, from <https://wdi.worldbank.org/>; International Monetary Fund. Retrieved 9 November, 2024, from <https://data.imf.org/>

We describe the dynamics of China's high-tech exports using a trend model, taking into account that log-transformation should proceed an estimation of linear trend parameters. There are two different ways of modelling a linear trend. A deterministic trend is obtained using the regression model

$$\text{Log}(HTECH_t) = \alpha + \delta t + u_t, \quad (1)$$

where u_t is an error term and follow an ARMA (p,q) process. In a simplest case it is an ARMA (1,0) and

$$u_t = \rho u_{t-1} + v_t, \quad (2)$$

where v_t is a white noise.

A stochastic trend is obtained using the model (1), where u_t is an ARIMA (p,d,q) process with $d = 1$ (non-stationary process which become stationary after first differencing). In this case we can rewrite equation (1) as follows:

$$\text{Log}(HTECH_t) = \text{Log}(HTECH_{t-1}) + \delta + (u_t - u_{t-1}), \quad (3)$$

thus, $(u_t - u_{t-1})$ is ARMA (p,q) and we can use regression techniques to assess parameters of equation (3).

The coefficient, designated as δ , in Equations (1) and (3), provides an average annual growth rate for *HTECH*, evaluated under the two different assumptions about the error term u_t .

Before building the regression model when working with time series, it is necessary to check our variables for (weak) stationarity. We utilise the ADF test (Dickey, Fuller, 1981).

To analyse the impact of international investment and R&D expenditure on high-tech export we use two approaches.

Following the existing literature, we regress *HTECH* (In log form) on FDI and R&D intensity, controlling for GDP. For those time series which occurred to be I (1) (stationary in first difference), we apply differencing. This approach allows to assess the association between changes in explanatory variable on the dependent variable.

The second approach is based on the hypothesis that the time series *HTECH* have a long-term, stable relationship with one or more time series variables, even if those variables themselves are individually non-stationary. In a more formal context, if considered time series are individually integrated of order d (i.e. they require d differences to become stationary) but a linear combination of them is integrated of a lower order, then it is said that the time series are cointegrated (Engle, Granger, 1987).

This approach in turn is comprised of multiple steps. The Granger causality test is utilised to ascertain which variable can be regarded as explanatory for *HTECH*. Then Engle-Granger two-step method is used.

The initial step in the Engle-Granger process is the assessment of the cointegration equation, in which $\text{Log}(HTECH)$ is a dependent variable.

The general form of the cointegration equation between the dependent variable Y_t and the explanatory variable X_t is the following:

$$Y_t - \beta X_t = u_t. \quad (4a)$$

In modern econometrics Fully Modified Ordinary Least Squared (FM OLS) estimator for the parameter β is used, which employed a semi-parametric correction to OLS estimator (Phillips, 1995). If u_t is stationary according to ADF test, then variables considered to be cointegrated.

A second-stage regression is a regression of Y_t on the lagged regressors, X_t , and the lagged residuals from the first stage,

$$\Delta Y_t = \alpha + \gamma \Delta X_t + \lambda \hat{u}_{t-1} + v_t. \quad (4b)$$

In equation (4b) \hat{u}_{t-1} denotes the residuals from equation (4a), v_t is a white noise.

This model is referred to as an error correction model (ECM), a tool that is employed to estimate the short-term and long-term effects of one time series on another.

Results

Key facts on China's High-Tech Exports. China's leadership in high-tech exports is confirmed by World Bank data. According to the World Bank classification, high-tech exports are products with high R&D intensity, such as aerospace, computers, pharmaceuticals, scientific instruments, and electrical machinery. The share of high-tech products in China's exports over the past 20 years has significantly exceeded the figure for industrially developed countries such as France and Germany, exceeded the figure for the United States (although in 2007 these shares were about 30% in both countries) and is slightly inferior to Great Britain, but only for 2023 (Fig. 1).

With respect to value, China's high-tech exports exhibited a marked superiority over those of all other countries in 2007, a position it subsequently retained 15 years later. However, the gap between China and other nations has widened considerably (Fig. 2).

Over the past 15 years, there has been negligible change in the composition of China's exports. In 2007, electrical machinery and electronics accounted for almost 25% of total exports; by 2023, this group accounted for almost 30% of total exports¹. According to the World Bank classification, high-tech exports consist of the following main groups of products: aerospace, computers-office machines, pharmacy, electrical machinery. The composition of China's export in 2023 is presented in fig. 3.

¹ The Observatory of Economic Complexity. Retrieved January 25, 2025 from <https://oec.world/en/profile/country/chn?yearSelector1=2023&depthSelector1=HS2Depth>

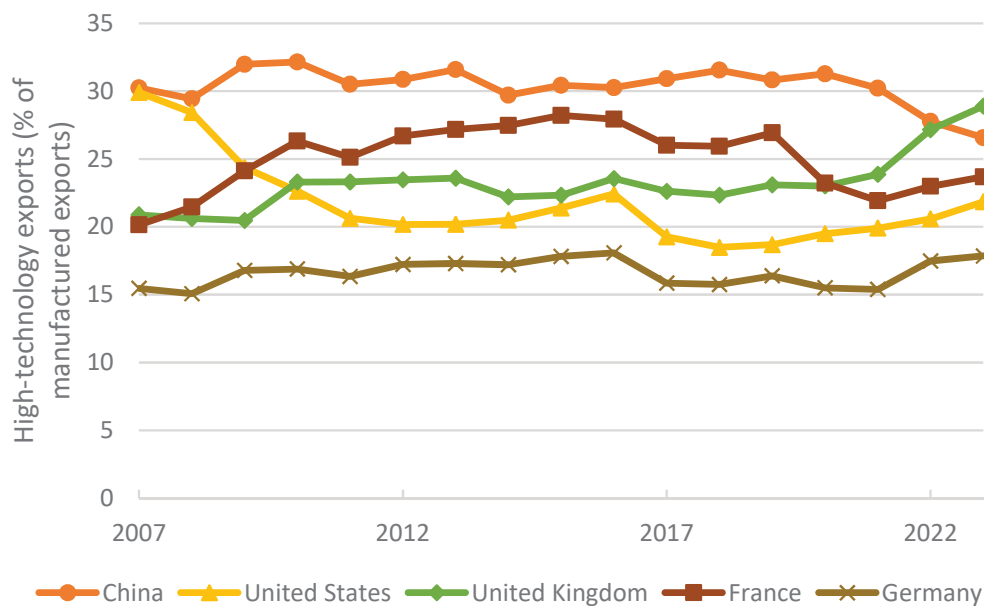

Figure 1. Dynamics of high-technology export (% of manufactured export) for China and its main competitors
 Source: World Development Indicators².

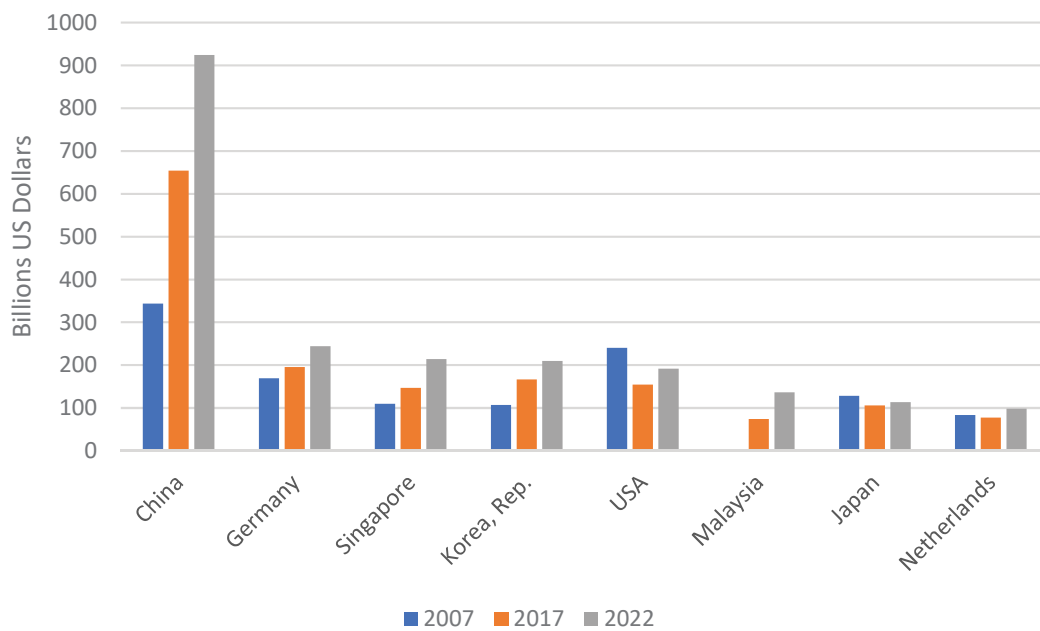

Figure 2. The largest exporters of high-tech products
 Source: World Development Indicators³.

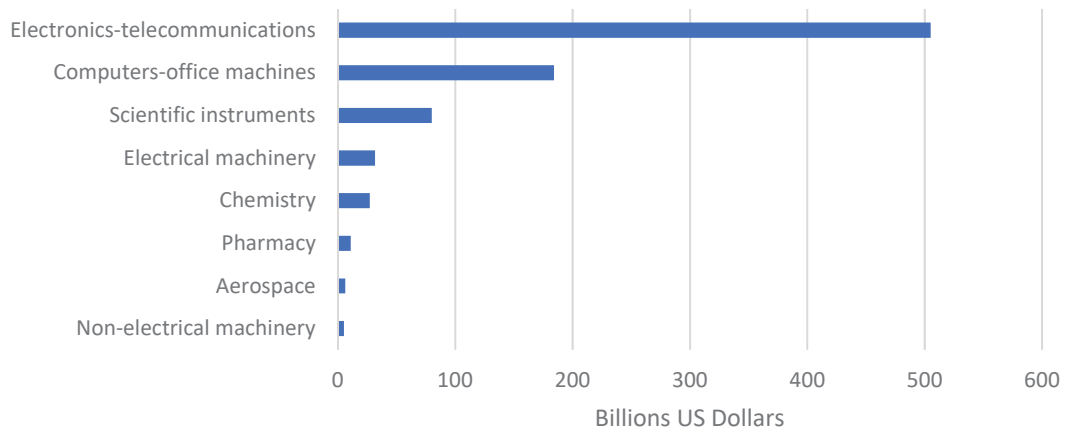

Figure 3. Top exports of China in 2023

Source: UN Comtrade Database⁴.

Trends in high-tech export

The ARMA Maximum Likelihood method is used to estimate the trend parameters in equation (1). Results for the deterministic trend under the assumption (2) are as follows:

$$\text{Log}(HTECH) \hat{=} 26.16 + 0.06t + [AR(1) = 0.51].$$

The R-squared equals to 0.91, all coefficients are significant at the 1% significance level. It is anticipated that China's high-tech exports will exhibit a growth trajectory of 6% annually, according to the equation.

The estimation of the growth in high-tech export from the stochastic trend (3) is similar. However, the stochastic trend has much wider prediction intervals because the errors in (1) are not stationary (fig. 4). It is important to note that the augmented Dickey-Fuller (ADF) test supports the hypothesis that the examined series exhibits a stochastic trend rather than a deterministic one.

The data obtained for the year 2023 demonstrates a decline in high-tech exports, a phenomenon that was not anticipated by trend models. However, it should be noted that the observed data falls within the 95% confidence interval of the prediction. It is worth to note, that the employment of stochastic trends for the purpose of prediction is subject to considerable constraints, as the confidence intervals are known to expand in proportion to an increase in the time span under consideration.

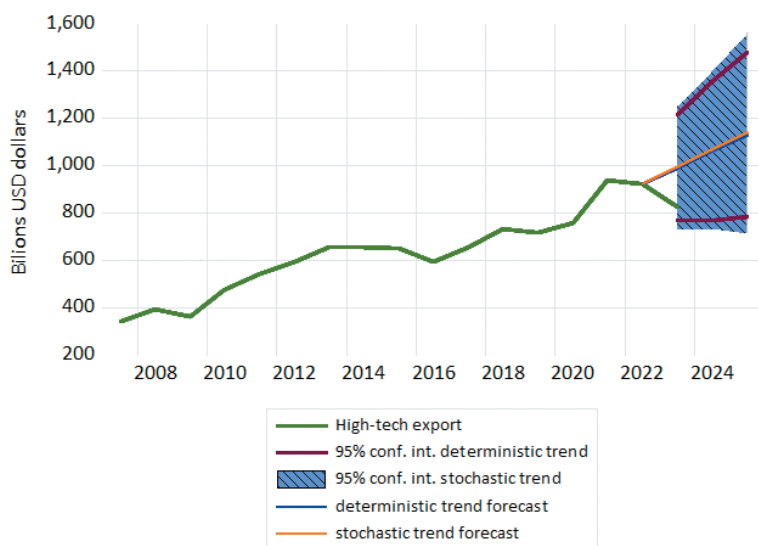

Figure 4. High-tech export from China: actual and forecast (2023–2025)

Source: calculated by S.A. Balashova, R.A. Abramian, N.V. Lazarev based on WDI.

Short-run and long-run drivers of high-tech export. The hypothesis that the growth rate of high-tech exports is influenced by the growth rate of the economy, the growth rate of FDI, and the share of R&D in the previous GDP period, is tested. Employing the ordinary least squares (OLS) method results in the following findings

$$\Delta\text{Log}(HTECH_t) = 0.97 * \Delta\text{Log}(GDP_t) + 0.14 * XRD_{t-1} + 0.12 * \Delta\text{Log}(FDI_t) - 0.30. \quad (5)$$

Despite the modest sample size ($n = 16$), the equation is noteworthy and possesses a high degree of goodness of fit ($R^2 = 0.85$). The coefficients associated with the variables are statistically significant at the 5% level. The Durbin-Watson statistics ($DW = 2.6$) indicate the absence of autocorrelation. The calculations of standardized coefficients from equation (5) demonstrate that high-tech exports are the most sensitive to annual changes in GDP (In current USD), followed by net inflows of FDI (also in current USD), and the least sensitive to changes in the share of R&D in GDP.

Using estimates for China GDP in 2024 to be 18.2 trillion USD, taken from Trading Economics⁵, and R&D intensity to be 2,68% as reported by The State Council Information Office⁶ and assuming the FDI has not changed in 2024 compared to 2023, the estimated value of high-tech export is 888 billion USD, which is higher

⁵ Trading Economics. *China GDP*. Retrieved September 10, 2024 from <https://tradingeconomics.com/china/gdp>

⁶ The State Council Information Office, The People’s Republic of China. *China’s R&D spending reports rapid growth in 2024*. Retrieved February 10, 2025 from http://english.scio.gov.cn/pressroom/2025-01/23/content_117681815.html

then in 2023, but lower than in 2021 and 2022. The growth in high-tech exports from China in 2021 and 2022 can be attributed to an increased demand for electronics and telecommunications products, which was delayed due to the pandemic. Consequently, these products remain the primary category of high-tech exports from China (Fig. 3). Further growth is therefore expected to be in line with the growth of the global market for such products.

Recent years have seen China attach great importance to fundamental research, with significant progress being made in the construction of major scientific apparatus and infrastructure. A number of original achievements have been made in fields such as quantum technology, life science, materials science and space science (Reshetnikova, Mikhaylov, 2023). It is anticipated that these developments will lead to breakthroughs in key and core technologies. However, it should be noted that the R&D effect is prolonged and not straightforward.

The Granger causality test is utilised in order to assess the hypothesis that R&D and foreign investment have the capacity to predict high-tech exports in the long term. Rather than employing current foreign direct investment (FDI) net inflows, we consider China assets owned by foreign nations from the international investment position (denoted as IIPL). This is predicated on the assumption that not only direct investments, but also portfolio and other investments, may exert influence on high-tech production and exports (Navarro Zapata, Arrazola, de Hevia, 2024). Following the validation of the considered time series as I (1) (stationary in first differences) through the Dickey-Fuller test, the Granger test for first differences is employed, with the consideration of only two lags due to the relatively limited length of the time series. The results obtained are outlined in Table 2.

Table 2

Results of the Granger causality test

Null Hypothesis	F-Statistic	P-value
D(HTECH) does not Granger Cause D(IIPL)	0.80	0.47
D(IIPL) does not Granger Cause D(HTECH)	7.80	0.01
D(HTECH) does not Granger Cause D(FDI)	0.05	0.95
D(FDI) does not Granger Cause D(HTECH)	2.85	0.11
D(HTECH) does not Granger Cause D(RD)	0.33	0.72
D(RD) does not Granger Cause D(HTECH)	1.90	0.20

Note. The symbol D(X) is used to denote the first difference in the series X.

Source: calculated by S.A. Balashova, R.A. Abramian, N.V. Lazarev.

The presented results show that foreign investment, when accumulated, exerts a significant impact on the prediction of high-tech exports. However, the impact of research and development (R&D) and net current foreign direct investment (FDI) appears to be less pronounced.

The e Granger test indicate the presence of a cointegration relationship between high-tech exports and foreign investment, with foreign investment acting as an exogenous variable.

The Fully Modified Least Squares (FMOLS) is utilised for assessing the cointegration relationship between HTECH and IIPL in log form (6). Then the residuals (denoted as RESID) are obtained from this equation to estimate an Error Correction Model (ECM). The results are as follows.

$$\text{Log}(HTECH_t) = 0.67 \cdot \text{Log}(IIPL) + 16.9; \quad (6)$$

$$\Delta \text{Log}(HTECH_t) = 0.69 \cdot \Delta \text{Log}(IIPL_t) - 0.83 \cdot RESID_{t-1}. \quad (7)$$

The coefficient of cointegration equation (6) show that in a long-run a 1% increase in international investment is associated in 0.67% increase in export of high-tech products. The short-run impact of change in *IIPL* on *HTECH* is almost the same (0.69). The second term in equation (7) explains long-run gravitation towards the equilibrium relationship between the variables. A significant and negative coefficient implies a strong corrective force. It means that 83% of disbalance between current and equilibrium level is corrected.

Discussion

The study shows that foreign capital has had a strong impact on the dynamics of China's high-tech sector, not only in the early days but also today.

In the early stages of development in the 1980s, the growth of the high-tech industry was actively supported by open market reforms that focused on attracting foreign investment through special economic zones and lucrative joint venture agreements. However, it was after joining the World Trade Organisation in 2001 that the high-tech sector really began to grow. It is almost impossible to list all the foreign companies that have invested in China because of the sheer number and the difficulty of obtaining complete data. However, it is possible to highlight the largest and most notable investments.

- Intel was one of the first major investors in Chinese chip manufacturing. Its presence helped develop the Chinese semiconductor industry, although it now faces competition from local manufacturers and restrictions due to sanctions.
- Samsung also has significant manufacturing capacity in China and plays an important role in the supply of semiconductors and other electronic components.
- IBM was one of the first foreign investors in China's IT market. It provided enterprise solutions, consulting services and technology.
- Procter & Gamble opened its doors in China in 1988 and has since significantly increased its investment in the country.

- General Motors began manufacturing in China in 1997 and quickly became one of the largest automakers in the Chinese market.
- Although Apple was founded in 1976, it began actively expanding its business in China after the reforms, opening factories and stores.

Although China's economic growth rate has slowed from pre-COVID levels, its technology ecosystem remains a priority for international companies in a variety of sectors. Moderna and AstraZeneca, for example, are investing heavily in China's biotech and healthcare sectors. Moderna is building its pharmaceutical manufacturing plant with a hefty investment of US\$3.6 billion, while AstraZeneca is investing US\$1 billion to expand its pharmaceutical R&D centres. German chemical giant BASF has received final approval to build a Verbund plant in China's Guangdong province in 2022. The project is estimated to cost €10 billion. The site will be located in the city of Zhanjiang and is expected to be completed by 2030. In 2023, US biotech company Moderna Inc. will start building its first pharmaceutical plant in China with a total investment of RMB 3.6 billion (\$501 million).

Will pharmaceuticals and biotech be the new driver of China's high-tech exports? Possibly. R&D investments in the industry are slow to pay off, but they do bring big profits to the pharmaceutical giants (Balashova, Volgina, 2021).

Following the adoption of MIC 2025, China has been even more active in increasing its R&D spending, both through increased intensity and through economic growth. New Chinese policy priorities are expected to shift the main driver of high-tech export growth from foreign capital to domestic R&D.

Conclusion

Recent observations indicate a positive trend in the export of high-tech products, with an average annual growth rate of 6% over the past 15 years. However, this trend is stochastic and does not mitigate the impact of short-term fluctuations. Consequently, a substantial decline in high-tech exports from China in 2023 may result in a protracted period of low growth, particularly under unfavourable external conditions.

While expenditures on R&D have shown a tendency to positively influence high-tech exports in the short term, international investment, particularly in the form of foreign direct investment, has a more significant long-term impact on high-tech exports from China. In the short term, a decline in net FDI inflows is likely to be balanced by an increase in R&D. However, in the long-run, the impact of the accumulated foreign investment is much greater.

Released in 2015, the "Made in China 2025" government initiative outlined a decade-long strategy aimed at modernising China's manufacturing infrastructure through accelerated development of ten high-tech sectors. While the initiative did not aspire to fully displace international investment, it sought to impose certain restrictions and regulations that would favour the development of the Chinese high-tech industry. The success of this initiative would result in China assuming a leadership position in new high-tech markets.

References

- Balashova, S., & Volgina, N. (2021). Pharmaceutical leadership of countries: Role of accumulative effect of R&D expenditures and effect of imports continuity. *World Economy and International Relations*, 65(11), 49–59. (In Russ.). <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2021-65-11-49-59> EDN: FYIOYU
- Bayraktutan, Yu. (2018). Innovation and high-tech exports in developed and developing countries. *Journal of International Commerce, Economics and Policy*, 9(3). <https://doi.org/10.1142/S1793993318500114>
- Chandra, V. (Ed.). (2006). *Technology, adaptation, and exports: How some developing countries got it right*. World Bank Publications.
- Chen, Y., & Yuan, Y. (2007). The innovation strategy of firms: empirical evidence from the Chinese high-tech industry. *Journal of Technology Management in China*, 2(2), 145–153. <https://doi.org/10.1108/17468770710756095>
- Chen, Z., Zhang, J., & Zheng, W. (2017). Import and innovation: Evidence from Chinese firms. *European Economic Review*, 94, 205–220. <https://doi.org/10.1016/j.euroecorev.2017.02.008>
- Cheung, K.Y. (2010). Spillover effects of FDI via exports on innovation performance of China's high-technology industries. *Journal of Contemporary China*, 19(65), 541–557. <https://doi.org/10.1080/10670561003666152>
- Dickey, D.A., & Fuller, W.A. (1981). Likelihood ratio statistics for autoregressive time series with a unit root. *Econometrica*, 49(4), 1057. <https://doi.org/10.2307/1912517>
- Domazet, I., Marjanović, D., Ahmetagić, D., & Bugarčić, M. (2021). The impact of innovation indicators on increasing exports of high technology products. *Ekonomika preduzeća*, 69 (1–2), 31–40. <https://doi.org/10.5937/EKOPRE2102031D> EDN: SNWQHY
- Ekananda, M., & Parlingoman, D.J. (2017). The role of high-tech exports and of foreign direct investments (FDI) on economic growth. *European Research Studies Journal*, 20 (4A), 194–212. <https://www.um.edu.mt/library/oar/handle/123456789/32575>
- Engle, R.F., & Granger, C.W.J. (1987). Co-integration and error correction: Representation, estimation, and testing. *Econometrica*, 55(2), 251–276. <https://doi.org/10.2307/1913236>
- Fu, D., Wu, Y., & Tang, Y. (2012). Does innovation matter for Chinese high-tech exports? A firm-level analysis. *Frontiers of Economics in China*, 7(2), 218–245. <https://doi.org/10.3868/s060-001-012-0010-9>
- Ganeshan, W. (2012). Innovation, learning, and exporting in China: Does R&D or a technology index matter? *Journal of Asian Economics*, 23(3), 224–233. <https://doi.org/10.1016/j.asieco.2011.02.001>
- Gaulier, G., Lemoine, F., & Ünal-Kesenci, D. (2007). China's Integration in East Asia: Production Sharing, FDI & High-Tech Trade. *Econ Change*, 40, 27–63 <https://doi.org/10.1007/s10644-007-9013-5>
- Han, C., Thomas, S.R., Yang, M., Ieromonachou, P., & Zhang, H. (2017). Evaluating R&D investment efficiency in China's high-tech industry. *The Journal of High Technology Management Research*, 28(1), 93–109. <https://doi.org/10.1016/j.hitech.2017.04.007>
- Han, X., & Feng, H. (2023). The impact of foreign R&D on the innovation performance of China's high-tech industry and its spatial spillover effect. *PLOS ONE*, 18(3), e0282626. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0282626> EDN: EXQEQQ
- Hao, L., Qiu, B., & Cervantes, L. (2016). Does firms' innovation promote export growth sustainably? — Evidence from Chinese manufacturing firms. *Sustainability*, 8(11), 1173. <https://doi.org/10.3390/su8111173>
- Hu, G., Zhang, X., & Zhu, T. (2024). A catalyst for China's high-tech export competitiveness: Perspective of technological innovation. *Sustainability*, 16(5), 2169. <https://doi.org/10.3390/su16052169> EDN: JWXWCQ

- Kittová, Z., & Družbacká, B. (2023) Developments in the field of innovations in China and Chinese exports. *Croatian Economic Association*, 74(1), 59–84. <https://doi.org/10.32910/ep.74.1.3> EDN: QPWLOD
- Lee, K., & Wang, L. (2023). Chinese high-tech export performance: Effects of intellectual capital mediated by dynamic and risk management capabilities. *SAGE Open*, 13 (1). <https://doi.org/10.1177/21582440231153039>
- Liang, Y. (2008). Why are China's exports special?: The role of FDI, regional trade, and government policies. *The Chinese Economy*, 41(6), 99–118. <https://doi.org/10.2753/CES1097-1475410605>
- Liu, C., & Gao, Y. (2020). The Impact of OFDI on the Technical Complexity of High-tech Industry Export in Home Country. *E3S Web of Conferences*, 214, 02012. <https://doi.org/10.1051/e3sconf/202021402012> EDN: DONHFC
- Liu, K., & Daly, K. (2024). Foreign direct investment in China manufacturing industry — transformation from a low tech to high tech manufacturing. *International Journal of Business and Management*, 6, 15–15. <https://doi.org/10.5539/ijbm.v6n7p15>
- Liu, X., & Buck, T. (2007). Innovation performance and channels for international technology spillovers: Evidence from Chinese high-tech industries. *Research policy*, 36(3), 355–366. <https://doi.org/10.1016/j.respol.2006.12.003>
- Liu, X., & Zou, H. (2008). The impact of greenfield FDI and mergers and acquisitions on innovation in Chinese high-tech industries. *Journal of world business*, 43(3), 352–364. <https://doi.org/10.1016/j.jwb.2007.11.004>
- Ma, Y., & Rauf, A. (2020). Indigenous innovation, foreign technology transfer and the export performance of China's manufacturing industries. *The Singapore Economic Review*, 65(05), 1349–1366. <https://doi.org/10.1142/S0217590819400034>
- Navarro Zapata, A., Arrazola, M., & de Hevia, J. (2024). Determinants of high-tech exports: New evidence from OECD countries. *Journal of the Knowledge Economy*, 15(1), 1103–1117. <https://doi.org/10.1007/s13132-023-01116-z> EDN: JAEZUR
- Phillips, P.C.B. (1995). Fully modified least squares and vector autoregression. *Econometrica*, 63(5), 1023–1078. <https://doi.org/10.2307/2171721> EDN: HFZUHP
- Rauf, A., Ma, Y., & Jalil, A. (2023). Change in factor endowment, technological innovation and export: evidence from China's manufacturing sector. *European Journal of Innovation Management*, 26(1), 134–156. <https://doi.org/10.1108/EJIM-01-2021-0055> EDN: ZHZDFS
- Reshetnikova, M.S., & Mikhaylov, I.A. (2023). Artificial intelligence development: Implications for China. *Montenegrin Journal of Economics*, 19(1), 139–152. <https://doi.org/10.14254/1800-5845/2023.19-1.12> EDN: VIXKPO
- Reshetnikova, M.S., & Balashova, S.A. (2024). Global challenges of the modern world. China's "response" models. EDN: NFSEFF
- Sandu, S., & Ciocanel, B. (2014). Impact of R&D and Innovation on High-tech Export. *Procedia Economics and Finance*, 15, 80–90. [https://doi.org/10.1016/S2212-5671\(14\)00450-X](https://doi.org/10.1016/S2212-5671(14)00450-X)
- Shmarlouskaya, H.A., Shalupayeva, N.S., Babyna, I.V., & Sinyuk, T.Y. (2022). Development of China's high-tech exports under the implementation of the dual circulation strategy. In *Innovative trends in international business and sustainable management* (pp. 33–42). Singapore: Springer Nature Singapore. https://doi.org/10.1007/978-981-19-4005-7_4 EDN: QZTMWT
- Wignaraja, G. (2012). Innovation, learning, and exporting in China: Does R&D or a technology index matter? *Journal of Asian Economics*, 23(3), 224–233. <https://doi.org/10.1016/j.asieco.2011.02.001>
- Xiong, J., & Qureshi, S. (2013). The quality measurement of China high-technology exports. *Procedia Computer Science*, 17, 290–297. <https://doi.org/10.1016/j.procs.2013.05.038>

- Zhang, D., Zheng, W., & Ning, L. (2018). Does innovation facilitate firm survival? Evidence from Chinese high-tech firms. *Economic Modelling*, 75, 458–468. <https://doi.org/10.1016/j.econmod.2018.07.030>.
- Zhang, K.H. (2015). What drives export competitiveness? The role of FDI in Chinese manufacturing. *Contemporary Economic Policy*, 33(3), 499–512. <https://doi.org/10.1111/coep.12084>
- Zhang, Z., Zhao, X., & Wang, D. (2019). The impact of high-tech product export on the regional competitiveness of science technology and maritime transportation innovation. In: Guido-Aldana, P.A., Mulahasan, S. (eds.). *Advances in Water Resources and Exploration. Journal of Coastal Research*, (93), 780–784. <https://doi.org/10.2112/SI93-109.1>
- Zhao C., & Sang-Ho, L.W.X. (2017). R&D Performance in High-Tech Firms in China. *Asian Economic Papers*, 16(3), 193–208. https://doi.org/10.1162/asep_a_00565
- Zhu, J., Wang, Y., & Wang, C. (2019). A comparative study of the effects of different factors on firm technological innovation performance in different high-tech industries. *Chinese Management Studies*, 13(1), 2–25. <https://doi.org/10.1108/CMS-10-2017-0287> EDN: WJPJMD

Bio notes / Сведения об авторах

Svetlana A. Balashova, Candidate of Sciences in Physics and Mathematics, Head of the Economic Modelling Department, Faculty of Economic, RUDN University, 6 Miklukho-Maklaya st., Moscow, 117198, Russian Federation. ORCID: 0000-0003-1797-8825. SPIN-code: 8307-9357. E-mail: balashova-sa@rudn.ru

Балашова Светлана Алексеевна, кандидат физико-математических наук, заведующая кафедрой экономико-математического моделирования экономического факультета, Российский университет дружбы народов, Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6. ORCID: 0000-0003-1797-8825. SPIN-код: 8307-9357. E-mail: balashova-sa@rudn.ru

Ruzana A. Abramian, student, Economic Modelling Department, Faculty of Economic, RUDN University, 6 Miklukho-Maklaya st., Moscow, 117198, Russian Federation. E-mail: 1132210576@pfur.ru

Абрамян Рузана Артуровна, студент кафедры экономико-математического моделирования экономического факультета, Российский университет дружбы народов, Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6. E-mail: 1132210576@pfur.ru

Nikita V. Lazarev, student, Economic Modelling Department, Faculty of Economic, RUDN University, 6 Miklukho-Maklaya st., Moscow, 117198, Russian Federation. E-mail: 1132222066@rudn.ru

Лазарев Никита Васильевич, студент кафедры экономико-математического моделирования экономического факультета, Российский университет дружбы народов, Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6. E-mail: 1132222066@rudn.ru

ДЛЯ ЗАМЕТОК
